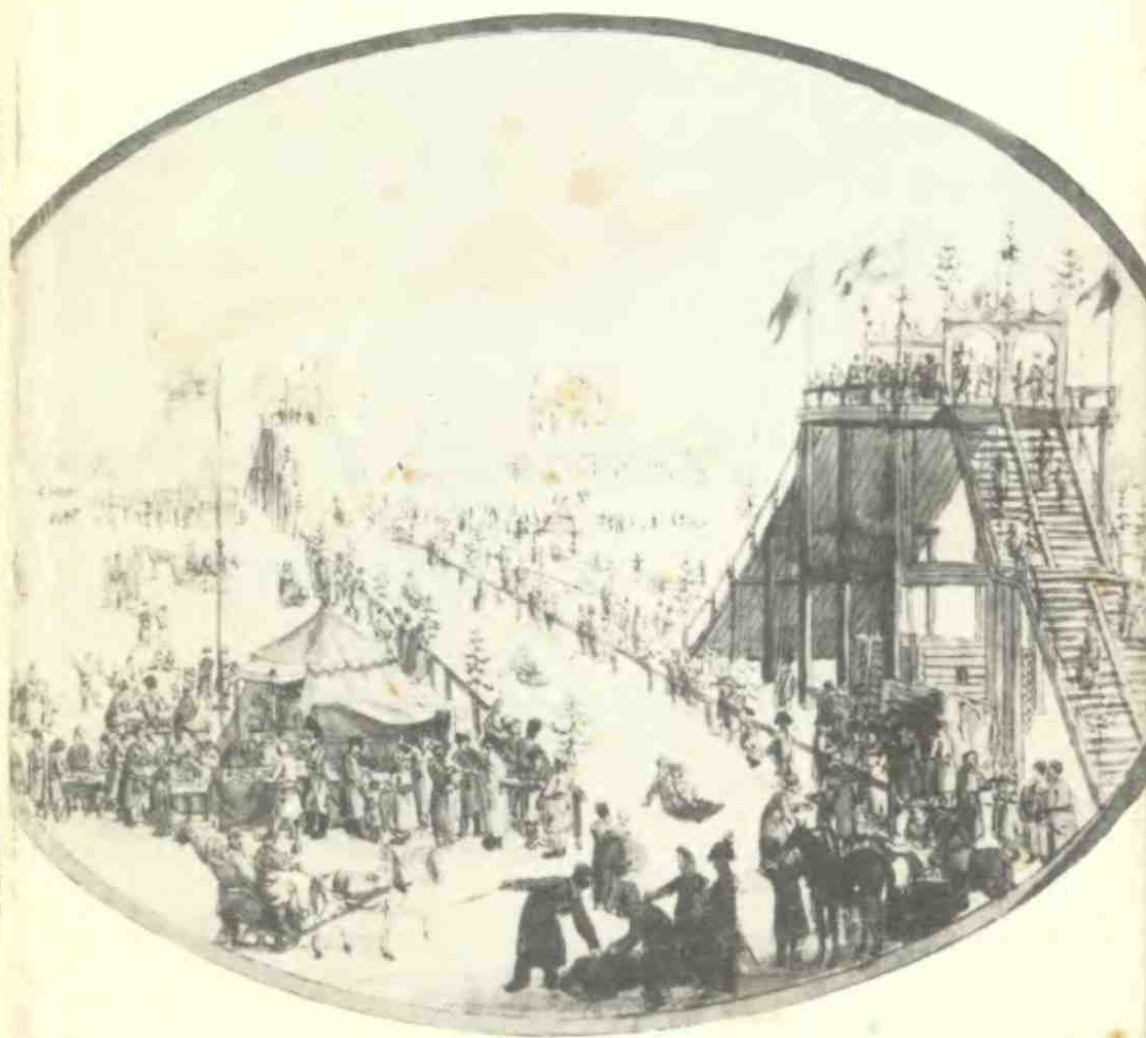


ПЕТЕРБУРГ И ГУБЕРНИЯ

ИСТОРИКО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

ПЕТЕРБУРГ И ГУБЕРНИЯ





АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ПЕТЕРБУРГ И ГУБЕРНИЯ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

Составитель и ответственный редактор
Н. В. ЮХНЕВА



ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1989

В сборнике продолжается публикация работ по этнографии Петербурга, начатая в книге «Старый Петербург: историко-этнографические исследования» (Л., 1982). Включены также материалы, относящиеся к Петербургской губернии. Исследуются народные гулянья, снабжение населения хлебом, крестьянское жилище и другие темы. Большое внимание уделяется этнической проблематике.

Книга предназначена для историков, этнографов, краеведов.

Рецензенты: В. Б. Голофаст, В. Г. Узунова

ОТ РЕДАКТОРА

Настоящий сборник является непосредственным продолжением вышедшей семь лет назад книги «Старый Петербург: историко-этнографические исследования» (Л., 1982). Тогда изучение этнографии Петербурга—Ленинграда только начиналось. В 1974, 1976 и 1978 гг. состоялись конференции по этнографии Северо-Запада СССР (их проводила Ленинградская часть Института этнографии АН СССР),¹ на которых петербургско-ленинградская тематика играла ведущую роль. Материалы этих конференций легли в основу названного издания, а также и предшествовавшего ему сборника «Этнографические исследования Северо-Запада СССР» (1977), в котором имелся специальный раздел под названием «Этнография Петербурга».

В последующие годы были опубликованы две монографии: «Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: вторая половина XIX—начало XX в.» (Л., 1984) Н. В. Юхнёвой, «Этническая группа в современном советском городе: социологические очерки» (Л., 1987) Г. В. Старовойтовой и значительное число статей.

С 1983 г. ежегодно проводятся научные чтения «Этнография Петербурга—Ленинграда».² В 1987 г. началась регулярная публикация материалов этих чтений — серийное издание «Этнография Петербурга—Ленинграда» (ЭПЛ). В вып. 2 ЭПЛ помещена обзорная статья, в которой подводятся итоги изучения этнических аспектов истории Петербурга, именно — нерусских этнических групп в населении дореволюционного Петербурга.

Предлагаемый читателю сборник открывается статьей Л. Н. Семеновой, которая посвящена организационным мерам по снабжению хлебом населения Петербурга в XVIII в. и позволяет по-новому, в необычном ракурсе, увидеть правительственную политику того времени. Большая, хорошо иллюстрированная работа А. М. Конечного о петербургских народных гуляньях на масленой и пасхальной неделях имеет монографический характер. Она охватывает весь период бытования в Петербурге гуляний «на балаганах», содержит их исчерпывающее описание, основанное на богатой источниковой базе, а также теоретические обобщения. По теме статья примыкает к опубликованным в прошлом сборнике работам, посвященным праздничным развлечениям высших классов.³ Ю. Н. Беспятых и Л. Н. Сухачев вводят в научный оборот новые

¹ См.: СЭ. 1975, № 1; 1977. № 1; 1979. № 1.

² См.: СЭ. 1984. № 5; 1986. № 2; 1988. № 1.

³ Семенова Л. Н. Общественные развлечения в Петербурге в первой половине XIX в. // СП. С. 147—163; Великанова С. И. Гравюра К. Гампельна «Екатерингофское гулянье 1-го мая» как источник изучения архитектуры и быта Петербурга 1820-х годов // СП. С. 190—200.

источники — малоизвестные описания петербургского быта, принадлежащие перу иностранцев, которые авторами впервые переведены на русский язык. Эта статья определенным образом дополняет работу А. М. Конечного, так как содержит материалы также и по народным гуляньям.

А. С. Мыльников обобщил материалы о выходцах из славянских земель, живших в Петербурге в XVIII и начале XIX в. Как и статья Ю. Н. Беспятых и Л. Н. Сухачева, работа А. С. Мыльникова посвящена иностранцам в России, хотя и имеет иной аспект. Вместе с тем она составляет часть блока статей о национальных группах, в который входят статьи о евреях в Петербурге, немцах и финноязычных народах — в Петербургской губернии.

Н. В. Юхнёва пишет о евреях в Петербурге 1860-х годов, которые были переломными в истории еврейской петербургской колонии.

Л. В. Выскочков дает характеристику этнического состава сельского населения Северо-Запада, анализируя русские источники XVIII—XIX вв. (речь идет о финно-угорских этнических группах). В статье Т. А. Шрадер показано правовое и хозяйственное сближение немецких колонистов Петербургской губ. с остальным населением в ходе реформ. Работа построена на анализе законодательства и архивных материалов. Н. В. Ушаков также посвятил свое исследование губернии. Он анализирует типы русского крестьянского жилища и их размещение на ее территории.

Сборник включает статья А. М. Конечного об известном исследователе Петербурга Н. П. Анциферове, столетие со дня рождения которого исполняется в 1989 г. Полезным для исследователей будет приведенный в конце статьи список работ Н. П. Анциферова по Петербургу, градоведению и краеведению.

Н. В. Юхнёва



А. Н. СЕМЕНОВА

**СНАБЖЕНИЕ ХЛЕБОМ ПЕТЕРБУРГА
В XVIII в.
(ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА)**

С первых дней существования Петербурга русское правительство столкнулось с необходимостью обеспечить бесперебойное снабжение продовольствием населения вновь основанного города, что было связано с большими трудностями, поскольку новый город возник на разоренной окраине, расположенной на большом расстоянии от основных районов страны, производивших хлеб.

Первоначальное население Петербурга состояло в основном из военнослужащих и казенных мастеровых. Всех их продовольствием обеспечивало правительство. В первых указах о высылке работных людей на строительство города подчеркивалось, что в Санкт-Петербурге дано будет им «хлебное жалованье и денег по полтине на месяц каждому».¹ Хлебное жалованье для разных категорий трудового люда было в первые годы различным, но чаще всего сводилось к полусосьмине муки и малому четверику крупы в месяц.² Именно такой паек получало большинство мастеровых Адмиралтейства — 3 четверти (348 кг) муки и небольшое количество крупы в год. С 1721 г. хлебное жалованье казенных мастеровых в Петербурге по указу Сената стало единым и состояло из 29 кг муки и $5\frac{1}{3}$ кг (с 1723 г. — $3\frac{1}{3}$ кг) крупы, на жену выдавали 29 кг муки, на детей с 5-летнего возраста по 14,5 кг муки в месяц.³ В первые годы существования города соль также выдавалась натурой. Хлебным жалованьем обеспечивались и солдатские полки, работавшие на строительстве города. Выдача казенным мастеровым и солдатам натурального пайка продолжалась и в середине столетия.⁴

Для обеспечения Петербурга хлебом правительство использовало один из чрезвычайных поборов, которым крестьянское население страны было обложено с начала Северной войны, — так называемый «запросный хлеб». В 1703 г. с каждого крестьянского двора он равнялся осьмине (4 четверика) ржаной муки или четверти овса и 5 пудам сена. Тяжесть этого налога для крестьян состояла не только в самом хлебном поборе, но и в том, что его полагалось доставить в указанные правительством места, а с 1703 г. этими местами становятся Петербург,

Шлиссельбург, Ямбург, Псков. Для уплаты этого сбора они обращались к подрядчикам, сдавая им вместо хлеба деньги. Крестьян северных районов нанимать подрядчиков заставляла нехватка хлеба, крестьян южных районов — трудности перевоза хлеба до места его сдачи. Подрядчики брали с крестьян различные суммы в зависимости от того, куда должен был быть доставлен хлеб. Стоимость четверти ржи и перевозка ее в Псков оценивались подрядчиками в 1 р. 80 к. — 1 р. 92 к., стоимость четверти ржи и перевозка ее в Петербург — в 3 руб.⁵ Эта необычайно высокая цена говорит о том, как тяжела была доставка хлеба.

Доставка продовольствия в Петербург была сложнейшим делом — из-за порогов (Мстинские, Свирские, Волховские, Невские и др.) на реках, из-за бурь на Ладожском озере, отчего гибла значительная часть судов, шедших с продовольственными грузами в новый город.⁶

Удаленность Петербурга от основных житниц страны при российском бездорожье делала доставку грузов по дорогам тяжелой. В «Описании Петербурга» 1717 г., т. е. когда уже много было сделано для улучшения подъездов к нему, дороги характеризуются следующим образом: «Не только сам город, но также и вся местность вокруг так низка и болотиста, что сюда можно приехать и отсюда выехать только по одной дороге, которая недалеко за городом делится на две. И эти две дороги в таком плохом состоянии, что в весеннее и осеннее время можно насчитать дюжинами мертвых лошадей, которые в упряжке задохлись в болоте, . . . дальше от города дорога еще больше ухудшается. . .».⁷ Летом «если дождь идет только один день, то всюду можно завязнуть в грязи, как за городом, так и в городе».⁸

Задержки с подвозом продовольствия, а значит и невыдача работным людям и солдатам хлеба, были для них главным бедствием. Наибольшее число побегов из Петербурга было вызвано именно задержками с выдачей провианта и голодом.⁹ Правительство предпринимало самые энергичные меры для обеспечения города продовольствием. Видя, что «запросный хлеб», а в значительной мере и другие натуральные поборы попадают в руки подрядчиков, правительство во втором десятилетии XVIII в. встало на путь замены натуральных повинностей денежными. Подряды на поставку хлеба для Петербурга, для армии начинают брать от казны не только купцы и крестьяне, но и дворяне, в частности близкие Петру I люди — Кикин, Меншиков и др.

Хлеб шел в Петербург в огромных по тому времени количествах. Подсчитать его невозможно, так как сохранившиеся источники крайне неполны. М. Я. Волков подсчитывал количество привезенного в Петербург хлеба в 1721—1726 гг. по сказкам владельцев судов, прошедших Опоченскую пристань. Но «сказки сохранились далеко не полностью»; ¹⁰ кроме того, хлеб поступал в Петербург и другими путями. Тем не менее из цифр, приводимых Волковым, ясно, что подавляющая часть хлеба, шедшая в Петербург по вышневолоцкой системе, состояла из «подрядного хлеба», т. е. хлеба, закупаемого для города правительством. Крупными партиями шел хлеб для служителей опреде-

ленных ведомств, например «хлеб ведомства корабельных лесов», «хлеб дворцового ведомства». Возможно, что часть хлеба, идущего в Петербург из имений крупных вельмож,¹¹ также потом продавалась ими в казенную канцелярию, ведавшую заготовкой провианта, но в Опоченской пристани он зарегистрирован как их собственный «запас».¹²

Кроме казенного хлеба и хлеба помещичьего, в Петербург постепенно во все большем количестве начинает поступать частный хлеб, идущий на рынок.

Петровское правительство пыталось регулировать цены на хлеб. В 1713 г. издан указ о запрете вывоза хлеба из страны при повышении цены на него выше 12 коп. за пуд или 1 руб. за четверть в Московской губ. Пытаясь преодолеть последствия неурожая начала 20-х годов, Петр I в апреле 1722 г. издал указ об установлении предельной цены на хлеб, «чего б выше не возвышать». Следить за этим должна была полиция. 16 февраля 1723 г. последовал развернутый указ о помощи голодающим, который предусматривал конфискацию хлебных излишков в районах, пораженных голодом, с тем чтобы раздать этот хлеб взаймы голодным крестьянам. Ради пресечения хлебной спекуляции власти ограничили торговую прибыль 10 %. Хлеботорговцам в Петербурге надлежало «продавать в народ хлеб, и у той продажи брать им себе сверх покупной цены и платежа пошлин и других настоящих правдивых расходов прибыли по гривне на рубль, а больше того отнюдь не брать, под лишением всего того капитала».¹³

В 1723 г. власти разрешили было беспошлинный ввоз хлеба из-за рубежа, но уже в 1724 г. установили половинную пошлину на ввозной хлеб. 13 ноября 1724 г. последовал указ, освобождающий от уплаты внутренних пошлин хлеб и другие продовольственные грузы, предназначенные для Петербурга.

Правительство неоднократно приказывало продавать в Петербурге хлеб по умеренной цене, притом хорошего качества, нормируя припек (с пуда муки не более 1 пуда 20 фунтов хлеба). Сырой хлеб конфисковался и передавался в госпитали, за его продажу грозило наказание на месте торговли. Главный магистрат и полиция Петербурга устанавливали твердые цены на продукты. Полиции поручалось следить, чтобы цены не повышались. До полудня торговали по твердым ценам (чтобы «обывателям можно тою покупкою без повышения цен удовольствоваться»), а после полудня — по вольным. Этот порядок соблюдался в Петербурге даже в XIX в. В 40-е годы XVIII в. полиция строго следила за соблюдением установленных государством цен.¹⁴

Изыскивая после неурожая 1723 г. пути, как избавить страну от голода, Петр I издал указ (20 января 1724 г.), которым было велено «учинить экономии генерального, которого должность первая над хлебом, чтобы везде запасный был, дабы в неурожайные годы народ голоду не терпел; сию должность взять из иностранных уставов и к тому свое прибавить и предложить».¹⁵ Были созданы запасные магазины для обеспечения хлебом армии. Они просуществовали до 1732 г., позднее их не наполняли. Для снабжения хлебом в случае неурожая гражданского населения магазинов заведено не было.

Вопрос об обеспечении населения хлебом в неурожайные годы поднимался неоднократно. В 1743 г. генерал-прокурор и кавалер князь Никита Юрьевич Трубецкой внес предложение в Сенат, согласно которому правительство должно было «положить особливый суммы» на то, чтобы закупить в урожайное время хлеб и сложить его в магазинах. «В случае где-либо недорода раздавать, а когда в оном нужды состоять не будет и в заморский отпуск отпускать».¹⁶ Предложение осуществлено не было. В 1754 г. сенатор генерал-фельдмаршал и кавалер граф Петр Иванович Шувалов представил в Сенат подробный проект об устройстве запасных магазинов. Шувалов предложил иметь три типа магазинов — «для удовольствия полков», «для балансу в цене на хлеб внутри государства», «при портах, дабы всегда при случае всякой надобности, а наипаче (от чего боже сохрани), ежели в некоторых местах недород последует, чтоб иметь надежный ресурс от запасных магазейнов и содержать цену хлеба в равновесии».¹⁷ Шувалов предлагал в случае голода раздавать людям хлеб без оплаты с условием возврата в урожайный год. И Трубецкой и Шувалов считали необходимым почти полное сосредоточение хлебной торговли в руках правительства. Оба проекта были заслушаны в Сенате и похоронены в многочисленных комиссиях. Реального результата они не имели и интересны как отражение того, что общественная мысль считала необходимым создание государственных запасных магазинов на случай помощи голодающим.

Правительственная политика по обеспечению населения хлебом в XVIII в. не была предметом исследования. Единственная специальная статья принадлежит М. Шпилевскому. Автор опубликовал некоторые документы и на основании их сделал краткие выводы. Рассмотрев политику Екатерины II, М. Шпилевский отметил, что вскоре по вступлении на престол Екатерина II издала указ о заведении во всех городах страны хлебных магазинов, «дабы всегда цена хлеба в моих руках была».¹⁸ Рассмотрение вопроса о хлебных магазинах в Сенате закончилось созданием в 1763 г. специальной комиссии, состоявшей из генерал-поручика Веймарна и генерал-майора Никиты Бекетова. «Комиссия о учреждении государственных магазинов» пришла к заключению, диаметрально расходящемуся с намерением императрицы. Создание государственных запасных магазинов, писали Веймарн и Бекетов, стоило бы громадных издержек казне, а между тем «его должно считать напрасным, бесполезным, невозможным, вредным как для казны, так и для всего общества».¹⁹

Освобождая казну от расходов и забот о снабжении населения продовольствием, члены комиссии сочли необходимым позаботиться о средствах для предупреждения голода и пресечения дороговизны. Забота о продовольствии населения перекладывалась на помещиков и магистраты. «А как крестьяне в точном рабстве у помещиков своих состоят, сии ж последние через первых благосостояния содержание свое и доходы получают, то всемерно никто в содержании благосостояния своих крестьян больше интересован быть не может, как сам каждый помещик. Следовательно, оному и требовать не можно, чтоб чужим как (а не) единственно собственным его старанием такое

ему в пользу обращающееся учреждение учинено было».²⁰ Члены комиссии предлагали издать высочайший указ, обязывающий помещиков содержать годовые запасы. Проверка того, что годовая провизия «для своего домашнего и крестьян своих продовольствия» содержится помещиком, должна была осуществляться «близлежащими соседями друг за другом».²¹ Члены комиссии считали, что правительство должно отказаться от развития казенной торговли и всячески поощрять частную торговлю хлебом. Комиссия рекомендовала отказаться даже от государственных закупок хлеба для армии, а предлагала полковым командирам покупать «по вольной цене хлеб и провиант и все прочия до полковых нужд потребныя вещи» в тех местах, где расквартированы полки.²² М. Шпилевский считал, что идеи доклада, составленного комиссией, легли в основу административной практики. «Императрица, вероятно, убежденная доводами докладчиков, отказалась от первоначального намерения завести во всех городах хлебные запасные магазины» и тем самым держать хлебную торговлю под контролем государства. Правительство перешло к поощрению свободной торговли, к развитию судоходства для улучшения этой торговли, к поощрению совершенствования сельского хозяйства. «Правительство Екатерины II старалось всячески побудить помещиков, сельские и городские общества к заведению хлебных запасов на собственный счет. Но беспечность и бездеятельность дворянских, сельских и городских обществ принуждали правительство заводить казенные магазины во многих городах и селениях».²³ М. Шпилевский, однако, не привел ни одного факта заведения правительством магазина.

А. Лаппо-Данилевский также упомянул о заведении при Екатерине II хлебных магазинов, но при этом он не определил, были эти магазины казенными или частными.²⁴

Авторы «Очерков истории Ленинграда» упомянули о создании в 1766 г. на Адмиралтейской стороне запасных казенных хлебных магазинов, «где во время наиболее резкого повышения цен на рынке мука для „небогатых“ отпускалась по более дешевым ценам, чем в торговых рядах». Магазины были созданы, по мнению автора приведенных выше строк В. И. Макарова, «чтобы уменьшить рост недовольства народных масс все увеличивающейся дороговизной» (фактов недовольства автор не привел). «Серьезного влияния на цены эта мера не оказывала, так как подобных „магазинов“ (слово «магазин» автор всегда ставит в кавычки, — Л. С.) было совершенно недостаточно. Мероприятие преследовало не экономические, а политические цели правительства».²⁵ Приведенные выводы также не подкреплены фактами.

Невозможно верно оценить мероприятия по снабжению хлебом жителей Петербурга, не располагая материалами о существовании запасного магазина и его деятельности. Такие материалы удалось найти в архиве ЛОИИ.

В 1766 г. в Петербурге был основан запасной магазин. Его каменные амбары для хранения муки располагались по Крюкову каналу. Хлеб из этого магазина продавался по низкой цене. Кроме возмещения расходов на закупку и перевозку хлеба, цена его в

Петербурге включала 8-процентную надбавку. Последняя была необходима для постройки и починки магазинных помещений, оплаты служителей, из нее также шло отчисление на увеличение капитала, расходуемого на закупку хлеба.²⁶ Петербургский магазин был крупным складом, в нем хранилось до 200 тыс. четвертей муки. Его служащие проводили большую работу по заготовке, хранению и продаже хлеба, однако штат магазина был невелик — 20 человек, включая сторожей и 8 вахтеров. На содержание всех служащих тратилось всего 1828 руб. в год.²⁷ Как видим, аппарат был минимальным. Когда пишут о чиновниках царской России, то обычно употребляют термины «взяточничество», «казнокрадство», при этом редко изучают конкретные факты, относящиеся к служебной карьере прогрессивно настроенных чиновников. Между тем в екатерининское время с оживлением общественной жизни среди чиновников можно встретить людей, одушевленных идеей честного служения обществу. Эти люди особенно охотно шли на службу, которая позволяла им осуществлять свои принципы. Характерно, что в правлении С.-Петербургского магазина находились действительный статский советник Даль и коллежский советник Радищев.²⁸ Управляющим магазином был коллежский советник Добровольский. Генерал-провиантмейстер Маврин писал в одну из правительственных комиссий: «Не могу не отдать справедливости управляющему магазейном. . . господину коллежскому советнику Добровольскому и прочим чинам его команды в их отличной работе». По положению «Закона о магазейнах» служащие имели право ежегодно терять определенный процент от хранящегося хлеба «на раструски и мышеядь». За 11 лет Добровольскому следовало «на раструски и мышеядь» исключить 30 134 четверти муки, между тем управляющий и служащие его команды исключили только 4350 четвертей.²⁹ Они сумели практически полностью сохранить вверенный им хлеб от наводнения, а совсем малое количество подмоченного хлеба быстро распродали по очень дешевой цене.³⁰ Служащие магазина покупали муку через подрядчиков в низовых городах «в удобное время дешевыми ценами». Это позволяло им в течение многих лет продавать муку в Петербурге по очень низкой цене. Цена для магазина устанавливалась «высочайшим соизволением» и была одинаковой на протяжении десяти лет (1775—1785 г.) — куль девятипудового веса по 3 руб., а четверть в 7 ¹/₂ пудов по 2 р. 50 к.³¹ Вероятно, так же достойно вел себя штат магазина и во время сильного вздорожания хлеба в Петербурге, во всяком случае нет ни одного факта, свидетельствующего о злоупотреблениях служителей магазина; сохранились тетради, в которые каждый день записывались все покупатели и количество хлеба, проданное каждому из них. После этого трудного для Петербурга периода, 30 октября 1786 г., императрица повелела премировать служащих магазина, выдав им «за труды и усердное исправление должностей годовое их не в зачет жалованье».³²

В обычное время, когда рыночная ситуация была, по мнению правительства, нормальной, хлеб из магазина на продажу частным лицам почти не поступал. Так, в 1777 г. было продано всего 360 четвертей, в 1780 г. — 34 252 четверти, в 1783 г. — 1821 четверть,

в 1784 г. — 23 745 четвертей, в 1785 г. количество проданного петербургским жителям хлеба резко возросло — 85 296 четвертей.³³ Попытаемся определить, что значили эти цифры. Летом 1786 г. в Петербург пришло необычайно много рабочих людей — 58 тыс. Вместе с ними число жителей Петербурга, нуждающихся в покупке хлеба (т. е., исключая военнотружеников и казенных служителей, получающих провиант из казны), составило, по данным петербургского губернатора, 174 тыс. человек. Для того чтобы прокормить такое большое число жителей, требовалось 33 750 четвертей муки в месяц.³⁴ В 1785 г. такого наплыва рабочих людей в город не было. Проданное из магазина количество хлеба (85 296 четвертей) могло прокормить горожан около трех месяцев.

В обычное время магазин продавал хлеб в Адмиралтейское ведомство³⁵ и Провиантмейстерскую канцелярию, т. е. он шел на пропитание армии и мастеровых казенных предприятий. Но потому этот магазин и считался «запасным магазином», что он должен был помочь правительству предотвратить голод в экстремальной ситуации. Представление о том, что магазин продавал населению хлеб постоянно, является ошибочным.

Документы архива ЛОИИ позволяют проследить, какие меры принимали петербургские власти в момент резкого подорожания хлеба.

К июню 1786 г. в Петербурге резко поднялась цена на хлеб, куль муки вздорожал до 7 руб. В Шлиссельбурге цена поднялась до 7 р. 50 к. — 7 р. 70. к.³⁶ Прежде существовавшая цена хлеба — «такая, к каковой давно уже здесь приобвыкли, ибо из лавок за многие уже годы ниже сего почти никогда не продавался»³⁷ — была 4 руб. — 4 р. 50 к. за куль. Вздорожание хлеба стало подлинным бедствием для неимущих. Правительство образовало 15 июня 1786 г. авторитетную комиссию, которую возглавили граф Шувалов и граф Воронцов. Комиссия была учреждена, «чтоб цену на хлеб в здешней столице снизить и впредь удержать оную в желаемом положении».³⁸ Вздорожание было вызвано неурожаем 1785 г.³⁹

Правительство исходило из того, что в столь огромной стране, как Россия, «по разному климату и разному свойству земли не бывает повсеместного в хлебе недостатка, остаются области с излишком хлеба».⁴⁰ Задача состояла в том, чтобы изыскать резервы и быстро переправить их в районы, терпящие бедствие.

Комиссия прежде всего выяснила причины вздорожания. Оказалось, что в результате неурожая в Петербург было завезено осенью 1785 г. мало хлеба и «дороговизна произошла от невеликого остатка прошлогоднего хлеба в лавках и лабазах, от малого привоза на барках с начала весенней навигации, от прекращения продажи из запасного магазина и от пришедших в город до 58 000 рабочих людей».⁴¹

По приказу комиссии было оперативно выявлено, сколько хлеба имеется в городе. Специально определенные комиссией чиновники были «тот же час» посланы во все районы Петербурга «для описания количества муки ржаной, также и ржи в лабазах, лавках, амбарах и в тех местах, где хлеб промышленниками держится».⁴² Правительственные канцелярии имели реестры всех лабазов, лавок и амбаров

города, и посланные комиссии шли по заранее известным адресам. Кроме того, их сопровождали люди, досконально знавшие свою часть города, — квартальные офицеры и гласные городской думы. Во время досмотра они должны были выявить наличие хлебохранилищ «и сверх одного реестра» и зарегистрировать и этот хлеб. Посланным чиновникам и сопровождающим их лицам велено было не делать торгующим «никакого притеснения или устраивания», объясняя торговцам, что сие делается «для узнания самой истины о наличности здесь в городе хлеба». При осмотре хлеба должны были присутствовать сами хозяева или их приказчики.⁴³ Быстро проведенный учет позволил выяснить, что в городе имеется 41 000 четвертей хлеба⁴⁴ (руководители комиссии считали, что определенное количество хлеба торговцы обязательно от досмотра утаили). Взяв сведения у губернатора о количестве людей в городе, комиссия доложила Екатерине II, что хлеба хватит на 4—5 недель.

Столь же оперативно правительство получило сведения об идущих в Петербург хлебных караванах. Генерал-поручику Архарову, «имеющему водяную коммуникацию в своем ведомстве», был дан указ «без дальней огласки собрать вскорости все сведения о идущем в Санкт-Петербург хлебе через подкомандующих его на пристанях и по разным дистанциям находящихся». Эти сведения поступили в комиссию с нарочным курьером.⁴⁵ Стало ясно, что кашинский караван с 10 000 четвертей муки и ржи подойдет в Петербург не позднее 15 июля. Кроме того, на барках, идущих по Неве, находилось около 20 000 четвертей ржи, но она «не есть рожь на продовольствие здешнего города определенная, а большею частью законтрактованная для заморского отпуска» по 3 р. 60 к.—3 р. 80 к. за четверть.⁴⁶ Сразу же, 22 июня 1786 г., последовал указ о запрещении вывоза этого и другого хлеба за границу.⁴⁷ Характерно, что еще до правительственного указа о запрете вывоза хлеба за границу из С.-Петербургского порта управа благочиния сама воспрепятствовала такому вывозу. Комиссия о хлебе была создана, как помним, 15 июня 1786 г. Управа благочиния запретила иностранным купцам вывоз хлеба, как только увидела, что хлеб в Петербурге начал дорожать. Иностранные купцы уплатили пошлину, получили «ерлыки из таможни» и хотели грузить хлеб, но им запретила управа благочиния. Поскольку государственного указа о прекращении вывоза хлеба не было, управа сослалась на то, что иностранные торговцы купили зерно в Петербурге, а значит, допустили перекуп, который запрещен. Запрет перекупов был подтвержден указом Екатерины II от 23 июня 1784 г. Корабли простаивали без грузов, иностранные купцы жаловались в таможню, таможня жаловалась в С.-Петербургское губернское управление. Управа благочиния утверждала, что хлеб иностранцами «закуплен здесь с возвышением настоящих цен и из числа доставляемого сюда на вольную продажу для продовольствия здешней губернии жителей, каковую покупку управа благочиния почитает не иначе как родом перекупа, от которого может возвыситься крайняя дороговизна на хлеб».⁴⁸ Управа благочиния прекрасно знала, что зерно привезено в Петербург специально для заморского торга, а не для продажи в городе, и значит, покупка зерна

иностранными купцами не была перекупкой хлеба, привезенного на продажу жителям Петербурга, но твердо стояла на своем, пытаясь сохранить зерно в городе. В этом отразился также характерный для 70—80-х годов XVIII в. взгляд на торговлю зерном как разорительную для России. 11 июня С.-Петербургское губернское правление направило в портовую таможню указ, в котором одобрило действия управы благочиния. Губернатор объявил управе «удовольствие» ее действиями и подтвердил, что не может быть в Петербурге покупки хлеба иностранными купцами, что вывоз хлеба «основан единственно на пользу иностранных купцов».⁴⁹ Таким образом, управа благочиния сохранила в городе определенное количество зерна.

Но существовала еще одна трудность. В Петербурге почти не было мельниц, поэтому в Петербург всегда везли муку, рожь привозили специально для заграничного торга. Комиссия нашла выход. Летом 1786 г. «остановленную от отпуска от здешнего порта за море рожь» перемалывали на ручных жерновах 200 человек из рабочего и смиренного домов.⁵⁰

В рассматриваемое время хлебная торговля в Петербурге находилась «в руках восьми главноторговцев». В городе ходили упорные слухи о спекуляциях этих торговцев, задерживающих якобы суда с хлебом на подступах к Петербургу, чтобы взвинтить цены. Комиссия сразу же взялась за расследование этих слухов. Вверх по Неве был отправлен коллежский секретарь Сергей Бенсволенский. Уже 2 июля Шувалов и Воронцов получили его рапорт. Задержанных судов с хлебом не было, на всем пути оказалась только одна стоящая барка, на которой привез 200 четвертей хлеба тверской крестьянин Иван Гамановский, продававший этот хлеб местным крестьянам. Перекупщиком он не был.⁵¹

Выяснив обстановку, правительство сочло необходимым начать продажу хлеба из запасного магазина и предприняло экстренные меры для пополнения магазина хлебом. Магазин находился «под собственным ведением» императрицы, на случай отсутствия Екатерины II — «под ведением главнокомандующего в столице». Екатерина II уделяла в это время пристальное внимание снабжению Петербурга хлебом. Доклады комиссии шли непосредственно к ней, от нее шли распоряжения. В «Дневнике» секретаря Екатерины II А. В. Храповицкого сохранились записи о том, что вопрос этот волновал императрицу 23 июня 1786 г. «От беспокойства не было выхода. Был позван поутру. Говорено о хлебной комиссии благосклонно. Имел случай заявить о поспешности доклада и сказать о надобности усилить запасной магазин».⁵² 1 октября — «Изъяснение о Маврине по поводу хлеба, покупаемого поставщиками под Невским».⁵³ 23 октября 1786 г. Екатерина осоводила от ответственности за магазин генерал-провиантмейстера Маврина и назначила с.-петербургского губернатора Новосильцева.⁵⁴ Цену на хлеб, продаваемый из магазина, устанавливала императрица. Комиссия предложила Екатерине II установить 55 коп. за пуд ржаной муки, или 4 р. 95 к. за куль. Члены комиссии считали, что при существующей цене муки 7 руб. за куль продажа из магазина по более дешевой цене приведет к появлению «перекупщиков и подобных тому

злоупотреблений». ⁵⁵ Однако Екатерина II указала снизить цену до 45 коп. за пуд. Власти обнародовали в газетах и иными способами по всему городу извещение о продаже хлеба из казны по этой цене. Открылся запасной «городовой» магазин. За июль—август 1786 г. магазин продал 43 200 четвертей муки, т. е. около 70 % того, что требовалось городу. Продолжал магазин работать и осенью, но нам не удалось установить, сколько хлеба было из него продано. В сентябре, например, «выпущено в городе на продажу муки кулевым числом 3330 кулей», ⁵⁶ но была это вся мука или только одна из партий — неизвестно. Вряд ли можно говорить, что торговля из магазина не имела значения.

Шувалов и Воронцов были «самоличными» свидетелями «общенародного удовольствия» по поводу открытия магазина. Помимо того что жители Петербурга покупали хлеб по государственной цене, появление казенного хлеба снизило цену у «вольнопродавцов» на 85 коп. с четверти. ⁵⁷ Осведомленные люди, сообщали члены комиссии, уверяли, «что не было в то время злоупотребления со стороны торгующих хлебом, ибо они сами, покупая хлеб дорогою ценою на пристанях, не могли иначе продавать». ⁵⁸ Несомненно, однако, что хлебопродавцы в это время не упускали случая для наживы. Купец И. А. Толченев в своем «Журнале» спустя 10 лет после событий 1786 г. корил себя за то, что «сими благополучными годами не воспользовался по своему нерадению». Увлечшись семейными заботами, он не поехал в Петербург, поручил дела приказчику, который отчитался перед ним в продаже ржаной муки по 5 р. 70 к.—5 р. 60 к. за куль. Даже это дало «редкой барыш», но Толченев горевал, считая, что мог разбогатеть в те годы значительно больше, если бы находился в Петербурге сам. ⁵⁹

В правительственных бумагах говорилось о запасном магазине как средстве помощи нуждающимся жителям: «Запасной магазейн, — значилось в указе, — установлен в нужном случае для пособия мало-мощным жителям и простому народу», ⁶⁰ «бедные и посредственного состояния жители ближе по положению своему должны быть к монаршему милосердию», ⁶¹ «для народу и вообще для людей неимущих или посредственного состояния хлеб недорого продаваться будет из запасного магазейна, где его получать можно по 45 копеек пуд, которая цена, конечно, неотяготительна». ⁶² Екатерина II писала петербургскому вице-губернатору Новосильцеву: «Городовой запасной хлебный магазейн учрежден с тем намерением, дабы при дороговизне хлеба обеспечить пребывающему в здешней столице и в окружных местах народу, а особливо же скудным людям, безнуж[д]ное прокормление и поддержать умеренную цену, то и желаем, чтоб вы, имея сие в виду, преимущественно таковых довольствовали отпуском им из магазейна хлеба пудами по установленной от нас цене». ⁶³

Императрица и руководители комиссии о хлебе неоднократно подчеркивали, что «отпуски хлеба (из магазина.— Л. С.) в знатные дома совсем не приличны»; ⁶⁴ что же касалось требований, поступающих от разных домов и команд об отпуске из магазина хлеба кулями и в немалом количестве, то нужно «таковой отпуск удержать, дабы

не довести магазин до оскудения». ⁶⁵ «Команды эти», т. е. различные казенные и дворцовые ведомства, должны были для своих людей покупать хлеб вольною ценою. Эти указания относятся к 3 ноября 1786 г. и 9 ноября 1788 г. Документы показывают, что беспокойство властей было обоснованным. С момента открытия магазина ведомости о продаже хлеба пестрят именами знати, генералов, крупных чиновников. Записи об отпуске хлеба работным людям единичны. За 1 июля 1786 г. было 74 выдачи хлеба, из них 73 дворянам и одна священнику; за 2 июля — 134 выдачи, из них 113 дворянам, 10 иностранцам, 4 священникам, 4 разночинцам, 3 купцам. Подавляющее большинство дворян покупали по одному кулю (по 9 пудов, хотя велено было продавать хлеб пудами). Однако сановники использовали свое положение, чтобы закупать хлеб в очень больших количествах. Для графа Безбородко в июле магазин продал в два приема 20 кулей муки (180 пудов), для княгини Дашковой 5 дней подряд отпускали по 2 куля (90 пудов), обер-полицмейстер Петербурга Рылеев, обязанный следить за порядком, закупил не менее 9 кулей за месяц, для А. А. Нарышкина сразу отпустили 10 кулей и т. д.

Продажа хлеба работным людям осуществлялась много реже. 1 и 2 июля ее не было. 3 июля 1786 г. из 119 выдач на долю рабочих приходилось только две выдачи: «Рабочим людям 20 человекам — 3 куля» и «В дом Григория Никитича Орлова рабочим людям 36 человекам — 6 кулей». 4 июля «мастеровым людям, занятым разделением золота и серебра, 50 человекам — 5 кулей» (1 августа им же, 33 человека, — 6 кулей). Рабочим людям в дом советника Мирза-хана, 10 человек, — 1 куль. За первые 5 дней работы магазина был продан 701 куль муки, из них рабочим людям — 15 кулей, двадцати служителям горного училища — 2 куля; в военные команды — 4 куля (майору Маничарову на 5 человек — 2 куля, майору Зимину на 30 человек — 2 куля). Остальная мука разошлась сановникам (сенатору князю Щербатову, камергеру Салтыкову, адмиралу Чичагову и др.), дворянам, живущим в Петербурге, офицерам, канцелярским служащим, священникам, иностранцам («придворной бабушке Штильше» — 1 куль, иностранцу Миллеру — 1 куль и т. д.).

Такая же ситуация характерна и для последующих дней. В августе канцеляристы магазина стали объединять всех рабочих, получивших хлеб в течение дня, в одну запись, например: 19 августа «разным рабочим людям — 13 кулей», 21 августа «разным рабочим людям — 27 кулей». Если приходили мастера с определенной фабрики, то это отмечалось в записи: 19 августа — «чулошной фабрики рабочим 125 человекам — 12 кулей», 21 августа «шпалерной мануфактуры служителям — 2 куля». В большинстве дней рабочие не покупали хлеб, но в отдельные дни им отпускались значительные количества хлеба: 31 июля в дом баронессе Черкасовой для рабочих, 150 человек, — 7 кулей; 1 августа в дом графа Брюса для рабочих людей, 150 человек, — 10 кулей, рабочим людям, 28 человекам, — 3 куля. Самое большое количество хлеба было выдано рабочим 19 августа: из 96 кулей, отпущенных в этот день, 25 кулей пришлось на долю рабочих, 4 куля — на долю военнослужащих с Каменного острова, 29 кулей

получили чиновники (два статских советника, 16 советников, секретари, ассессоры, экзекуторы), 27 кулей — военнослужащие (бригадир, полковники, подполковники — 16 кулей; майоры, капитаны, поручики, штык-юнкер — 11 кулей), 4 куля — иностранцы, 6 кулей — представители знати и генералитета (по кулю муки было продано в дома генерала Ганнибала, генерала Потемкина, князя Голицына, княгини Шаховской, графа Ягужинского, генеральши Штелиной).

Имеются записи о продаже муки служителям и ученикам различных казенных заведений. 5 августа Академии наук служителям, 60 человек, — 2 куля; 25 июля Академии наук для мастеровых людей — 2 куля; 18 августа Академии наук для воспитанников — 10 кулей; 3 июля Горного училища служителям, 20 человек, — 2 куля; 28 июля в Академию художеств для воспитанников — 10 кулей. 5 августа кавалерской думы служителям выдано 5 кулей; 25 июля музыкантам князя Г. А. Потемкина — 1 куль; 21, 23 июля, 1 августа — придворным конюхам выдано 13 кулей.⁶⁶

Видно, что в июле хлеб отпускался из запасного магазина только кулями, в августе, вероятно, также (поскольку хлеб, выданный рабочим людям, стали объединять в одну запись, то говорить об этом с полной уверенностью нельзя). В конце осени—начале зимы положение изменилось. Вице-губернатор Новосильцев, которому подчинялся магазин, свидетельствовал, что «день ото дня увеличивается число просящих хлеба, а по времени еще больше ожидать должно, особливо пред наступлением весны. Главный расход по пуду и по два, простирающийся в сии дни до 1800 пуд».⁶⁷ Одновременно Новосильцев подчеркивал, что «немало требований выходит по 1—2 куля от домов от команд на целые корпуса. Сейчас требуют служителям придворной конюшни на 627 человек, Академии наук на 879 человек, ведомству конторы строения домов и садов на 500 человек, медицинской коллегии 100 кулей, да Адмиралтейского ведомства на Охтенских жителей требовано было 6000 кулей».⁶⁸

Продавая хлеб из магазина по цене, значительно ниже рыночной, чиновники предприняли энергичные меры для пополнения магазина хлебом по требованию правительства, «не следуя обрядам канцелярским, но образом самым кратким, наблюдая токмо верность, точность и ясность и стараясь, чтоб тут во всем невместная медленность отвращена была».⁶⁹ Необходимо было срочно «пособить прямой нужде», а при лучших урожаях предполагалось довести запас магазина до 300 тыс. четвертей. Были отпущены из казны деньги для закупки хлеба в Риге. Хлеб закупили, но при этом ошибочно заключили контракты на провоз хлеба до Кронштадта, что удорожило его провоз в Петербург. В Риге хлеб закупили по 4 р. 57 к.— 4 р. 66 к. за четверть, провоз до Кронштадта обошелся в 60 коп. четверть, от Кронштадта до Петербурга «с покупкою кулей, наймом крючников, перемеркою и поклажею в магазейн по 30 коп., да за перемол ржи по 60 коп., почему и причитается расход на рожь, кроме рижской цены, по 1 р. 50 к. на всякую четверть».⁷⁰ Кроме денег, отпущенных для закупки хлеба в Риге, казна выделила 132 500 руб. «в пользу магазейна без возврата»; предполагалось, что на них будет закуплен хлеб «в низовых

городах, где хлеб родится». Закупать хлеб предполагалось «не только подрядом, но и через своих комиссионеров, отправляемых в те места с наличными деньгами».⁷¹

Из ассигнационного банка отпустили 150 000 руб. Шувалову и Воронцову на покупку хлеба. Екатерина II выражала уверенность, что они употребят эти деньги «в действо с наилучшим успехом. В сем случае не считаем мы нужным наблюдать приказные обряды, но на основании купеческом хозяйственную только выгоду». Закупка хлеба, доставка его, «люди коих вы для того употребите да останутся в собственном вашем распоряжении».⁷² Из этих денег Шувалов и Воронцов передали новгородскому и тверскому генерал-губернатору Архарову 89 700 руб., рижскому губернатору Беклешову 60 000 руб. С мая по октябрь 1787 г. Архаров купил и переправил в петербургский магазин 18 276 кулей 8 пудов, да 19 776 кулей 8 пудов купленного им хлеба дойти не успело и зазимовало в Ладожском канале. Каждый куль с доставкой обошелся по 4 р. 53 1/2 к. Беклешов купил и доставил в магазин 8 421 куль, его хлеб обошелся в 5 р. 81 1/2 к. за четверть.⁷³

Для ускорения доставки хлеба указом 23 октября 1786 г. повелено пропускать хлеб в Петербург без остановок, оказывать везущим хлеб всякое содействие. На пристанях был опубликован указ об освобождении судов с хлебом от всех осмотров. Только при входе в Шлиссельбург должно было объявлять, сколько везут хлеба. Потом в Петербурге или под Невским монастырем владельцы судов давали сведения, сколько хлеба и для каких нужд привезено в город.⁷⁴ Таким образом, администрация имела точные сведения об имеющихся в Петербурге запасах хлеба.

23 сентября 1787 г. всенародно был объявлен указ, отменяющий запрет местных властей на вывоз хлеба из губерний, имевших удовлетворительный урожай. Подтверждена была вольная и повсеместная торговля хлебом внутри империи, установленная указом 31 июля 1762 г.⁷⁵ В ноябре 1788 г. Екатерина II предписала генерал-губернаторам Пензенской, Тамбовской, Казанской, Нижегородской, Орловской губ. на посланные из казны деньги «покупать koliko можно хлеба» и распорядиться его доставлением в Петербург.⁷⁶

В условиях неурожая и голода работа комиссии по закупке хлеба усложнилась. Из всех губерний поступали сведения об урожаях и ценах, закупалось зерно для Петербурга в Архангельске, Казанской, Вятской губ.⁷⁷ Комиссия считала, во что обойдется в Петербурге хлеб, доставленный из той или другой части страны, и решала на этом основании, закупать его или нет.⁷⁸

В это же время, в 1786—1788 гг., появляется множество предложений об улучшении снабжения Петербурга хлебом. Некоторые из них были весьма радикальные, например предлагали «зделать распорядок касательно винокуреня», который даст уменьшение в казенном доходе, но зато будет «приращение» в хлебе для народного продовольствия.⁷⁹ Решались вопросы о будущем магазина. Комиссия предлагала, когда «цена на хлеб збудет внутри государства, то есть после хороших урожаев», тогда купить в запасной магазин, «чтоб оным по крайней мере можно было на год столицу и уездные здешней губернии

города... совершенно обеспечить, независимо от того количества, который промышленниками на вольную продажу сюда привозится».⁸⁰ До 400 000 четвертей, в том числе $\frac{1}{4}$ рожью, предлагала комиссия иметь в запасном магазине.⁸¹

Как видим, государство обладало определенными возможностями, чтобы помочь столичному населению в неурожайные годы, и использовало эти возможности. Кроме запасного хлебного магазина в Петербурге был и запасной дровяной магазин.

Неурожай 1785—1788 гг.⁸² показали правительству необходимость принятия более действенных мер для оказания помощи голодающему населению. Политику Екатерины II в этом вопросе более энергично продолжил Павел I. В 1799 г. велено было, чтобы во всех казенных и частных селениях учреждены были магазины для хранения запасного хлеба на целый год и чтобы губернаторы рапортовали об их состоянии. Из отчетов губернаторов 1800 г. видно, что определенные меры были приняты.⁸³ Но сельское население, которое обязано было создать эти запасы, исходя из нормы три четверти ржи и три четверика ярового на каждую душу мужского пола, было не в состоянии отложить столько хлеба. Все правительственные призывы о создании у крестьян запасов на неурожайное время оставались невыполненными, так как для уплаты податей крестьянин вынужден был даже в урожайные годы продавать столько хлеба, что ему едва хватало на пропитание.⁸⁴

Анализ проблем продовольственного снабжения Петербурга раскрывает те стороны жизни столичного населения, которые до сих пор ускользали от внимания исследователей. Факты показывают, что абсолютистское государство, решительно отстаивая интересы господствующего дворянского класса, в то же время должно было проводить в жизнь меры для удовлетворения потребностей всего общества, включая его низшие слои.

¹ ПСЗ. Т. 4. № 2240.

² Приговор Сената от 18 февраля 1712 г. // Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем сенате в царствование Петра Великого. Спб., 1882. Т. II, год 1712, кп. 1. № 167.

³ Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 229—230.

⁴ В 40-е годы XVIII в. квалифицированные казенные мастеровые получали по 2 четверика ржаной муки, по $\frac{1}{8}$ четверика круп и снетков, по $\frac{1}{4}$ четверика гороху, соли по 2 фунта на месяц, в мясоедные дни по $\frac{1}{2}$ фунта ветчины в день (Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974. С. 166).

⁵ Капустина Г. Д. К истории хлебного рынка Москвы в начале XVIII в. // Города феодальной России. М., 1966. С. 376—378.

⁶ Описание архива Александро-Невской лавры. Спб., 1903. Т. 1; 1911. Т. 2; 1916. Т. 3.

⁷ Описание... столичного города С.-Петербурга... // Белые ночи. Л., 1975. С. 228.

⁸ Там же. С. 231.

⁹ Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. Л., 1974. С. 201—203.

¹⁰ Волков М. Я. Привоз хлеба в район Петербурга в 20-е годы XVIII в. // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 120.

¹¹ Каждый живший в Петербурге дворянин, а особенно богатый дворянин, кормил не только дворню, но и крепостных и наемных строителей, возводивших его дом и

подсобные службы. Меншиков, например, выдавал 1 четверик (14,5 кг) ржаной муки, 1 малый четверик (менее 5 кг) крупы, 5 фунтов мяса в мясоедные дни и 2 фунта соли на человека в месяц. Женатым норма удваивалась (Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга. . . С. 163).

¹² Волков М. Я. Привоз хлеба. . . С. 122—123. О том, сколь огромен был этот «запас» и что он ни в коей мере не мог полностью идти на пропитание семьи помещика и его дворни, свидетельствуют цифры. Навигация в районе Опоченской пристани продолжалась по крайней мере 6 месяцев — с 25 апреля по конец октября. Книга записи сказок владельцев судов, везших запасы дворян, сохранилась всего за два месяца 1721 г. — с 25 апреля по 30 июня. За эти месяцы А. Д. Меншиков получил 8403 куля, П. М. Апраксин — 1511 кулей, Г. И. Головкин — 1000 кулей, Г. Г. Скорняков-Писарев — 1300 кулей и т. д. (Волков М. Я. Привоз хлеба. . . С. 122). Куль равнялся 9 пудам.

¹³ ПСЗ. Т. 7. № 4634.

¹⁴ Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1955. Т. I. С. 84; Семенова Л. Н. Рабочие Петербурга. . . С. 159—163.

¹⁵ ПСЗ. Т. 7. № 4420.

¹⁶ Шпилевский М. Материалы для истории народного продовольствия в России // Зап. Новоросс. ун-та. Одесса, 1874. Т. 14. С. 4.

¹⁷ Там же. С. 5.

¹⁸ Указ 23 августа 1763 г. ПСЗ, № 11649; Шпилевский М. Материалы для истории народного продовольствия в России. Прил. III. С. 8.

¹⁹ Там же. С. 14—20.

²⁰ Там же. С. 21.

²¹ Там же. С. 22—23.

²² Там же. С. 30—31.

²³ Там же. С. 34—35.

²⁴ «В тесной связи с мерами по народной гигиене стоял и вопрос о народном продовольствии, получившем благодаря попечениям Екатерины II менее случайный и произвольный характер, чем то было раньше. Кое-где, например, заведены были хлебные магазины, они появились не только в городах, но и в некоторых деревнях» (Лаппо-Данилевский А. Очерки внутренней политики императрицы Екатерины II. Спб., 1898. С. 14).

²⁵ Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 286.

²⁶ Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 410, л. 190, 195.

²⁷ Там же, л. 458; д. 412, л. 79.

²⁸ Там же, д. 413, л. 289.

²⁹ Там же, д. 410, л. 337.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же, д. 412, л. 78.

³³ Там же, д. 410, л. 210 и сл.

³⁴ Там же, л. 36—36 об.

³⁵ В 1784 г. в Адмиралтейство было продано 47 203 четверти, в 1785 г. — 57 039 четверти.

³⁶ Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 412, л. 14.

³⁷ Там же, д. 410, л. 118.

³⁸ Там же, д. 412, л. 195.

³⁹ В 1786 г. повторный неурожай был там, где сеяли вымокшими незрелыми семенами 1785 г., и в некоторых других районах. Неурожай в 1786 г. охватил центр страны — Московскую, Ярославскую, Владимирскую, Тверскую, Калужскую, Тульскую, Рязанскую и черноземные губернии: Орловскую, Курскую, Воронежскую, а также Смоленскую и Казанскую (Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 410, л. 141—142; Журнал или записка жизни и приключений И. А. Толченова. М., 1974. С. 211—212, 428—429).

⁴⁰ Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 410.

⁴¹ Там же, д. 413, л. 11.

⁴² Там же, д. 412, л. 8.

⁴³ Там же, л. 8—9 об.

⁴⁴ Там же, д. 410, л. 90.

⁴⁵ Там же, д. 413, л. 16.

⁴⁶ Там же, д. 410, л. 90.

- ⁴⁷ Там же, д. 413, л. 99 об.
⁴⁸ Там же, д. 556, л. 278.
⁴⁹ Там же, л. 280.
⁵⁰ Там же, д. 413, л. 15, 34.
⁵¹ Там же, д. 412, л. 14.
⁵² *Храповицкий А. В. Дневник. М., 1901. С. 6—7.*
⁵³ Там же. С. 10.
⁵⁴ Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 413, л. 95.
⁵⁵ Там же, л. 15 об.
⁵⁶ Там же, д. 410, л. 334.
⁵⁷ Там же, л. 44—44 об.
⁵⁸ Там же, л. 44 об.
⁵⁹ Журнал или записка жизни и приключений И. А. Толченова. С. 206—209.
⁶⁰ Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, д. 412, л. 64 об.
⁶¹ Там же, л. 65.
⁶² Там же, д. 410, л. 118.
⁶³ Там же, л. 446.
⁶⁴ Там же, д. 412, л. 64 об.
⁶⁵ Там же, д. 410, л. 446.
⁶⁶ Там же, л. 246 и сл.; д. 412, л. 75—80.
⁶⁷ Там же, д. 412, л. 471.
⁶⁸ Там же.
⁶⁹ Там же, д. 413, л. 95 об.—96.
⁷⁰ Там же, л. 43, 96; д. 410, л. 46.
⁷¹ Там же, д. 413, л. 97—97 об.
⁷² Там же, л. 124.
⁷³ Там же, д. 410, л. 124.
⁷⁴ Там же, л. 144.
⁷⁵ Там же, д. 413, л. 159.
⁷⁶ Там же, д. 410, л. 446.
⁷⁷ Там же, д. 412, л. 87—96, 104—105, 109, 115—115 об.
⁷⁸ Там же, д. 413, л. 183, 185—190.
⁷⁹ Там же, д. 410, л. 148.
⁸⁰ Там же, л. 119—119 об.
⁸¹ Там же, л. 119.
⁸² *Шербатов М. М. Рассуждения о повсеместном голоде в России 1787 г. // ЧОИДР. 1860. Т. 1; Безобразов. Неурожай прошлого века // Наблюдатель. 1893. № 3; Шепкин. Голода в России // Исторический вестник. 1886. № 6.*
⁸³ *Мурзанов Н. А. Хлебные запасные магазины при Павле I // Архив истории труда в России. Пг., 1922. Кн. 3. С. 130—133.*
⁸⁴ *Шпилевский М. Материалы для истории народного продовольствия в России. С. 7.*



А. М. КОНЕЧНЫЙ

ПЕТЕРБУРГСКИЕ НАРОДНЫЕ ГУЛЯНЬЯ НА МАСЛЕННОЙ И ПАСХАЛЬНОЙ НЕДЕЛЯХ

Народная зрелищная культура, и в частности гулянья «на балаганах», — одна из интереснейших сторон быта старого Петербурга. Эти праздники «не только собирали воедино „весь город“, но и показывали ему собранные воедино традиции и новации, искусство „свое“ и „чужое“, простонародное и барское, народное и казенное, словом, резюмировали и художественно синтезировали всю городскую культуру».¹

Гулянья во время масленичной и пасхальной недель — самые грандиозные по масштабу в отличие от остальных городских праздников — не входили в разряд официальных увеселений, устраиваемых ежегодно по высочайшему повелению. Праздники «на балаганах», в которых наиболее ярко проявилась традиция народного театрального искусства, привлекали горожан обилием зрелищ и развлечений, атмосферой игровой активности и непринужденного веселья.

Петербургские гулянья развивались на древних традициях деревенских календарных праздников, приуроченных к проводам зимы и встрече весны, где катание с гор и на качелях, кружение на каруселях было связано с архаическими культами славянской мифологии. Н. В. Понырко прослеживает связь масленичной обрядности с кануном христианского праздника Великого поста.² Наплыв иностранных бродячих трупп в столицу (особенно с 1820-х годов) также способствовал расцвету площадного зрелищного искусства. Определенное воздействие на гулянья оказали и великосветские развлечения. Так, например, городская карусель «вобрала» в себя и различные формы придворных забав: «карусельный круг» с играми, театрализованную «великосветскую карусель» с костюмированными всадниками, кружение знатных экипажей на гулянье, иллюминацию.³ Разумеется, все эти придворные увеселения были переработаны праздничной площадью, «упростились до степени размалеванного лубка»,⁴ по выражению Е. П. Иванова.

Зрелищно-развлекательные формы календарных праздников, европейского ярмарочного карнавала и великосветских развлечений

синтезировались применительно к петербургскому укладу, приобретая новый характер. По наблюдению А. Ф. Некрыловой, гулянье как «открытая система легко впитывает в себя элементы и формы различных традиций, сфер быта, культуры, искусства».⁵ В условиях городской среды изменилась и социальная функция гулянья: площадь стала местом проведения досуга и общественных развлечений жителей столицы. Заметим также, что устроителям народных увеселений город обязан появлением цирка, зоологического сада, аттракционов, общедоступных увеселительных садов, становлением эстрады и уличной рекламы.

Единственным обстоятельным исследованием по петербургским балаганам является известная книга Е. М. Кузнецова,⁶ автор которой для описания гуляний на Царицыном лугу в последней четверти XIX в. использует рассказы режиссера площадного театра, а для воссоздания раннего периода народных праздников привлекает весьма ограниченно печатные источники и материалы периодики. Из мемуарной литературы укажем на содержательные воспоминания сына знаменитого антрепренера А. В. Лейферта и А. Я. Алексева-Яковлева.⁷

Настоящая работа основана на архивных документах, выявленных в различных фондах Ленинградского гос. исторического архива (ЛГИА) и Ленинградского гос. архива литературы и искусства (ЛГАЛИ), а также на изучении периодики, изобразительного ряда (в собраниях музеев и библиотек Ленинграда и Москвы), мемуаров, работ по истории Петербурга, бытовых очерков.

Считаю приятным долгом выразить признательность за советы и указания Н. Д. Румянцевой, Е. А. Сунцовой, А. Г. Левинсону, Ю. М. Лотману, Р. Д. Тименчику, Токуаки Баннай (Токио).

В нашу задачу входило провести реконструкцию общей картины петербургских гуляний, в истории которых можно выделить три периода, отражающих эволюцию зрелищно-развлекательных форм народных праздников: 1) в XVIII—первой четверти XIX в. гулянья проходят на льду Невы и в различных частях города, а пространство праздничной площади организовано вокруг мест забав (гор, качелей и каруселей); 2) празднества на Адмиралтейской площади (1827—1872), когда центром увеселений становится действо-зрелище (балаганные театры, большие карусели с балагуром «дедом», райки и т. д.); 3) гулянья в последней четверти XIX в., на которых проявляется тенденция к увеличению (и совершенствованию) аттракционов и мелких зрелищных форм.

Народные увеселения в XVIII—первой четверти XIX в.

До начала XIX в. петербургские газеты помещали только объявления о гастролях приезжих трупп («комедиантов», «кунстберейтеров», «механиков», «эквилибристов» и др.).⁸ В дошедших до нас мемуарах о Петербурге XVIII в. иногда встречаются описания катальных гор на Неве (при этом, как правило, не указывается местонахождение построек).⁹

Основным источником по истории гуляний в XVIII—начале XIX в. послужил изобразительный материал,¹⁰ так как архивные документы, относящиеся к этому времени, обнаружить не удалось, а первые обозрения народных увеселений появляются в периодике в 1810-х годах.

Народная жизнь Петербурга возникает на многочисленных гравюрах и рисунках (реже в живописи) только в последнем десятилетии XVIII в.,¹¹ хотя и ранее бытовой материал присутствовал на различных изображениях города, но в качестве стаффажа. Забавы простонародья привлекали внимание главным образом художников-иностранцев, которые, попав в чужую среду, более остро воспринимали экзотику и своеобразие городских праздников.¹²

Популярными развлечениями жителей столицы в первой половине XVIII в., как отмечает Л. Н. Семенова,¹³ были святочные потехи, кулачные бои и масленица, которая отмечалась разгульным пиром, ездой на лошадях и катаниями с ледяных гор. Одно из первых упоминаний масленичной катальной горы, специально построенной на льду Невы, относится, насколько нам известно, ко второй половине 1730-х годов.¹⁴

Изобразительный материал содержит информацию о местах проведения гуляний, дает представление об эволюции зрелищно-развлекательных форм народных гуляний, организации пространства праздничной площади, архитектуре и оформлении построек, городских типажах и атмосфере увеселений.

В конце XVIII—начале XIX в., как это видно по изобразительному ряду, масленичные горы возводились на льду Невы против Смольного монастыря, Литейного двора, Петропавловской крепости, Петровской площади. Гулянья на масленице и пасхальной неделе проходили также на левобережных площадях Невы: Сенной, Театральной, Петровской, Дворцовой и Царицыном лугу.¹⁵ На переднем плане большинства изображений рубежа XVIII—XIX вв. находятся катальные горы (на масленице) либо перекидные качели и карусели (на пасхальных увеселениях). В это время на гуляньях преобладают не зрелищно-театральные, а развлекательные формы — прообразы современных аттракционов, вокруг которых и организовано пространство праздничной площади (рис. 1—7).

«Масленица во всей Европе есть время торжества забав, — писал П. П. Свиньин, — а для русских главнейшее удовольствие составляют *ледяные горы*».¹⁶ Катальных гор было всегда две (их высота достигала 13—18 м); они сооружались параллельно друг другу, но в разных направлениях — скатами навстречу. Вот как описывает И.-Г. Георги горы конца XVIII в. «Здесь бывало строили обыкновенно ежегодно к сырной неделе две публичные горы на Неве. Каждая состоит в кубической подмостке из бревен в 6 сажень вышины, снабденной с одной стороны лестницею для входа, а с другою — крутым, несколько волнистым дощатым скатом, покрытым льдом для спуска и пр. Сие увеселение столь нравится народу, что и простые женщины и молодые люди лучшего состояния в оном участвуют. Некоторые молодые люди столь искусны в том, что спускаются с горы без санок на ногах или коньках».¹⁷ Горы украшались елками, флагами, деревянной скульпту-

рой, а иногда и «перспективными картинами». «Для зимнего катанья употреблялись санки и лодки, обитые сукном, на стальных полозьях на „головашках“; у одних было резное изображение льва, а у других лебедя».¹⁸ Вечером горы освещались фонарями: «отражение сей массы разноцветных огней в снегу, мешаясь с тенями, представляет необыкновенное зрелище».¹⁹

В последней четверти XVIII в. горы стали возводить и на пасхальных гуляньях; они были устроены по типу придворных катальных сооружений. С этих деревянных («летних») гор спускались «по отведенным покатым желобам посредством маленьких колясок, поставленных на четырех медных колесах» (рис. 7).²⁰

Качели строились первоначально на пасхальной неделе и составляли «в сие время всеобщую забаву и гулянье»;²¹ в конце XVIII в. они появляются и на масленице.

Возле гор и качелей (круглых, маховых, подвесных) располагались небольшие строения в виде шалашей («лубошных») или сараев, получивших с 1820-х годов название балаганов. Здесь выступали фокусники, кукольники, вольтижеры и комедианты, которые представляли «наувеселительнейшим образом в приторных одеяниях всякие комические и трагические важные деяния, басни, сказки, чудеса, кощунства и пр. Каждое представление не продолжается более получаса, а потому и бывает оных в день до 30 и более. . . Между оными бывают также и разные, показывающие свое искусство в скорости, равновесии, силе».²²

Первые три или четыре дня праздника стечение гуляющих было не так велико. Но уже с четверга (эта традиция сохранилась и в XIX в.) почти весь город собирался у гор и качелей. «Нева почти покрыта вокруг гор людьми, каретами и санями, ибо большая часть жителей приезжает один или несколько раз туда, чтобы видеть оное».²³

Светская публика и состоятельные горожане выезжали на гулянье, чтобы продемонстрировать новые экипажи и моды, а также посмотреть на забавы народа, который в свою очередь с любопытством взирает на множество карет или саней, опоясывающих толпу и постройки. Праздничная площадь превращалась в своеобразную театральную сцену, а участники гулянья были одновременно и зрителями, и действующими лицами.

С момента основания Управы благочиния (1782) в ее обязанности входил надзор за «народными играми и забавами».²⁴ Заметим также, что с 1763 г. четвертая часть дохода от «публичных позорищ» и «всяких игрищ за деньги» поступала в пользу воспитательного дома. В Петербурге этот сбор производился с 1773 г.²⁵

Принято считать, что при Павле I традиция народных праздников прервалась.²⁶ Действительно, существует указ от 29 декабря 1796 г., в котором говорится: «Вольные спектакли запрещено давать во весь Великий пост и во всю неделю Святые Пасхи».²⁷ Однако, как свидетельствует аббат Жоржель, Павел I не только не запретил народные увеселения, но и сам наблюдал за ними.²⁸ Описание масленицы в царствование Павла I встречается также в мемуарах Мермана²⁹ (к изданию приложены две гравюры Й. Маркуса с изо-

бражениями гор на Неве и качелей на Царицыном лугу — Марсовом поле).

Судя по периодике, начиная с 1810-х годов размах гуляний стремительно возрастает. Газета «Северная почта» 26 апреля 1813 г. впервые поместила подробный отчет о народном празднике: «Несколько уже лет как сии увеселения устраиваются обыкновенно на Исаакиевской и Петровской площадях. Там были ныне две летние горы, 8 театров народных, 4 карусели, 150 качелей круглых и 120 веревочных: все сие поставлено было по плану и фасаду. . . Были дни, в которые с гор скатывалось по 7000 человек один после другого, а в театрах перебивало зрителей до 30 000. В первые три дни уже карет и колясок было по два и по три ряда вокруг качелей по всему пространству обеих площадей. . . Число же оных (экипажей. — А. К.) вообще на гулянье сем примерно полагать можно до 3000».³⁰

Появление на «сарай для комедий» балкона с зазывалами (вероятно, в конце XVIII в.; рис. 6)³¹ оказало огромное воздействие на характер и структуру гулянья: представление отныне выносится и к наружным стенам балагана, становится своеобразной «театрализованной рекламой».³²

«Взойдемте в средину сего волнующегося замка, коего стены с одной стороны составляют вертящиеся качели, с другой горы, а с остальных сараи для комедий, — сообщал наблюдательный П. П. Свиныин. — На балконах сих последних дурачатся паяцы и гремит разноголосая музыка. Посмотрите, как от доброго сердца хохочет добродушный народ над пестрыми сими *Момусами*. Острота их более всего веселит зрителей и привлекает в комедии, несмотря, что шутки их большею частию бывают неудачны, как и многих *остряков* большого света. Один паяц лазает по кровле с маленьким медвежонком, одетым в детское платье. . . Другой с балкона отдает отчет хозяину своему, облеченному в одежду Сципионов и Цезарей, о числе людей, идущих в комедию. . . Там, на третьем балконе, — драка кукол (Полишинель). Ревнивый муж бьет неверную жену. Баталия сия сопровождается презабавным разговором между супругами, забавным по существу материи, а более по выговору простонародных русских слов исковерканным голосом немца или итальянца».³³

Балкон как сценическая площадка стал обязательной принадлежностью балагана, а позже и карусели. Не случайно его отсутствие вызвало недоумение у П. Фурманна — автора статьи «Физиономия масленичных балаганов»: «У Легата же и балкона нет! Это верх *площадной* аристократии. Помилуйте, что за важничанье, разве вы забыли, что балаган без балкона все равно, что масленица без блинов? Воля ваша, а, по-моему, балаган без балкона и балкон без наемного балагура теряют типический характер свой!».³⁴

В конце 1810-х — начале 1820-х годов народные увеселения проводятся на Театральной площади. «Уже три года как гулянье на Святой неделе перешло с Исаакиевской площади на Театральную. Здесь нельзя не удивиться искусству, с каким располагаются комедиянтные сараи, качели, летние горы, карусели и проч. красивым и удобным образом в столь тесном месте».³⁵

Масленица 1825 г. прошла на Царицыном лугу,³⁶ а увеселения на пасхальной неделе — на Театральной площади.³⁷ В 1826 г. не было сообщений о праздновании масленицы. А многолюдность публики на пасхальном гулянье этого года, устроенном на Театральной площади,³⁸ газета объясняла тем, что «закрытие театров по случаю траура заставляло людей образованных стекаться в балаганы будто на смех, а в самом деле для рассеяния», отмечая при этом как нарушение традиции отсутствие на празднике «придворных экипажей».³⁹

С 1820-х годов, когда народные увеселения становятся заметным событием не только в жизни Петербурга, но и России,⁴⁰ газеты и журналы регулярно помещают обстоятельные обзоры гуляний «на горах» (масленица) и «под качелями» (пасхальная неделя), в которых подробно описывают площадные зрелища и развлечения, балаганные представления, называют имена их устроителей, число построек и т. д.

Празднества на Адмиралтейской площади (1827—1872)

Гулянья «на горах» и «под качелями» с 1827 г. постоянно проводятся на Адмиралтейской площади.⁴¹

Несколько слов о законодательных мерах по организации и регулированию народных праздников в эти годы.

«Для приращения городских доходов» с 1835 г. участки под балаганы и карусели на Адмиралтейской площади стали отдавать ежегодно с торгов в городской распределительной думе (с 1873 г. — управе); горы и качели (до 1867 г.) строились бесплатно. К торгу допускались «иностранцы и всякого звания лица», которым в думе объявлялся «план всем местам, назначенным к отводу под балаганы»; нижняя цена за квадратную сажень площади составляла не менее трех рублей ассигнациями.⁴² В листе для торга указывались «звание и имя покупателя места», номер участка (он проставлялся на балагане), его размер и стоимость. После окончания праздника содержатели построек должны были в течение недели разобрать их и привести в порядок площадь.⁴³

Обер-полицмейстер, получив от думы уведомление об «отводе мест», направлял в 1-й округ путей сообщения список владельцев участков и план «розданным местам», поручая правлению округа составить чертеж расположения на Адмиралтейской площади балаганов, гор, каруселей, качелей и вести надзор за их «правильною и прочною постройкой». Выполненный чертеж поступал на «высочайшее усмотрение», после чего обер-полицмейстер давал разрешение на начало строительства, которое продолжалось около двух недель силами арендаторов участков под наблюдением архитектора округа путей сообщения. Акты освидетельствования построек, подписанные архитектором и полицмейстером (они также присутствовали на торгах), направлялись обер-полицмейстеру.⁴⁴ Согласно закону 1867 г., с торгов стали отдавать участки под все постройки для народных праздников, разрешив за отдельную плату оставлять не сломанными балаганы и

карусели после окончания масленицы на время Великого поста до гулянья на пасхальной неделе.⁴⁵

Законодательство коснулось и «общенародных увеселений». Уложение 1845 г. предусматривало арест актеров «на время от трех дней до трех недель» за «действия, которыми явно оскорбляются добрые нравы и благопристойность».⁴⁶ По ходатайству Общества покровительства животным в 1866 г. запретили «водить медведей для забавы народа».⁴⁷

Дважды в году на Адмиралтейской площади возникал увеселительный городок, растянувшийся на расстояние более полукилометра от Дворцовой до Исаакиевской площади, с двумя линиями многочисленных построек.⁴⁸ Первую линию занимали большие балаганы (преобладали театры), обращенные фасадами в сторону Невского проспекта. Вдоль Адмиралтейства тянулись две катальные горы (скатами навстречу друг другу) и располагались мелкие строения. По торцам второй линии, перпендикулярно ей, также стояли балаганы. Всего на площади находилось до 16 балаганов (в среднем 12); длина и высота построек не регламентировалась, а ширина их с 1836 г. была ограничена до 10 сажен (рис. 8, 9, 17).⁴⁹

Гулянья «на горах» и «под качелями» продолжались неделю (от воскресенья до воскресенья). Открывались они ежедневно в полдень по выстрелу сигнальной пушки⁵⁰ и с подъема флагов на всех постройках; в 8 час. вечера увеселения прекращались.

Празднества на Адмиралтейской площади — одна из самых ярких страниц в истории петербургских гуляний. Народное зрелищное искусство переживает здесь свой апогей.

«Никогда не бывало такового количества комедий или балаганов, заключавших большое разнообразие в представлениях, — говорилось в одном из первых обзоров гулянья. — Кроме двух летних гор, разного рода каруселей и качелей — парижских, маховых, круглых и т. п., было 14 сараев, выстроенных вдоль Адмиралтейского бульвара, кои с пестрыми флагами своими и разноцветными вывесками походили на какой-то китайский или японский городок. В сараях сих были следующие представления. № 1. *Турньера* — вольтижирование и гимнастическое искусство на лошадях. 2) *Кемферта* — вольтижирование и екилибическое искусство. 3) *Лемана* — пляска по канату. 4) *Тихановой* — екилибические скачки и танцы по канату. 5) *Собера* — чревовещательство, магия и мимические опыты. 6) *Шпигеля* — механические фейерверки и физические опыты. 7) *Трея* — то же. 8) *Шпозе* — обученные собаки. 9) *Лемана* — дикие звери. 10) *Гоббе* — кукольный театр. 11) *Сейслера* — косморама. 12) *Валнегера* — панорама. 13) *Шихтеля* — гроты из сталактитов, или капельников. 14) *Буралева* — китайские тени. . . Экипажи ездили в три или четыре ряда мимо качелей».⁵¹

Не случайно балаган под № 1 (самое престижное место⁵²) занимал «Амфитеатр Турниера», успешно гастролировавший в столице с 1824 г. Огромная популярность труппы «конных балансеров» Жака Турниера способствовала появлению стационарного цирка, открытого в 1827 г. Турниер внес половину суммы на постройку деревянного

здания у Симеоновского моста, за что получил от города право пользоваться «Олимпийским цирком» на пять лет «для представления в нем искусства верховой езды, вольтижирования и пантомим». ⁵³

Особое место в истории петербургских балаганов принадлежит Христиану Леману. Его имя появляется на страницах газет в 1826 г. (до этого он выступал на народных гуляньях в Москве), когда «Северная пчела» рекомендовала посетить балаган «балансера-гротеска» Лемана и его зверинец. ⁵⁴ Но уже в следующем году он был поставлен в обзорении праздника «под качелями» в один ряд с Турниером. «Леман — артист вроде паяцев. Он, кроме ловкости во всех гимнастических упражнениях, одарен особенным искусством переменять физиономию и смешить мнимую своею простотою». ⁵⁵

На пасхальной неделе 1830 г. Леман впервые показал петербуржцам серию пантомим-арлекинад. «Пантомимы будут переменяться каждый день, — сообщала газета. — В первый — представлен будет Пьеро бомбардир; во второй день — Арлекин в плену; в третий — комическое путешествие по морю. Пантомимы сии сопровождаемы будут забавными превращениями, например, управителя в осла, крестьянской избы в модную лавку, Арлекина в книги; камень превратится в Пегаса, на котором Арлекин полетит на воздух; Арлекином зарядят мортиру и выстрелят его в окно модной лавки; Пьеро раздвоится и обе части его пойдут в противные стороны; сильным ветром из мехов Пьеро в ванне поднимется на воздух». ⁵⁶ «Превращения составляют одну из важнейших частей представления, — отмечалось в статье «Пантомима г. Лемана и компании», — и все производится в действо так быстро, так ловко, что глаз не успевает следовать за движениями, и не примечает обмана. . . Такого классического паяца, как г. Леман, мы отроду не видавали». ⁵⁷ При этом Леману ставили в упрек, что в его арлекинаде «множество перемен декораций и превращений, но — нет сюжета». ⁵⁸ Именно эти превращения и принесли славу пантомиме, ставшей навсегда самым популярным театральным зрелищем народных праздников. «Более всего впечатления производил на нас эпизод, когда непокорного Арлекина разрезали на восемь равных частей, и он через мгновение оживал на горе врагам и нашу общую радость, — вспоминает посетитель балагана В. Берга. — Хотя эту сцену мы видели десятки раз, но она неизменно вызывала общий взрыв восторга». ⁵⁹

Леман не только играл в пантомимах, но и сам оформлял постановки и рекламные вывески для своих балаганов, ⁶⁰ а также был «весьма искусен в механике и увеселительной физике», ⁶¹ успешно соперничая с императорскими театрами. «Леман имеет чудесный дар предупреждать наших драматургов. Все, что теперь влечет нас в театр, все это мы давно уже видели у Лемана в балагане. Вам нравится извержение Везувия в „Фенелле“ — Леман показывал его за два года прежде; вас ужасает скелет в „Игроках“ — Леман выставлял его в 1830 году; вы восхищаетесь красным огнем в „Волшебном стрелке“ — но это изобретение Лемана». ⁶²

В первый день масленой недели 1836 г. случилась самая большая трагедия в истории гуляний — во время представления загорелся

огромный балаган Лемана, в пожаре погибло 127 зрителей.⁶³ Леман со своей труппой перебрался в цирк у Симеоновского моста, который он арендовал с 1835 г., где поставил пантомиму-арлекинаду,⁶⁴ вошедшую в состав многожанрового циркового искусства. Однако, оказавшись «несостоятельным к платежу аренды за цирк», в конце 1836 г. «иностранец» Леман «из столицы скрылся».⁶⁵

От Лемана — «Виктора Гюго начальных штукмейстеров» (как назвала его «Северная пчела») — пошла плеяда балаганных «маэстро»: его ученики братья Легат, семейство Берга, Лейферт, Алексеев-Яковлев, которые в своих арлекинадах совершенствовали приемы «превращений» и «перемен».

С начала 1830-х годов выступала на гуляньях шведская пантомимная труппа Легат (родоначальник балаганной и актерской династии), сохраняя первенство среди своих соперников. В обозрениях праздников всегда отмечалось: братья Легат «дают пантомимы с прекрасными декорациями, с блестящими костюмами, с волшебными превращениями. . . Коломбина их грациозна, Пьеро забавен, Арлекин ловок, превращения быстры».⁶⁶ Балаган Легат привлекал внимание публики не только арлекинадой,⁶⁷ но и огромными размерами самой постройки⁶⁸ и ее убранством. «Невозможно поверить, чтоб за дощатыми стенами балагана скрывалась такая великолепная палатка; чтоб сальные свечи, прикрепленные к простым обручам, заменялись роскошными люстрами! Скамейки обиты яркою материей; оркестр не висит над зрителями на прозрачном балконе, а расположен перед сценою и скрыт от публики наклонным щитом; авансцена расписана искусною кистью; завеса право не дурна; декорации очень хороши; превращения, перемены чрезвычайно удачны. . . Пантомима забавная, разнообразная».⁶⁹

В конце 1850-х годов на гуляньях появляется уроженец Гамбурга Вильгельм Берг, продолживший традицию бывшей арлекинады. В театре Берга декорации «были написаны условно, но тщательно, — в тех тонах, что преобладали в восемнадцатом веке в живописи. И все перемены делались так чисто, так скоро, что им мог позавидовать бы любой казенный театр. Плотник уцеплялся по свистку за веревку и увлекал своей тяжестью ее вниз, поднимая вверх нужную декорацию. Всякие трюки и превращения производились по старым традициям».⁷⁰ «Арлекинада всегда кончалась сценой в аду, причем неизбежно показывался огромный, во всю сцену, голый до пояса сатана, — вспоминает П. П. Гнедич представление в балагане Берга. — Кроме этого неизбежного финала, были постоянные трюки, как бы ни менялось содержание пантомимы — разрезание Арлекина на куски и стрельба им из пушки в цель. Все делалось быстро, судорожно, как потом практиковалось в кинематографе».⁷¹

Арлекинаду с превращениями можно было увидеть только в двух-трех площадных театрах (каждый вмещал более тысячи зрителей), куда устремлялось не только простонародье, но наведывалась светская публика, а временами — и императорская фамилия. В этих театрах пантомиме всегда предшествовал небольшой дивертисмент из эстрадно-цирковых номеров. Леман, например, проделывал фарсы (глотал яйцо

и вытаскивал утку) и «разные акробатические игры на тугом канате и на полу». ⁷² В остальных балаганах шла короткая по времени арлекинада в составе многожанровой программы. «Представления Пациани начинаются акробатами. Сначала танцует на веревке ребенок, потом забавный паяц, наконец Каролина Пациани. Она делает трудные экзердиции со стулом и присоединяет к ним еще другие, делаемые ею без шеста. После этого отделения следуют опыты силы. После силачей тирольцы поют свои национальные песни. За тирольцами показывается несгораемая англичанка, которая кует руками раскаленное железо, глотает огонь, ходит по раскаленному железу и становится в жаровню, наполненную горячими угольями. Для окончания представления дают небольшую пантомиму „Арлекин-скелет“, без декораций, без особых приготовлений, как арлекинады даются в Италии». ⁷³

До середины XIX в. наряду с пантомимой-арлекинадой, занимавшей ведущее место в репертуаре площадных театров, шли в балаганах военные ⁷⁴ и приключенческие («Калабрезские разбойники в лесу, или Сильное нападение на семейство Лорда») пантомимы, ставившие «живодвижущиеся картины». ⁷⁵ Напомним, что в эти годы петербургским театрам было присуще совмещать в одном представлении различные жанры, ⁷⁶ а в Михайловском театре спектакли и концерты всегда сопровождались живыми картинами.

По утверждению Е. М. Кузнецова, а вслед за ним и других исследователей, до 1860-х годов на гуляньях не разрешалось «играть пьесы из русской жизни». ⁷⁷ Официальных распоряжений на запрещение постановок с русской тематикой нами не выявлено. Однако обнаружен документ о постройке на Адмиралтейской площади во время гулянья «под качелями» в 1848 г. балагана, в котором крепостные люди местного помещика А. А. Жеребцова «представляли с некоторым успехом пьесы из народных сказок и народного быта». ⁷⁸ В 1839 г. в «Олимпийском цирке», ⁷⁹ генетически и типологически близком балагану, «возникает зрелище в совершенно новом роде — русская пантомима с русскими песнями и плясками. На первый раз возведен *Бова Королевич* и *Милитриса Кирбитьевна*, в которой являются князь Кирбит Кирбитьевич Седыр, Милитриса, Бова, Иванушка-дурачок, Полкан богатырь, Кашей бессмертный, Яга-баба, русалки, ведьмы». ⁸⁰ А так как устроителями цирковых и площадных зрелищ часто были одни и те же лица, то можно предположить, что эта пантомима появилась и на сцене балагана. Напомним, что арлекинада попала в цирк из площадного театра Лемана.

Празднества на Адмиралтейской площади — период расцвета театрально-зрелищного искусства и формирования классического типа гулянья «на балаганах».

Владельцы многочисленных построек, соперничая с площадными театрами, предлагали публике широкий выбор зрелищ и развлечений, рассчитанных на массовый вкус. «Но вот ударил заветный час и пустота сделалась тесною, флаги затрепетали над кровлями, с балконов загремели бубны и трубы, домики распахнули приветливо свои завесы, — сообщала газета об открытии гулянья. — Посмотрите, как это разбросанное племя механиков (антрепренеров. — А. К.) соединилось на

общий пир корысти и славы, ратоборствует и состязается. Все манит к себе внимание всеми своими средствами: то смыслом, то смешностью, то метким фарсом, то мелким искусством, то ловкой удачей, то красным словом, то затейливым вымыслом... Всякий кидается в этот хаос мыльных пузырей с каким-то опьянением; все хотят удовольствия; морали не ищут».⁸¹

В обозрениях гуляний мало внимания уделяется зрелищам, давно знакомым петербуржцам: зверинцу, цирку, медвежьей комедии, куклам-марионеткам, театру «Китайских теней» и др. Зато периодика фиксирует все изменения и новшества, происходившие на Адмиралтейской площади.

Упрощенная и короткая программа одних балаганов состояла из выступлений «пляшущих, скачущих и играющих штукмейстеров»,⁸² пантомимы или живой картины;⁸³ в других — демонстрировались всевозможные диковинки. Здесь давали представления «ученые» собаки, обезьяны и канарейки. «Балаган Фенароли. Обезьяны и собаки передразнивают людей; одеваются, кокетничают, пляшут, важничают, бранятся, выходят на поединок».⁸⁴ У Герольда канарейки «танцуют, маршируют, мечут артикул, стреляют, умирают, оживают».⁸⁵ В отдельных постройках можно было увидеть: «носорога, единственного во всей Европе»,⁸⁶ альбиноса, который «является перед зрителями в полудиком наряде и разговаривает по-английски, по-немецки, по-французски и по-итальянски»;⁸⁷ танцы «уроженцев Австралии, Африки, Южной и Северной Америки»;⁸⁸ великана из Финляндии «ростом в 3 аршина и 3 1/2 вершка»;⁸⁹ «безрукого человека», который «ногами пишет, вдевает нитку в иголку, шьет, заряжает пистолет, стреляет»;⁹⁰ паноптикум с «восковыми фигурами, представляющими и исторические лица, и вымышленные сцены»⁹¹ и т. п.

В этих зрелищах, напоминающих ожившие лубки, проявляется связь (и взаимовлияние) репертуара балаганов с тематикой популярных народных картинок и книг.⁹²

Находился на площади и «Детский театр», где выступали куклы-марионетки, ставились живые картины.⁹³

Уже в первом обозрении народного праздника на Адмиралтейской площади упоминаются «косморама» и «панорама».⁹⁴ В этих постройках демонстрировались живописные виды городов, экзотических уголков Европы и памятных событий.⁹⁵

Особую известность получила в 1830-е годы «косморама» художника Лексы. В 1826—1827 гг. он показывал свои работы с «изображением любопытных мест всех частей света»⁹⁶ в доме княгини Лобановой-Ростовской. Затем Лекса уехал в Европу и в 1834 г. привез в Петербург «богатую коллекцию видов»: «огромную панораму горы Этны»,⁹⁷ «очаровательный Фаль», «штурм и взятие Варшавы», «смерть Наполеона»⁹⁸ и др. Вместе с Соритцем, владельцем панорамы Константинополя⁹⁹ в доме Косиковского (на углу М. Морской и Невского проспекта), Лекса открывает «космораму» под названием «Оптическое путешествие».¹⁰⁰ На пасхальной неделе 1834 г. «Лекса выставил 14 косморамических видов», а посреди площади в специальном павильоне находилась панорама Константинополя.¹⁰¹ Не обошел внима-

нием Лекса и Петербург, панорама которого привлекала многих художников, а литографированные виды города получили в 1830-е годы широкое распространение. В августе 1834 г. Лекс зарисовал столицу с лесов Александровской колонны.¹⁰² Эту панораму можно было увидеть в Зиминном переулке и на гуляньях.

Из других построек, где выставлялись живописные полотна, отметим: «Кинетозографический театр» Купаренко,¹⁰³ «Китайскую панораму»,¹⁰⁴ балаган царскосельского купца Д. Сергеева с батальной панорамой «Синопское сражение».¹⁰⁵

Непременной зрелишной формой празднеств с 1830-х годов становится раек (рис. 10),¹⁰⁶ который по аналогии с упомянутыми выше балаганами часто именовали подвижной «косморамой» или «панорамой». «Раек, — писал Д. Ровинский, — это небольшой, аршинный во все стороны ящик, с двумя увеличительными стеклами впереди. Внутри его перематывается с одного катка на другой длинная полоса с доморощенными изображениями разных городов, великих людей и событий. Зрители, «по копейке с рыла», глядят в стекла, — раешник передвигает картинки и рассказывает присказки к каждому новому номеру, часто очень замысловатые».¹⁰⁷ С середины XIX в. наряду с переносной «косморамой» на площади появляются внушительные сооружения, в которых картинки (живописные или лубки) вставлялись в рамки и помещались в специальном возвышении над райком. Зрелища и представления в балаганах и на самой площади, памятные исторические события, новости и городской быт (рис. 11)¹⁰⁸ перерабатывались райком в своеобразную видеохронику. Раек оказался одной из самых универсальных зрелищных форм, сочетая в себе видовую «панораму», выступления кукольников и площадных зазывал, балаганное представление. Определенное воздействие оказал раек на лубочную продукцию, литературу для народа, язык газетных фельетонов.¹⁰⁹

«На народных гуляньях начиная с 1830-х годов неизменно присутствует специфический для времени симбиоз искусства и техники, — отмечает Е. И. Кириченко и делает интересное наблюдение. — Атракционные формы демонстрации технических новинок, прежде чем получить распространение на выставках, прошли апробацию в парках и на представлениях, дававшихся в балаганах».¹¹⁰

Поездка на поезде, путешествие на пароходе, полет на паролете включались в действие пантомим в балагане Легат уже в 1830-е годы. «Забавнее всего видеть на сцене насыпь железной дороги, паровоз с фабрики Джона Кокерилиа в полном ходу, с свистом, ревом и гулом, и длинную цепь экипажей, наполненных пассажирами, как в воскресенье на Семеновском плаце. Но г. Легат с компаниею не довольствуется представлением на своей сцене важнейшего изобретения нашего времени: он опередил век и заставляет своего усатого Пьеро летать по воздуху на паролете, изобретенном в N. N. государстве, в 19. . году».¹¹¹ «Одна из назначенных пантомим называется *Пароходом*. В ней зрители увидят Кронштадт и Травемюнде».¹¹² Предприимчивые братья Легат соорудили на площади «миниатюрную железную дорогу в виде карусели».¹¹³ Достижения в оптике и химии нашли применение у фокусников в их «магических» и «волшебных» театрах.

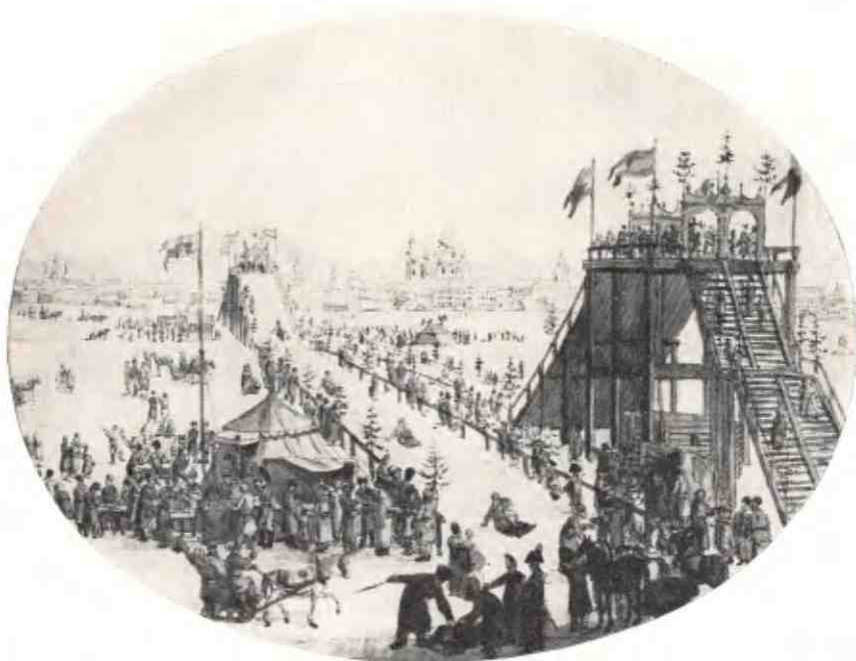


Рис. 1. Х.-Г. Гейслер. Ледяные горы. Гравюра. 1801 (Музей циркового искусства). Масленичное гулянье на льду Невы против Смольного монастыря.

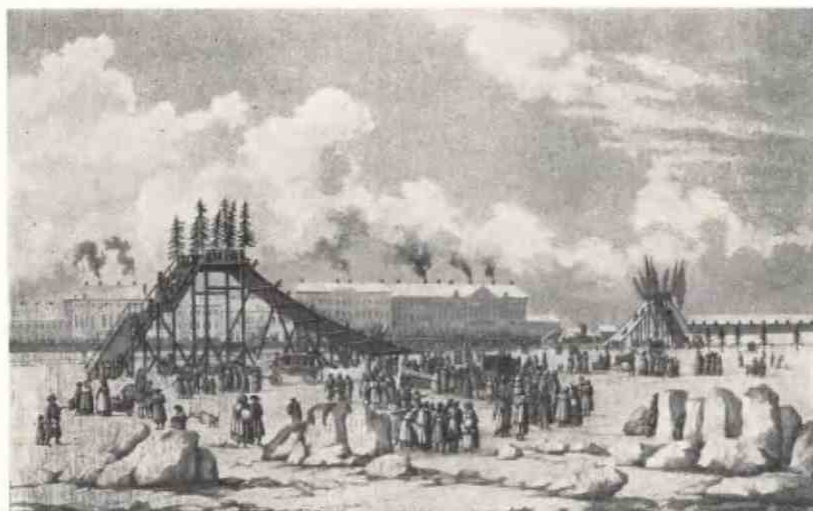


Рис. 2. М.-Ф. Дамам-Демартре. Горы на льду Невы. Офорт, акватинта. 1810-е гг. (Гос. музей истории Ленинграда).

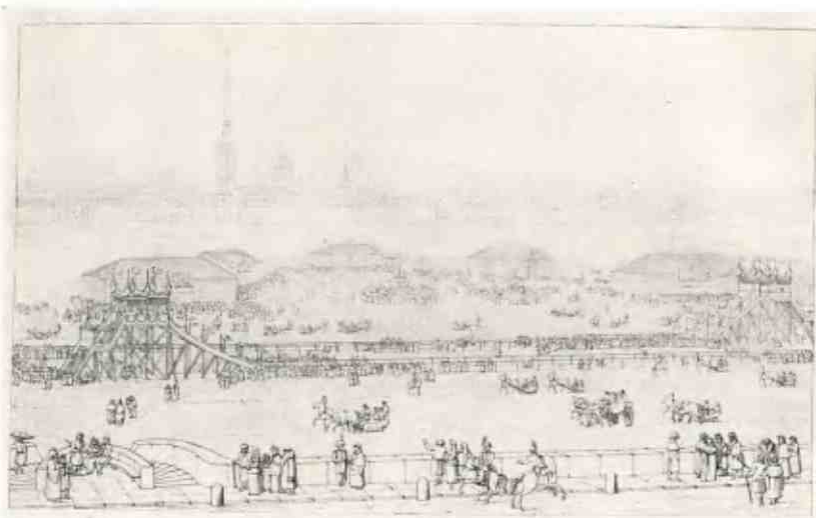


Рис. 3. Д. Кваренги (?).
 [Горы и балаганы на льду Невы против Петропавловской крепости].
 Гравюра, 1810-е гг. (Гос. музей истории Ленинграда).



Рис. 4. Н. Серракаприола. Ледяные горы. Литография.
 1817 (Отдел эстампов ГПБ).

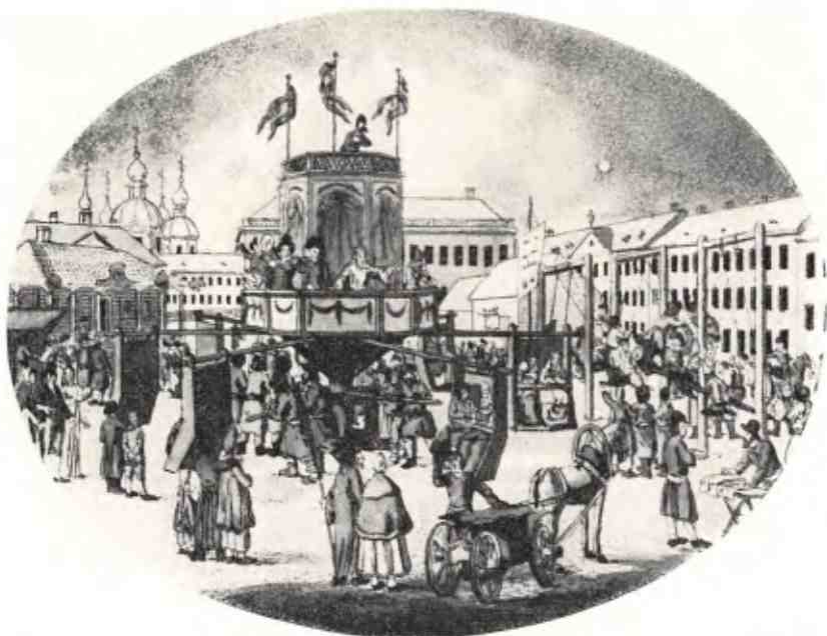


Рис. 5. Х.-Г. Гейслер. Качели. Гравюра. 1801 (Отдел эстампов ГПБ).
Карусели и качели на Сенной площади.

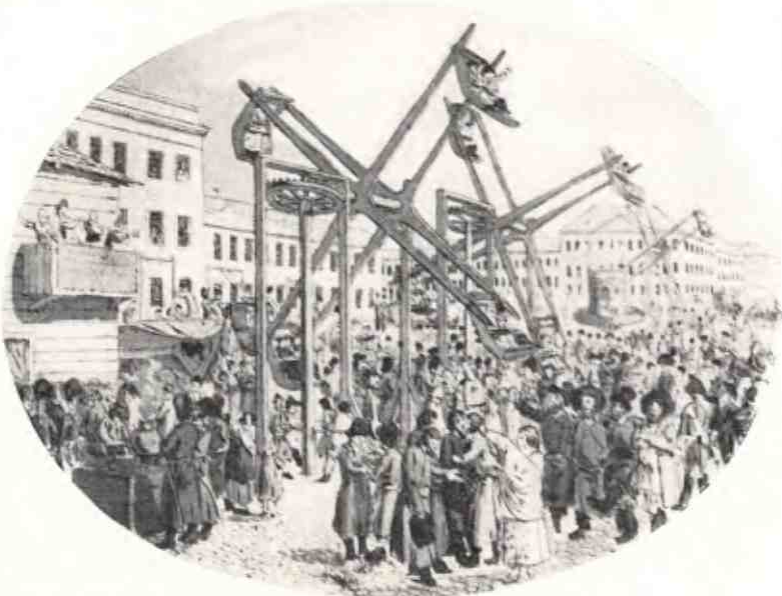


Рис. 6. Х.-Г. Гейслер. Качели. Гравюра. 1801 (Отдел эстампов ГПБ).
Гулянье на Сенной площади. Слева балаган с балконными зазывалами.

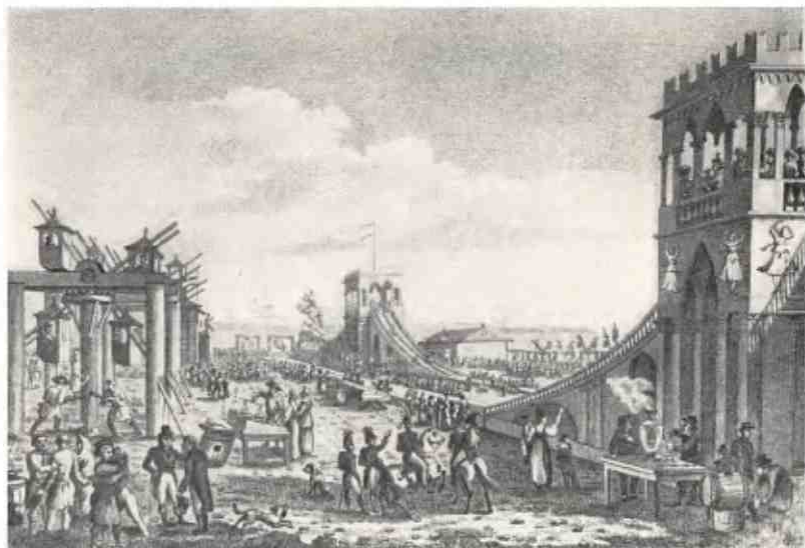


Рис. 7. Качели. Гравюра С. Ф. Галактионова по рисунку М. Н. Воробьева.
1817 (Гос. музей истории Ленинграда).
Летние катальные горы на Петровской площади.



Рис. 8. Неизвестный автор. Ледяные горы на Адмиралтейской площади.
Литография. 1835 (Гос. музей истории Ленинграда).
Справа балаган Х. Лемана.



Рис. 9. И. Шарлемань. Адмиралтейская площадь во время масленицы. Литография, 1850-е гг. (Гос. музей истории Ленинграда).
Справа балаган В. Берга.



лит. лит. Н. А. Яков 1862 г. Литература Н. Фельдберг. **РУССКИЙ РАЕКЪ.** Лит. лит. Ф. Крайнов. Москва 1861.
Ходили райки. А вотъ изволите видѣть большой городъ Парижъ придемъ устроимъ, все по модѣ живъ бы
денежки были въ карманѣ. А вотъ немного позаним. Большой мостъ въ Парижъ, вотъ какъ франтики
сидятъ барышники головкой кивать а у прохожихъ изъ бармановъ платочки летаютъ.
Хороша штука да поглядѣть. зрители хх. хх. хх.!

Рис. 10. Русский раёк. Литографированный лубок.
1857 (Отдел эстампов ГПБ).



Рис. 11. Огнедышащая гора Этна. Гравированный лубок. 1848.
Из изд.: Губерт К. Рассказы косморамщика,
или Объяснение к 16 картинам, находящимся в космораме. СПб., 1848.

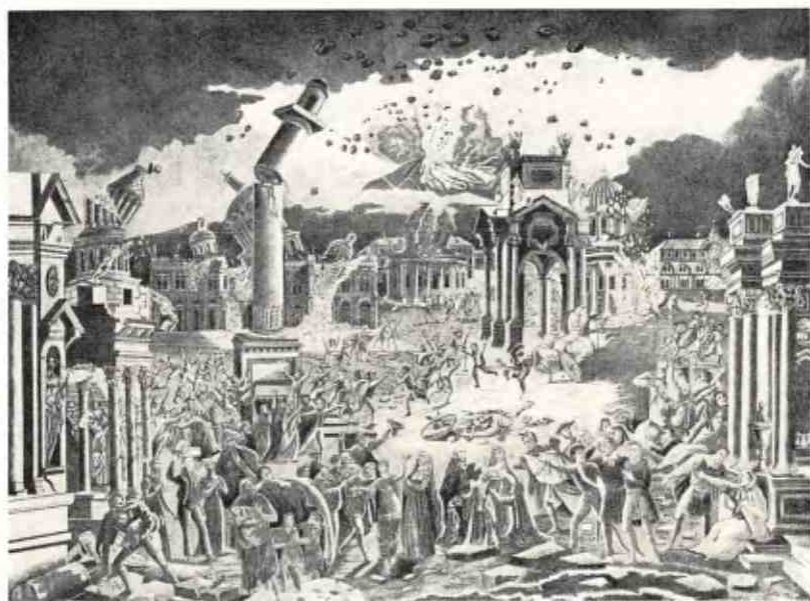


Рис. 12. Последний день разрушения города Помпеи.
Гравированный лубок. 1834 (Гос. музей истории Ленинграда).

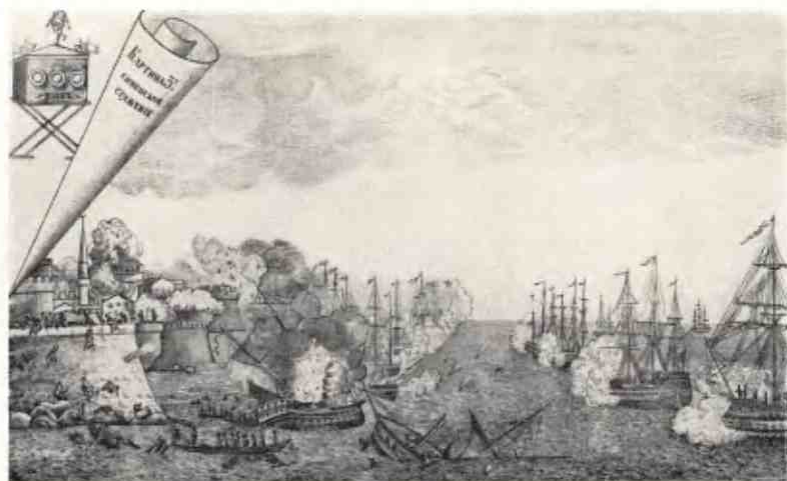


Рис. 13. Синопское сражение. Литографированный лубок. 1854.
Картина 3-я из серии «Ряск» (Гос. музей истории Ленинграда).



Рис. 14. В. Ф. Тимм. Масленица. Литография. 1858 (Гос. музей истории Ленинграда). Справа карусель «Железная дорога» на Адмиралтейской площади.



Рис. 16. Балаган «Театр В. Малафеева» на Адмиралтейской площади.
С фотографии конца 1860-х гг. (Отдел эстампов ГПБ).



Рис. 17. Крытые карусели, балаганы и горы на Адмиралтейской площади.
С фотографии А. Лоренса. 1860-е гг. (Гос. музей истории Ленинграда).



Рис. 18. Пасхальное гулянье на Царицыном лугу. С фотографии К. Булла 1891 г. (Музей циркового искусства).



Рис. 19. Фасад балагана А. П. Лейферта «Театр „Развлечение и польза“». С фотографии 1896 г. (Ленинградский театральный музей).



Рис. 20. Петрушка. Хоомолитографированный лубок
Вторая половина XIX в. (Гос. музей истории
Ленинграда).

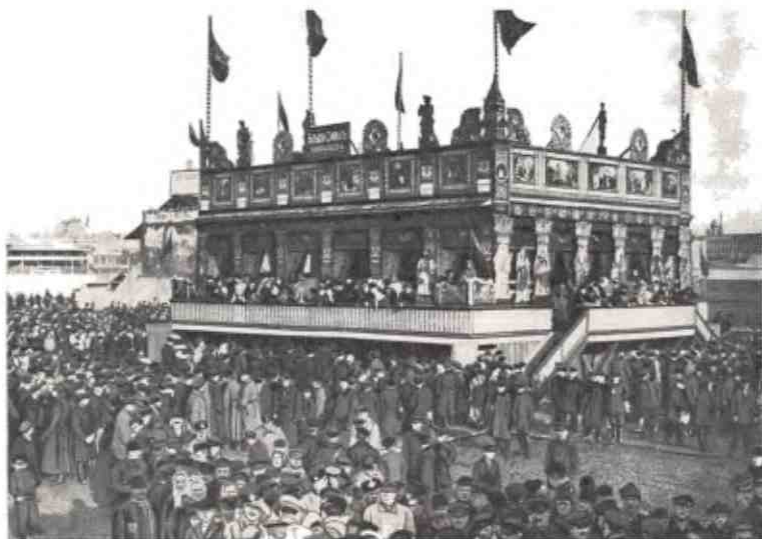


Рис. 21. «Большой самокат» А. В. Николаева на Семеновском плацу.
С фотографии К. Булла 1898 г. (Музей циркового искусства).
Слева «Театр „Развлечение и польза“».

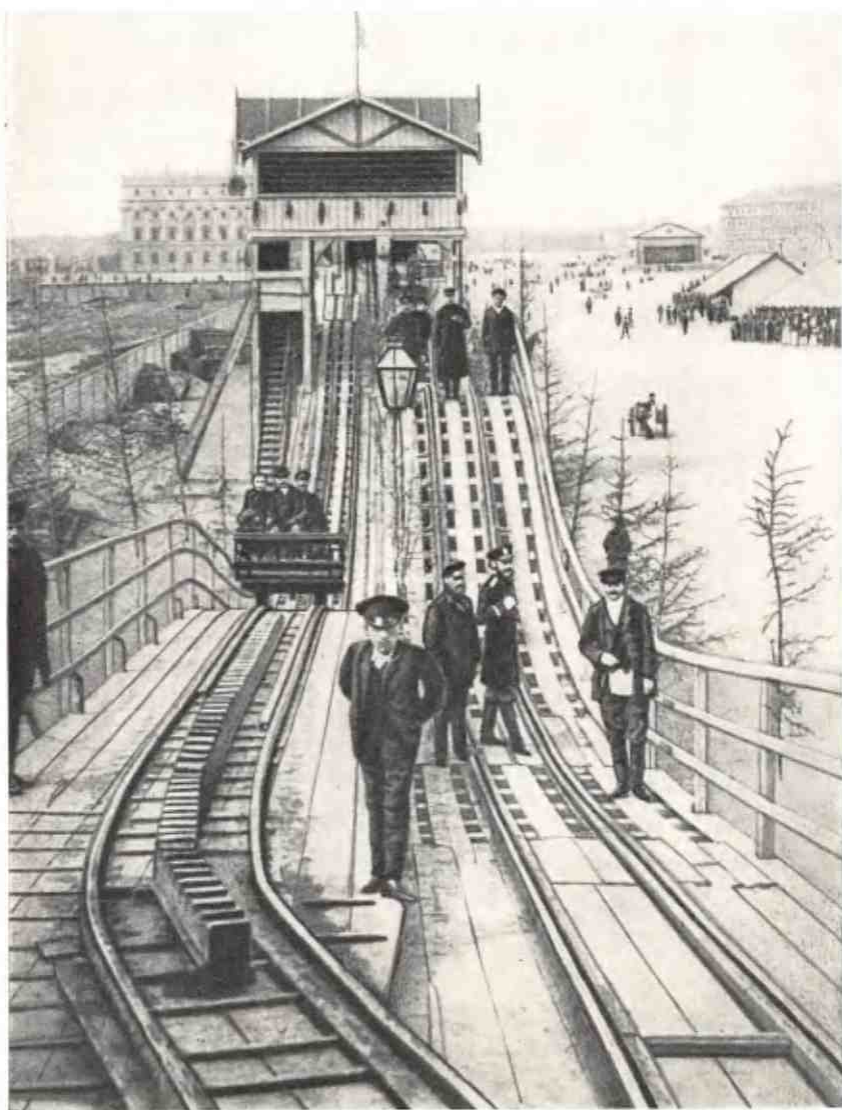


Рис. 22. «Американские горы» на Царицыном лугу. С фотографии К. Булла начала 1890-х гг. (Гос. музей истории Ленинграда).

Камера-обскура использовалась в балагане «Живая панорама площади». «За восемь гривен вас пускают в палатку и вы на стенах ее видите в малом виде все, что происходит снаружи».¹¹⁴ В «Механическом театре» куклы-автоматы, повальное увлечение которыми охватило Европу еще в конце XVIII в., танцевали в балете, разыгрывали комедию, участвовали в пантомиме с превращениями. «Куклы ездят верхом, прыгают на канате, превращаются из павы в карету, из кареты в старинную барыню».¹¹⁵ К середине XIX в. на площади появляются карусели в виде яликов, пароходов и паровозов, стрельбища в честь из механических ружей и пистолетов, ударные силомеры, «механические музеи» с автоматами и даже «американские круговые велосипеды».

В 1830-е годы на гуляньях формируется традиция откликаться на важнейшие события в жизни города и России. Открытие железной дороги Петербург—Царское Село (1837) и новых пароходных сообщений между столицей и крупнейшими портами Европы (1836—1839) было отмечено упомянутыми выше пантомимами и специальной каруселью. «Ни одно из художественных произведений, явившихся в области изящного на нашей памяти, — сообщила газета о картине К. П. Брюллова «Последний день Помпеи», — не имело такого быстрого, всеобщего, можно сказать, народного успеха».¹¹⁶ Полотно Брюллова было выставлено в Академии художеств в октябре 1834 г., но уже в апреле этого года (после показа картины в Париже) издается лубок «Последний день разрушения города Помпеи» (рис. 12); в мае Лекса демонстрирует копию с работы Брюллова в своей «космораме» на Адмиралтейской площади,¹¹⁷ а на масленице 1835 г. Леман поставил живую картину на этот сюжет. «Вы видите все группы подлинной картины, видите зарево и извержение Везувия, слышите ужасный грохот. Сделано все, что можно сделать в сквозном балагане: при пяти и шести градусах мороза фигуры, одетые легко, как под небом Неаполя, дрожат невольно».¹¹⁸

После разгрома турецкого флота в Синопской бухте (1853) знаменитое сражение можно было увидеть на гулянье 1854 г. в «панораме» Сергеева, балагане Легат,¹¹⁹ в райке (рис. 13).¹²⁰ Во время Крымской войны почти во всех балаганах давались патриотические военные пантомимы. Эти постановки отличались эффектным оформлением и состояли из массовых батальных сцен (с атаками крепостей, взрывами, сражениями), вставных дивертисментов и аллегорического победного апофеоза. «В продолжение Святой недели труппа г. Раппо давала пантомиму под названием „Слава России в 1854 году“, состоящую из четырех картин, — сообщила газета. — Пантомима не отличается содержанием, но обставлена очень прилично. *Турецкий паша* веселится на берегу Босфора с женами и многочисленной свитой, среди которой видны французские и английские мундиры; является труппа жонглеров и эквилибристов и дает представление. Следующая картина представляет бивак русских воинов, расположившихся в леску, на берегу Дуная; бьют тревогу и воины уходят навстречу неприятелю. В третьей картине видна турецкая крепость, перед которой паша делает смотр своему войску; является всадник, возвещающий о приближении рус-

ских, вслед за тем раздаются вдали выстрелы, а за выстрелами приходят русские. Загорается битва. Русские берут крепость, которая объята пламенем. Пантомима кончается общей картиной, представляющей торжество русских: турки повержены наземь, русские стоят над ними с поднятым оружием, над этой картиной парит двуглавый орел, а на облаках появляется Слава с лавровым венком в руке». ¹²¹ В соседнем балагане подобная «битва шла очень естественно. Сражавшиеся так увлеклись своим положением, что тузили друг друга не в шутку, и некоторые из них остались, к удовольствию зрителей, за занавесью». ¹²²

Веселье царило и посреди площади между балаганами, горами, вереницей качелей и каруселей, рядами торговцев, предлагавших орехи, сласти, сбитень, чай, квас, пироги, калачи, баранки, моченые груши, мороженое, воздушные шары. ¹²³ Это было место дешевых и даже бесплатных развлечений. «Там нашел себе простор замысловатый ум русского мужичка, там расточаются остроты природных водевилистов», ¹²⁴ — писала газета, имея в виду балаганных зазывал, раешников, петрушечников, разносчиков-торговцев.

Сведения о балаганных зазывалах крайне скудны. Не удалось обнаружить и записей их выкриков, кроме одной, уже вошедшей в научный оборот. «„Честные господа, пожалуйста сюда! — кричит расписанный паяц (кукольного балагана. — А. К.). — Здесь вы увидите вещи невиданные, услышите речи неслыханные, чудо чудное, диво дивное. Заморские комедии! Скорее, скорее, почти все места заняты“. Музыка прерывает слова паяца и разладицей наигрывает торопливый экосез». ¹²⁵ В обозрениях народных праздников паяцы — так всегда называли балконных комиков — только упоминаются. «В сем балагане забавен паяц, русский человек, одаренный необыкновенною природною остротою и прекомическою физиономиею. Появление его на балконе производит неумолкающий смех в толпе неплатящих зрителей». ¹²⁶ «В этом балагане достоин замечания паяц, солдат, родом, кажется, малороссиянин, самая комическая физиономия, забавник, остряк, импровизатор». ¹²⁷ Интересно, что выступление паяца иногда включалось и в программу представления. Так, в 1840-е годы содержатель балагана «отставной солдат Бомбов забавлял публику своими прибаутками в стихах и прозе», ¹²⁸ а также исполнял цыганские песни и танцы. Судя по изобразительному материалу и периодике, паяц появлялся на балконе балагана всегда в костюме персонажа итальянской арлекинады (чаще Пьеро) в сопровождении актеров и музыкантов. «На балкон одного балагана выскочил полишинель, паярец или лейман, как называют его мужички. Он весь в белом, сказано: мельник! На голове у него дурацкий, белый же, колпак. Рукава полотняной его куртки длиннейшие. Рожа набелена и нарумянена». ¹²⁹ Леман, Легат и Берг обходились без балконного балагура, а с 1860-х годов владельцы крупных театров вообще перестали использовать балкон для зазыва публики в балаган.

С середины XIX в. главной притягательной силой площади стала большая («теплая») карусель, которая, по наблюдению А. Г. Левинсона, как «действие-зрелище повторяла в миниатюре всю систему

гулянья».¹³⁰ «Вместо круглых качелей теперь строят великолепные павильоны, в которых устроены лодки или род колясочек. В самой середине, на основании и под крышею поставлен столб с железными наконечниками. Внизу, под помостом, вертят этот столб, а к нему прикреплены лодки или колясочки, которые и вертятся вокруг. Пока машина вертится, играет музыка, в иных павильонах поют песенники».¹³¹ «В одном из этих каруселей сделано важное нововведение, — отмечала газета, — в центре вертящихся лодок устроена неподвижная платформа в квадратный аршин пространством, на которой воздвигнута небольшая сцена с кулисами и занавесью». В карусели «мы увидели живую картину: какой-то рыцарь с крайне свирепым лицом и поднятою шпагою стоял над склонившейся пред ним чрезвычайно румяной дамой в фантастическом костюме; рыцарь и дама слегка покачивались, вероятно от усталости. Занавес опустился и когда, через несколько секунд, поднялся снова, мы опять увидели рыцаря и даму по-прежнему покачивавшихся, но уже в другом положении: рыцарь стоял, опершись на шпагу и глядел вверх, а дама, нежно опираясь на плечо рыцаря, глядела ему в глаза. Затем последовала пантомима. . . Публика стала требовать качучу, занавес поднялся и на сцене появилась очень толстая и крайне румяная испанка в тирольском костюме, с кастаньетами в руках».¹³²

Таким образом, в 1850-е годы в крытой карусели произошел синтез аттракциона и театрализованного зрелища, а на площади родилась новая развлекательная форма: публика, кружась в лодочках или вагончиках, наблюдала представление (пантомиму, живую картину, танец). Вместе с этой каруселью на гуляньях появился еще один балагур — «дед», наряженный в нарочито грубой работы костюм: залатанный армяк, ямщичья шляпа (иногда с бумажным цветком), онучи и лапти, накладная борода из пакли (льна). Карусели «украшаются снаружи очень пестро и при каждой из них, кроме шутника или дедушки, в сером армяке, с седой бородой, потешающего публику рассказами и прибаутками, есть несколько пар танцовщиков, обязанных с утра до ночи танцевать на эстраде, окружающей карусель, польку. Большая часть кавалеров одета так же, как и дедушка, а дамы в цветных бархатных и шелковых, украшенных позументами и, разумеется, значительно полинялых костюмах» (рис. 14).¹³³

Подобную карусель с «дедом» современники часто называли балаганом.¹³⁴ В 1871 г. В. И. Кельсиев записал от «выступавших в роли стариков» И. Евграфова и Г. Казанцева прибаутки балагуров Адмиралтейской площади.¹³⁵ Сюжеты этих прибауток («Жена», «Лотерея», «Часы» и др.) постоянно варьировались в выступлениях карусельных «дедов», а не балаганных зазывал, как считает В. Е. Гусев.¹³⁶ Нет и никаких свидетельств тому, что зазывалы петербургских балаганов рядились в костюм «деда».¹³⁷ Следует иметь в виду, что «знаменитый балаганный дед, краса и гордость масленичного гулянья»,¹³⁸ фигурирующий на страницах периодики и мемуаров, — это балагур карусели.

Владельцы праздничных балаганов уделяли особое внимание рекламе. С 1820-х годов издаются объявления и афиши (рис. 15)¹³⁹

гастролирующих трупп; в 1860-е годы появляются программы площадных театров.¹⁴⁰ На огромных щитах-вывесках (они появились в начале XIX в.), которые с разных сторон облепляли постройки, изображались персонажи постановок, батальные сцены, черти, мертвецы, экзотические звери и т. п. Небольшие балаганы всегда сочетали устную рекламу с живописной. «Закликало у меня нанят первый сорт, на всей площади не найдешь голосистее, — поучал «опытный» балаганщик своего компаньона, — ну и вывески сделаем такие, чтоб всякому в нос бросались».¹⁴¹ Эти вывески часто сопровождались пространными надписями. «Г. Шульман будет разбивать рукою камни от 1 до 6 фунтов, а г-жа Шульман станет подымать на волосах до 10 пудов и, кроме того, покажет опыты огнеедства».¹⁴² Выкрики зазывал и яркие вывески создавали праздничную атмосферу на площади, но далеко не всегда адекватно отражали рекламируемые зрелища и представления. И хотя зрители были порой в недоумении, когда видели совсем не то, что им обещали у входа в балаган, однако это «одурачивание» входило в правила игры и благодушно воспринималось публикой.

Гулянье на Адмиралтейской площади, как вспоминает П. П. Гнедич, «носило чисто демократический характер. „Чистой“ публики здесь почти не было. Фабричные, горничные, кухарки, мастеровые, мелкое купечество, приказчики — вот главный состав толпы. И то, что предлагалось ей, не выходило из уровня их понимания, и вполне их удовлетворяло. . . „Чистая“ публика каталась вокруг площади в открытых санях и в каретах».¹⁴³

В 1841 г. «Художественная газета», говоря об «эстетической стороне» петербургских увеселений, с иронией отмечала: «а вот и еще искусство — только наизнанку (балаган)».¹⁴⁴ Непонимание своеобразия природы площадного искусства было присуще не только представителям образованного общества, но и очеркистам-шестидесятникам.¹⁴⁵ Балаганное зрелище подобно лубку ориентировалось на активную игровую реакцию со стороны народной аудитории, подчинялось особым нормам морали и эстетики. «Аплодисментов я не помню, — свидетельствует А. В. Лейферт, — одобрение выражалось как-то иначе: смехом, напряженным вниманием и сочувственными возгласами».¹⁴⁶

До середины XIX в. владельцами балаганов являлись в основном иностранцы, приезжавшие со своими труппами: немцы, итальянцы, французы, англичане, голландцы, австрийцы, финны, шведы, американцы.¹⁴⁷ С 1860-х годов балаганы переходят в руки местных купцов и мещан. Качели, карусели и горы всегда устраивали крестьяне, мещане и купцы (последние содержали горы). В 1847 г. гражданский губернатор предложил думе ввести акциз со всех «находящихся в городе лиц, дающих представления и зрелища». Против этих сборов выступил обер-полицмейстер. Направляя думе в 1852 г. сведения о «шарманщиках, комедиантах, уличных музыкантах», обер-полицмейстер сообщал, что они «находятся в бедственном положении», и в заключение писал, что «стеснить бедный класс странствующих» артистов — «значит отнять последние даровые увеселения у бедного трудящегося класса жителей, навести на них уныние и направить их к другим, менее нравственным развлечениям».¹⁴⁸ Этот документ харак-

теризует образ жизни бродячих актеров, которые оставались в Петербурге после окончания гуляний, перебиваясь случайными заработками в увеселительных садах, трактирах и во дворах.¹⁴⁹ Среди устроителей зрелищ бытовала поговорка: «Попал раз на площадь — сделался балаганщиком, балаганщиком и умрешь», а сама Адмиралтейская площадь для этих людей «заклучала в себе что-то обаятельное, притягивающее».¹⁵⁰

В 1860-е годы в репертуаре балаганов появляются «разговорные пьесы» (постановки с небольшими диалогами) из русской жизни с исторической, военной и бытовой тематикой. Одним из инициаторов этого направления стал конкурент В. Берга купец В. М. Малафеев. В «Театре В. Малафеева» (так гласила вывеска на балагане) давались: «Ермак, покоритель Сибири», «Иван Сусанин», «Битва русских с кабардинцами» (рис. 16), «Купец Иголкин».¹⁵¹ Даже Берг сближает героя пантомимы с современностью, поставив арлекинаду «Всемирная выставка, или Возвращение Пьеро и Арлекина из Парижа»,¹⁵² и в свой традиционный репертуар вводит «комическую сцену» «Путешествие в ад купца Угорелова».¹⁵³

Гулянья на Адмиралтейской площади завершились печально: в ночь на 18 апреля 1872 г. сгорели театры Берга и Малафеева.¹⁵⁴

Однако не пожар послужил поводом для перевода гуляний на другое место: по высочайшему повелению устройство «балаганов, каруселей и проч.» в 1873 г. было перенесено на Царицын луг «в виду занятия Адмиралтейской площади под городской сквер».¹⁵⁵

Гулянья на Царицыном лугу (Марсовом поле), Преображенском и Семеновском пладах (1873—1899)

Расположение балаганов на Царицыном лугу в 1870-е годы часто менялось: они помещались против Павловских казарм, Летнего или Михайловского садов. С 1880-х годов городская управа стала отводить места под постройки вдоль Лебяжьего канала. Первую линию занимали площадные театры (4—5 построек стояли фасадами к каналу); во второй — находились 2—3 балагана, зверинцы, цирки, панорамы, между которыми теснились десятки качелей, каруселей и стрельбищ,¹⁵⁶ райки, ширмы с Петрушкой, торговые постройки. На последней линии (у казарм) воздвигались две катальные горы; здесь же располагались полицейский пикет и пожарное депо, соорудившиеся за счет содержателей балаганов.¹⁵⁷

В 1884 г. ввели новые правила о размерах балаганов «для зрелищ». Длина постройки была ограничена до 25 сажен, ширина (между внутренними стенами) — до 8 сажен; расстояние между балаганами — не менее 10 сажен.¹⁵⁸ Позже, в 1889 г., управа установила и предельную высоту балаганов — 7 сажен.¹⁵⁹ Арендная плата за место под балаган, занимающий площадь в 250 кв. сажен, составляла в 1890-е годы сумму порядка 3 тыс. руб., а ежегодный доход города с гуляний достигал 24—32 тыс. руб.¹⁶⁰ Большие площадные театры вмещали 1000—1100 зрителей и давали в день 8—10 представлений. Строительство

такого балагана, в котором участвовало до 200 плотников, обходилось в 6—7 тыс. руб., а общая сумма расходов (аренда места, плата за простой, жалование труппе из 250—300 человек, оформление постановок, реклама и т. п.) за неделю праздника составляла 25—27 тыс., в то время как сбор за этот период не превышал 30 тыс. руб.¹⁶¹

Гулянье, как и прежде, начиналось в полдень¹⁶² и продолжалось до 8 часов вечера.

«На Марсово поле шел народ, привлекаемый пестротой и яркостью всей обстановки, создававшейся на это время на громадной площади, оглушительным хаосом разнообразных звуков, бесчисленностью всяких развлечений, увеселений и забав и, наконец, исключительным, повышенным темпом всех впечатлений и действий, — вспоминает очевидец гуляний. — Всякий, кто попадал на Марсово поле в эти дни, чувствовал себя в совершенно иных, непривычных условиях, приобщался к общему веселью и испытывал самое удовлетворенное благодушное настроение».¹⁶³

Антрепренеры балаганов на Царицыном лугу соперничали теперь не только между собой, но и с новым конкурентом — общедоступными садами, которые со второй половины XIX в. становятся основным местом проведения досуга небогатого жителя столицы. В начале 1870-х годов, как сообщает В. О. Михневич, семь подобных заведений предлагали разнообразные «развлечения неразборчивой публике невысоких слоев», а в «Крестовском саду» и на катках появились постоянные катальные горы.¹⁶⁴ Зрелища и развлечения в садах с их ориентацией на широкий состав публики и создание праздничной атмосферы были родственны площадным, а их устроители использовали огромный опыт народных гуляний. Вместе с тем в деятельности некоторых арендаторов садов и содержателей балаганов (ими часто являлись одни и те же лица) проявляется тенденция трансформировать профессиональное искусство в массовую культуру, а общий характер репертуара площадных и садовых театров эволюционирует в направлении усиления просветительного начала.

В 1870-е годы главными претендентами на первенство среди балаганов оставались «Народный театр В. Малафеева» и «Пантомимный театр В. Берга».

У Малафеева давались «драматические представления»: «Илья Богатырь», «Блокада крепости Кострома, или Русские в 1608 году», «Царские потешные, или Кожуховский поход», «Красное солнышко, или Падение язычества на Руси»¹⁶⁵ и другие патриотические постановки с хоровыми и танцевальными номерами. Эти инсценировки носили батальный характер, основной упор делался на их оформлении, особенно в костюмах и вооружении, для чего Малафеев содержал буфаторскую оружейную мастерскую. Не пренебрегал Малафеев и феерией с эффектными декорациями и балетом, а также цирковой программой.

Берг, который в эти годы содержал также варьете в Коломне и театр в «Крестовском саду»,¹⁶⁶ обязательно сопровождал традиционную пантомиму «комической народной сценой» с эстрадным дивертисментом. При этом он использовал прежний запас постановочных

эффектов, сохраняя и пополняя их. На гулянье 1874 г. в балагане Берга шли одновременно народная сцена «Чужим добром не наживешься» и арлекиада «Венская выставка, или Арлекин под судом». И хотя эта пантомима являлась как бы откликом на выставку 1873 г., в ней зрители снова видели знакомые и любимые сцены. Газета отмечала, что в пантомиме «происходят ужасные вещи: Пьеро берет шпагу и разрубает Арлекина на маленькие куски», потом они «срастаются и он оживает».¹⁶⁷ Многие постановки в театре Берга, например «Волшебная мельница, где превращают старух в молодых»,¹⁶⁸ по воспоминаниям режиссера этого балагана, «представляют собою цепь слабо мотивированных, но быстро чередующихся превращений актеров в актрис и предметов в людей — и наоборот. Это уже была не пьеса, а скорее своего рода иллюзионный аттракцион с применением так называемого „черного кабинета“, т. е. иллюзионно-трансформационных эффектов, возможных только на сплошном черном бархатном фоне и с помощью невидимых ассистентов, одетых в черные бархатные „робы“ с капюшонами и масками».¹⁶⁹

В балагане «Театр пантомим Легат» выступал большой хор нижегородских цыган и давалась «балетно-комическая и фантастическая» пантомима «Кошей Бессмертный и Баба-яга, или Торжество весельчака Арлекина» с «танцами, превращениями, провалами, электрическим и бенгальским освещением»; все завершалось апофеозом «по картине, писанной и назначенной для Парижской выставки 1878 года».¹⁷⁰

Купец В. Н. Егарев, основатель «Русского семейного сада», привез в 1875 г. английскую труппу братьев Ганлон-Ли, состоящую из пантомимных актеров, клоунов и гимнастов. На Царицыном лугу в «Театре английских пантомим В. Н. Егарева» Ганлон-Ли ставили пантомимы («Страшный Пьеро», «Проказы Арлекина, или Похождение двух Пьеро на суше и море» и др.) и давали цирковой дивертисмент с участием хора певцов под управлением Ивана Молчанова.¹⁷¹

Для балаганных постановок, развивающихся в направлении театра феерий, часто использовали сюжеты, заимствованные из оперных и балетных либретто («Руслан и Людмила», «Дон Кихот»). В программу балаганов входят не только народные сцены, но и комические диалоги и куплеты на злобу дня,¹⁷² а с 1880-х годов концертное отделение сделалось привычной частью репертуара площадных театров. Народные гулянья стали источником выдвижения исполнительских сил для садовой эстрады и цирка. Такой путь проделали, например, хор военных песельников И. Молчанова, владимирские рожечники, гармонист П. Невский, исполнитель фабричных частушек П. Ф. Жуков; на сцене балагана Малафеева состоялся бенефис клоуна А. Дурова.

В феврале 1880 г. дума поддержала предложение обер-полицмейстера об устройстве в Петербурге «общедоступных театров» для «поднятия нравственного уровня низших слоев населения».¹⁷³ Репертуар площадных театров стал предметом особого внимания и давления со стороны прессы. «Общий характер балаганных представлений с каждым годом мало-помалу изменяет свой характер, — сообщал «Петербургский листок» 23 февраля 1880 г., — арлекиада, долгое время царившая для народных развлечений, теперь уступила

место „разговорным“ пьесам сказочного, исторического и даже веде-вильно-обличительного характера». Другая газета, возмущенная тем, что «публика толкается» на гулянье «единственно ради развлечения», требовала: «От балаганов пора бы потребовать и пользы». ¹⁷⁴ Заво-довладельцы и фабриканты в целях воспитания трудящихся масс создают в 1885 г. Невское общество народных развлечений ¹⁷⁵ в селе Александровском, а в 1886 г. открывают на Смоленском поле Васильев-ского острова постоянный «народный театр» и летнюю сцену в Петров-ском парке. ¹⁷⁶ Празднование масленицы происходит теперь одновре-менно в разных частях города: на Царицыном лугу, в селе Александровском и Михайловском манеже. ¹⁷⁷

«И во всем уже повеяло духом педагогики, попечительства о нрав-ственности, — пишет о 1880-х годах А. Н. Бенуа, — желанием заме-нить примитивное искреннее народное веселье чем-то, что претендовало на большую „культурность“ и изысканность». ¹⁷⁸

С предложением об открытии в городе народного театра выступили в 1870-е годы и содержатели балаганов В. Малафеев и А. Федотов, но их начинания не встретили поддержки у властей. ¹⁷⁹ В 1878 г. А. Я. Алексеев-Яковлев, работавший в эти годы режиссером в извест-нейших увеселительных садах «Ливадия» и «Аркадия», построил на Царицыном лугу небольшой балаган под названием «Развлечение и польза». Им руководило «желание реорганизовать балаганные пред-ставления постановкой таких пьес и зрелищ, которые служили бы не только для бессмысленной потехи, но посылно, хотя бы в малой степени, служили и делу просвещения „простого народа“». ¹⁸⁰ В 1880 г. этот балаган перешел во владение купца А. П. Лейферта, у которого А. Я. Алексеев-Яковлев проработал режиссером около двадцати лет. Новый театр «ставил себе целью доставлять публике развлечение и пользу, полагая, что достигнуть всего этого можно постановкой сцен или соответствующих переделок из произведений наших лучших писателей, постановкой исторических пьес, сюжетом для которых слу-жили бы известные всякому русскому знаменательные эпохи и собы-тия». ¹⁸¹ Через два года балаган «Развлечение и польза» (рис. 18, 19) занял ведущее место среди площадных театров, оказав заметное воздействие на их репертуар. ¹⁸² Помимо инсценировок русских клас-сиков, народных сказок и исторических пьес, А. Я. Алексеев-Яковлев ставил в театре живые картины по полотнам художников В. И. Сури-кова («Переход Суворова через Альпы в 1799 году»), А. Д. Кившенко («Военный совет в Филях в 1812 году») ¹⁸³ и других живописцев, а также феерии-арлекинады. ¹⁸⁴ В концертную программу театра включались выступления духового оркестра, цыганского хора Григория Соколова, гармонистов, гуслейров.

По признанию А. Я. Алексеева-Яковлева, его попытка всдрить в репертуар дидактические постановки и пьесы с монологами и длин-ными диалогами не увенчалась успехом: зритель неохотно шел на подобные представления. Анализируя свою неудачу, режиссер сформу-лировал требования публики к площадному театральному зрелищу: «Оно должно было быть кратким, концентрированным, радостным, таким же пестрым и ярким, как само гулянье, кипевшее вокруг и

поминутно напоминавшее о себе».¹⁸⁵ Опытные режиссеры ставили «разговорные» пьесы с «ослабленным» сюжетом, уделяя главное внимание сценографии, совершенствуя традиционные приемы «превращений» и «перемен». «Не отказываясь от текста, преимущественно стихотворного, — вспоминает А. Я. Алексеев-Яковлев, — я стал давать его в небольших дозах, так, чтобы актеру приходилось выявлять сюжет преимущественно действием. Я оценил значение красивой, нарядной декорации, понял цену смены темпов, ритмов и красок и пошел по пути яркого праздничного представления».¹⁸⁶ Постановки А. Я. Алексеева-Яковлева «были событиями сезона, он ввел много разных сценических эффектов и был выдающимся мастером в области зрелищ: феерий, шествий, живых картин и апофеозов».¹⁸⁷ Декорации, реквизит и костюмы в театре «Развлечение и польза» постоянно обновлялись, пополняя прокатный склад и магазин братьев Лейферт,¹⁸⁸ которыми пользовались даже в XX в. театры и артистические кабаре («Передвижной театр» П. П. Гайдебурова, «Бродячая собака»).

Театры Малафеева и Лейферта, ориентируясь на вкусы основного посетителя, не теряли былой популярности. «Балаганы на Царицыном лугу! — вспоминает В. А. Оболенский. — Сколько в них было непосредственно народного творчества! Лучшими считались балаганы Малафеева и Лейферта. Нелепые, примитивные пьесы, непременно с выстрелами, сражениями, убитыми и ранеными, примитивные актеры с лубочно намалеванными лицами и неуклюжими движениями. Но что-то увлекало в этих сумбурных зрелищах. Не говоря уже о простонародье, которое валом валяло в балаганы, где зрители с увлечением участвовали в игре бурным смехом или возгласами поощрения и негодования, но и так называемая „чистая публика“ охотно их посещала. Очевидно, в этом народном лубке было нечто от подлинного искусства. . . Балаганы были, может быть, единственным местом старого Петербурга, где в одной общей толпе смешивались люди всех кругов и состояний».¹⁸⁹

На Марсовом поле ведущие площадные театры превратились в зрелищно-развлекательные предприятия с многожанровой программой, близкой к репертуару тех садовых театров, которые предназначались для простонародья.

В небольших балаганах второй линии давались военно-исторические постановки, шли народные сцены и сказки, водевили и фарсы, «разбойничьи» и бытовые пантомимы, феерии-арлекинады, показывали «туманные» и «живые» картины, выступали кукольники, фокусники, певцы, танцоры, музыканты. Эти маленькие балаганы были своего рода народными театрами миниатюр с разнообразной дивертисментной программой из эстрадных и цирковых номеров. «Мы предпочитали посещать маленькие театрики, где было посвободнее и иногда даже оригинальнее, — писал редактор «Ежегодника имп. театров». — Подчас в этих театрах встречалось больше талантов, чем в больших. Начиная с внешности балагана, кончая его незатейливой внутренней обстановкой, все должно было содействовать слиянию актера со зрителями. И были же там актеры!».¹⁹⁰ На Царицыном лугу к услугам балконных зазывал прибегали только балаганы второй линии. «Пьеро неестествен-

ной толшины бьет в турецкий барабан и осипшим голосом зазывает публику. Рядом с ним девица в костюме акробатки дудит в тромбон». ¹⁹¹ Появляются и театры-цирки, на балконах которых давались клоунские представления. Десятки мелких балаганов предлагали широкий выбор «лубочных» зрелищ, «зазывая к себе зрителей обещаниями показать чудовищные, необъяснимые явления природы: теленка о 5 ногах; американку-геркулеску — огнеедцу; жену и мужа — великаншу и карлика; девицу Марию, самую толстую и колоссальную, показываемую первый раз в России; феномена, без вреда для здоровья глотающего горящую паклю; факира, безболезненно протыкающего себя саблей во все части тела, и т. п.». ¹⁹² Широкое распространение получили обманные, или шуточные, балаганы. Привлеченная броской вывеской «Панорама всего Петербурга» публика набивалась в палатку, после чего «предприниматель открывал заднюю стену балагана и приглашал полюбоваться на открывшийся вид Марсова поля, Мраморный дворец, Петропавловскую крепость». ¹⁹³

В 1887 г. огромный успех имела движущаяся панорама «Наша Родина», состоящая из 80 полотен, на которых по специально заказанным фотографиям были изображены виды городов и уголков России. Демонстрация сопровождалась чтением со сцены описаний местностей, проходивших перед глазами зрителей. ¹⁹⁴ Большой популярностью пользовалась и живописная панорама, которая «несколько лет подряд наглядно знакомила общество и народ с картиной севастопольского боя, сменившегося не менее эффектным зрелищем взятия Кавказа». ¹⁹⁵

В толпе ожидающих начала представления устраивались владельцы «потешных панорам», внося заметное оживление своими выкриками, соперничая с остроловыми в импровизации. Раек использовался антрепренерами для рекламы балаганных постановок; ¹⁹⁶ появлялся панорамщик и на сцене площадного театра как персонаж представления. ¹⁹⁷

Н. В. Дризен так описывает владельца райка на Марсовом поле: «Еще забавлял раешник. Примостившись в дощатой будке, он собирал пятаки какими-то необыкновенными картинами. Чего только у него здесь не было: и „Извержение итальянской горы Везувия“, и „Пир Валтасаров“, ¹⁹⁸ и модный в то время сюжет „Знаменитый разбойник Чуркин, он же скопинский банкир Рыков“. Однако картины представляли наименьший интерес у раешника. Интересен он был сам, неистощимый на всякие прибаутки, с такой удивительной рифмой, которой свободно позавидовал бы любой из наших футуристов». ¹⁹⁹

Но более всего публику привлекали выступления карусельного краснбая. «Водрузившись на перила огромнейшей карусели, в шапке с бубенцами и огромнейшей бородой из пакли, дед (обыкновенно из солдатиков-балагуров) исполнял обязанности conferenciers, т. е. импровизировал беседу. И горе тому, кто попадал ему на зубок! Старик буквально забрасает его шутками, иногда очень меткими и злыми, почти всегда нецензурными. Большей частью такими жертвами бывали: какой-нибудь провинциальный ротозей, впервые попавший в столицу, либо бойкая горничная, отпущенная господами со двора „погулять на балаганах“». ²⁰⁰

На Царицыном лугу по сравнению с Адмиралтейской площадью число балаганных театров сократилось почти вдвое. Здесь проявляется тенденция к увеличению (и совершенствованию) аттракционов и мелких развлекательных форм и к постепенному вытеснению театральных представлений.

Синтез аттракциона и театрализованного зрелища получил свое завершение в «Большом самокате» — карусели, приводимой в движение паровой машиной (рис. 21). Самокат (а их возводилось до пяти) представлял собой двухэтажную крытую постройку, с внешней и внутренней галереями, с «лубочным» экстерьером (живописные клейма, деревянная рисованная скульптура, пестрые занавеси и драпировки). «Наружные стены карусели, — вспоминает А. Н. Бенуа, — были убраны яркими картинами, среди которых виднелись изображения разных „красавиц“ попеременно с пейзажами, с комическими сценами, с „портретами“ знаменитых генералов».²⁰¹ В 1890-е годы на гуляньях появляется карусель в виде парусных лодок, которые, кружась, покачивались, как на волне; летние катальные горы превращаются во внушительное сооружение, получившее «экзотическое» название «Американских гор» (рис. 22); перекидные качели обретают очертания паркового «Колеса обозрения».

«Чудеса забытой арлекинады» — под таким названием прошла в последний раз пантомима-арлекинада на масленичном гулянье 1895 г. в Театре «Развлечение и польза».²⁰² «Любимец Арлекин старел, дряхлел и, наконец, отошел в вечность, — писал драматург Б. И. Бентовин в 1900 г. — Балаганные промышленники Марсова поля двинулись „в ногу со временем“ и начали ставить или мелодраматическую ерунду, или высокопатриотические пьесы. Арлекин был отброшен в гнилые сарайчики-балаганы „второго ряда“. Но и с этих задворков его изгнали телушки о шести ногах и глотатели пылающей пакли. Потом пошла мода на „принципы“. Принципы эти касались вопросов народного развлечения и поучения».²⁰³

Из-за высочайшего смотра войск на Марсовом поле в 1897 г. гулянье на пасхальной неделе перенесли на Преображенский плац.²⁰⁴ Владельцы больших балаганов отказались принимать участие в этом празднике, поскольку возводить после масленицы второй раз постройки было невыгодно.

В январе 1898 г. «воспоследовало высочайшее соизволение» на перенесение народных гуляний с Царицына луга на Преображенский и Семеновский плацы.²⁰⁵ Далекий от центра, грязный и неудобный, с мрачной репутацией, Семеновский плац оказался малоподходящим местом для увеселений, и масленая неделя 1898 г. принесла убытки устроителям балаганов. Высокая арендная плата и резко изменившаяся обстановка на традиционных гуляньях вынудили содержателей театров Лейферта, Малафеева и других окончательно устраниваться от участия в народных праздниках после пасхальной недели 1898 г.²⁰⁶

Масленица 1899 г. была устроена Обществом дешевых столовых и чайных.²⁰⁷ На Семеновском плацу «уныло торчал один балаганчик», но не было катальных гор и каруселей с «дедом».²⁰⁸ А пасхальные гулянья в том году проходили «по старому шаблону» уже на Преобра-

женском плацу, где были воздвигнуты «три балагана, несколько каруселей и силомеров». В одном из этих балаганов под названием «Электрический мир» впервые демонстрировался кинематограф. «Изобретение Люмбера стало достоянием улицы, — сообщала газета. — Невзыскательные посетители „Электрического мира“ были в большом восторге от кашляющего, чихающего и шипящего аппарата, живой фотографии»²⁰⁹.

Вместе с тем газеты продолжали нападки на балаганы, обвиняя их в «пошлости» и в «оскорблении общественной нравственности»: «Что было возможно и интересно в свое время, то стало уже нетерпимым в наши дни»²¹⁰.

1899 год оказался последним в истории петербургских народных гуляний «на балаганах», организация которых с 1900 г. перешла к попечительству о народной трезвости, захватившему в свои руки все разновидности народных увеселений.²¹¹

«Конец XIX столетия, — писал В. Н. Всеволодский-Гернгросс, — характеризуется быстрым и почти повсеместным умиранием чисто низового театра и созданием театра „псевдонародного“. Здесь шло „приспособление“ господствующих приемов исполнения, вещественного оформления и драматической литературы к вкусам городских низов»²¹². На смену балаганным представлениям, где «главную роль играет впечатление», говорилось в статье «Агония балагана», пришел «общедоступный театр» с репертуаром, «дающим некоторый толчок работе мысли»²¹³.

Для многих современников праздники «на балаганах» остались ярчайшим театральным переживанием детства. «Стоит мне вызвать в памяти то „чувство экстаза“, в котором я тогда очутился, — вспоминает А. Н. Бенуа в предисловии к книге А. В. Лейферта о своем первом посещении балаганного театра, — как я уже весь исполняюсь безусловной верой в *абсолют театра*, в его благодать, в его глубокий человеческий смысл»²¹⁴.

В начале XX в. зарождается тенденция к демократизации эстетического кругозора и происходит резкое расширение самого понятия «искусство». «Ярмарка, балаган, — пишет Ю. М. Лотман, — становясь предметом не только научного внимания, но и художественного переживания, вызывали сдвиги в мире эстетических норм и меняли социальную ориентацию культуры. Происходила демократизация вкусов и норм»²¹⁵. Площадные праздники как коллективные явления массового искусства входят в круг художественных ценностей. Уже в 1910-е годы в периодике появляется ряд воспоминаний о «широкой масленице»²¹⁶, а историки искусства Н. Н. Врангель и Л. И. Жевержеев выступили с проектом возобновления былых увеселений.

Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины в 1914 г. «решило восстановить все то, что создано народным творчеством в театральной области» и с «этой целью задумало возродить старинные народные гуляния». Организация всего дела была поручена Н. Н. Врангелю, Ю. Э. Озаровскому и С. Ю. Судейкину. «Предполагается выстроить на Марсовом поле ряд домиков, павильонов и шатров, в которых будут устроены разные развлечения: куколь-

ный театр, петрушка (рис. 20), раешник, феерии, цирковые представления, пантомимы, панорамы, включая и кинематограф, — сообщала газета. — Марсово поле будет превращено в маленький городок с улицами, идущими по разным направлениям. По этим улицам будут проходить исторические процессии в национальных костюмах. По вечерам же они будут иллюминированы».²¹⁷ Осуществлению этой затеи помешала война.

В марте—апреле 1922 г. общество «Старый Петербург» организовало «серию вечеров, посвященных воспоминаниям о бывших петербургских балаганах», на которых «в виде иллюстрации была поставлена инсценировка при участии целого ряда уцелевших балаганных номеров».²¹⁸ С сообщениями о разных периодах гуляний выступали А. Ф. Кони²¹⁹ (1840—1850-е годы), П. П. Гнедич (1860—1870-е годы) и А. В. Лейферт (1880—1890-е годы).²²⁰ А на одном из собраний в Театральном музее дал представление бывший «дед» Марсова поля С. И. Тимофеев.²²¹ При обществе «Старый Петербург» работала комиссия по реконструкции народных гуляний и развлечений (председатель — А. В. Лейферт, члены — А. Н. Бенуа, С. Н. Жарновский, И. А. Фомин), которой был «теоретически подготовлен и разработан весь необходимый материал по организации народных гуляний»,²²² «установлена программа развлечений» и форма, «которую они должны принять в настоящее время».²²³ Общество «Старый Петербург» в 1923 г. арендовало на три года для проведения гуляний большой манеж бывшего Николаевского кавалерийского училища на Лермонтовском проспекте.²²⁴ В декабре 1923 г. в манеже было устроено гулянье «по программе, хотя и забытой, но далеко не изжитой», на котором выступали «деды», раешники, петрушечники, паяцы, акробаты, фокусники, клоуны, гармоники, гусяры, рожечники, а в балагане, сооруженном в манеже, шла постановка Экспериментального театра «Обряд русской народной свадьбы» (по этнографическим материалам северных губерний, отобранным В. Н. Всеволодским).²²⁵ Специально для этого праздника общество купило у С. И. Тимофеева «две карусели по шестнадцать деревянных лошадок и по четыре коляски в каждой», а также «одну перекидную качель с восьмью люльками».²²⁶ Однако на этом и завершилась деятельность общества «Старый Петербург» по использованию традиционных форм народных праздников применительно к новым общественным условиям.

Гулянья «на балаганах» сыграли заметную роль в русской культуре XX в. Многие деятели литературы и искусства в поисках пути к новому художественному слову не раз обращались к этому яркому явлению народного творчества.

¹ Левинсон А. Новый этап в изучении городских гуляний // Декоративное искусство СССР. 1986. № 1. С. 42.

² См.: Понырко Н. В. Масленичный смех // Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

³ См.: Левинсон А. Неклассическая красота карусели // Декоративное искусство СССР. 1980. № 9; Конечный А. М. Общественные развлечения и городские зрелища в Царском Селе (XVIII—начало XX в.) // ЭПЛ. Л., 1988. Вып. 2.

⁴ Иванов Е. Карусели и прочие монстры. [М], 1928. С. 4.

⁵ Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: конец XVIII—начало XX века. Л., 1988. С. 6.

⁶ Русские народные гулянья по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева в записи и обработке Евг. Кузнецова. М.; Л., 1948.

⁷ *Лейферт А. В.* Балаганы. Пг., 1922 (далее: Балаганы); *Алексеев-Яковлев А. Я.* Воспоминания : 1920-е гг. (ОРИРК ГПБ, ф. 1130, арх. Е. П. Гершуни, ед. хр. 317; далее: Воспоминания).

⁸ Подобные объявления хранятся в архиве П. Н. Петрова (ОРИРК ГПБ, ф. 575, ед. хр. 391 и др.). См. также: *Иноземцев Ив.* Общество эквилибристов: Картинки из истории развлечений XVIII века // Исторический вестник. 1901. № 4.

⁹ См., например, описания масленичных гор на льду Невы в мемуарах Хавена, Кокса, Йенне, приводимые в статье Ю. Н. Беспярых и Н. Л. Сухачева «Петербургский быт в России XVIII века» настоящего сборника.

¹⁰ Обзор иконографии по петербургским праздникам «на балаганах» см.: *Конечный А. М.* Петербургские народные гулянья и развлечения : Конец XVIII—начало XX в. (Обзор выставки) // СЭ. 1985. № 6.

¹¹ См.: Народный Петербург конца XVIII и начала XIX веков в изображении живописцев и гравиров // Историческая панорама Санкт-Петербурга и его окрестностей. М., б. г. Ч. 10.

¹² К этому периоду относятся работы художников: Д.-А. Аткинсона, К. Бегрова, М. Воробьева, С. Галактионова, К. Гампельна, Х.-Г. Гейслера, М.-Ф. Дамам-Демартре, Д. Кваренги, К. Кнаппе, К. Кольмана, А. Мартынова, Й.-Е. Маркуса, Нютгеля, П. Свинына, Н. Серракаприола, Д. Скелтона, Г. Скородумова, А.-Г. Убигана, Д. Ходовецкого и других (неустановленных) авторов.

¹³ *Семенова А. Н.* Общественные развлечения в Петербурге в первой половине XVIII в. // СП, с. 149—150.

¹⁴ См. ее описание в мемуарах Хавена (статья Ю. Н. Беспярых и Н. Л. Сухачева в настоящем сборнике). О существовании катальных сооружений на Неве в 1730-е годы свидетельствует и анонимная заметка «Горы»: «Будущая императрица российская Елизавета Петровна очень любила кататься с ледяных гор, которые устраивались на масленице на Неве» (Петербургская газета. 1889. 21 февраля).

¹⁵ О народных гуляньях во второй половине XVIII—начале XIX в. см.: *Георги И.-Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. Ч. 2. С. 654—656; Исторические труды Александра Томилина. СПб., 1854. С. 62—63; *Карнович Е. П.* Исторические рассказы и бытовые очерки. СПб., 1884. С. 434—496; *Пыляев М. И.* Старый Петербург : Рассказы из былой жизни столицы. СПб., 1887. С. 418—420; *Ровинский Д.* Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 4. С. 212; Празднование масленицы в старину // Ведомости С.-Петербургского градоначальства и столичной полиции. 1899. 23 февр.

¹⁶ Масленица // *Свинын П.* Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей. СПб., 1816. С. 76 (далее: *Свинын П.* Масленица).

¹⁷ *Георги И.-Г.* Описание. . . С. 654. В начале 1820-х годов на Неве против Сената находились горы купца Подозникова высотой около 26 м. (Петербургская газета. 1889. 21 февр.).

¹⁸ *Пыляев М. И.* Старое житье. СПб., 1892. С. 133.

¹⁹ *Свинын П.* Масленица. С. 78.

²⁰ Качели // *Свинын П.* Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей. СПб., 1817. С. 124 (далее: *Свинын П.* Качели).

²¹ *Свинын П.* Качели. С. 124.

²² *Георги И.-Г.* Описание. . . С. 655—656; см. также: *Свинын П.* Масленица. С. 80.

²³ *Георги И.-Г.* Описание. . . С. 654.

²⁴ *Высоцкий И. П.* С.-Петербургская столичная полиция и градоначальство. СПб., 1903. С. 59; *Георги И.-Г.* Описание. . . С. 655.

²⁵ *Жуковский Э. А.* Сбор с публичных зрелищ и увеселений // Русская старина. 1893. № 2. С. 481, 483.

²⁶ Об этом писали: *Пыляев М. И.* Старое житье. С. 135; *Гуревич Л. Я.* История русского театрального быта. М.; Л., 1939. Т. 1. С. 240—241; Русские народные гулянья. С. 7.

²⁷ *Высоцкий И. П.* С.-Петербургская. . . полиция. . . С. 77.

²⁸ *Карнович Е. П.* Исторические рассказы. . . С. 455—456.

²⁹ См. статью Ю. Н. Беспярых и Н. Л. Сухачева в настоящем сборнике, примеч. 38.

³⁰ О гуляньях на Исаакиевской и Петровской площадях, а также на льду Невы (масленица 1816 г.) см.: Северная почта. 1814. 15 апр.; 1815. 28 апр.; 1816. 23 февр., 19 апр.

- ³¹ См. изображение балкона с зазывалами на гравюре Х.-Г. Гейслера «Качели», изданной в 1801 г.
- ³² См.: Некрылова А. Ф. Народная ярмарочная реклама // Театральное пространство: Материалы научной конференции (1978). М., 1979. С. 340—342.
- ³³ Свинын П. Качели. С. 126—128.
- ³⁴ Репертуар русского и пантеон иностранных театров. [СПб.], 1843. Т. I. Кн. 3. С. 230.
- ³⁵ Гулянье под качелями // Отечественные записки. 1821. Ч. 6. № 13. Май. С. 238.
- ³⁶ Масленица // Северная пчела. 1825. 7 февр. (далее: СПч.).
- ³⁷ Ф. Б. Нравы. Качели // СПч. 1825. 2 апр.
- ³⁸ СПч. 1826. 27 апр.
- ³⁹ Ф. Б. Наблюдения под качелями // СПч. 1826. 29 апр.
- ⁴⁰ О гулянье как важной новости сообщается и провинциальному читателю. «Начнем по порядку — с гулянья под качелями, — пишет анонимный автор в эпистолярной подборке «Портрет в альбом». — Представь себе несколько тысяч экипажей, один лучше другого, которые в трех бесконечных рядах кружатся около Большого театра ... кривляные паясов и балаганная музыка отнимают много удовольствия» (Библиотека для чтения. 1823. Кн. XI. С. 42).
- ⁴¹ Только масленица 1861 г. была перенесена на Царицын луг (ЛГИА, ф. 921, оп. 41, д. 9, л. 8); впервые народные гулянья на Адмиралтейском лугу прошли в 1774 г. (Петров П. Н. История Санкт-Петербурга. СПб., 1885. С. 796).
- ⁴² ПСЗ. Собрание II. Т. X. № 8577.
- ⁴³ ЛГИА, ф. 514, оп. 1, д. 540, 2106, 2111.
- ⁴⁴ См. документы о постройке балаганов и каруселей на Адмиралтейской площади в 1844—1865 гг. (ЛГИА, ф. 921, оп. 5—8, 24, 25, 28—31, 33—38, 40, 41, 44, 45, 66).
- ⁴⁵ ПСЗ. Собрание II. Т. XLII. № 45114; ЛГИА, ф. 792, оп. 1, д. 1028, л. 31.
- ⁴⁶ ПСЗ. Собрание II. Т. XX. № 19283. За проступки актеров несли ответственность и владельцы балаганов. Когда актер Мушинский допустил во время представления выпад в адрес «Петербургского листка», то дело пытались возбудить против содержателя площадного театра В. Берга (ЛГИА, ф. 487, оп. 1, д. 1184).
- ⁴⁷ ПСЗ. Собрание II. Т. XLI. № 44065.
- ⁴⁸ См. чертежи расположения построек на Адмиралтейской площади в 1847—1854 гг. (ЛГИА, ф. 921, оп. 66, д. 2; оп. 8, д. 9; оп. 34, д. 6).
- ⁴⁹ ЛГИА, ф. 921, оп. 66, д. 2, л. 17—17 об., 20—20 об. Здесь же говорится о том, что длина построек доходила до 32 сажень, а в 1847 г. был освидетельствован балаган братьев Легат длиной 42 сажени.
- ⁵⁰ В 1865 г. во дворе Адмиралтейства установили пушку, которая производила полуденный выстрел по сигналу точного времени из Пулковской обсерватории.
- ⁵¹ Качели на Святой неделе // Отечественные записки. 1827. Ч. 30. № 85. Май. С. 324—326.
- ⁵² Нумерация балаганов, согласно чертежу расположения построек, начиналась от Дворцовой площади.
- ⁵³ ЛГИА, ф. 792, оп. 1, д. 1339, л. 87 об.; д. 2269, л. 4.
- ⁵⁴ СПч. 1826. 20 апр.
- ⁵⁵ Ф. Б. Народные увеселения на Святой неделе // СПч. 1827. 9 апр.
- ⁵⁶ Смесь // СПч. 1830. 8 апр.
- ⁵⁷ СПч. 1831. 17 февраля. Имя Лемана стало легендарным. Даже много лет спустя, в 1860-е годы, народ называл паяцев Адмиралтейской площади «лейманами» (Генслер И. Масленица, народное гулянье у угор в Петербурге // Воскресный досуг. 1863. Т. I. № 3. С. 34).
- ⁵⁸ В. В. В. Масленица 1834 года в Петербурге // СПч. 1834. 4 апр.
- ⁵⁹ Импрессионист. Возрождение Арлекина // Новости и Биржевая газета. 1900. 19 февр.
- ⁶⁰ См.: СПч. 1833. 6 апр.
- ⁶¹ СПч. 1831. 17 февр.
- ⁶² Масленичные балаганы // СПч. 1834. 28 февр.
- ⁶³ О пожаре балагана Лемана см.: СПч. 1836. 4 февр., 4, 5 и 6 марта; Чаплин Д. Второе февраля 1836 года в Петербурге: Рассказ очевидца // Русский архив. 1877. Кн. 3. С. 219—228.
- ⁶⁴ Нынешние балаганы // СПч. 1836. 2 апр.
- ⁶⁵ ЛГИА, ф. 792, оп. 1, д. 2269, л. 4 об.

- ⁶⁶ В. С. Еще о балаганах // СПч. 1835. 13 апреля. В арлекинаде с превращениями всегда сохранялся традиционный треугольник Арлекин—Коломбина—Пьеро (см. также: Ф. Б. Балаганы // СПч. 1851. 13 апр.).
- ⁶⁷ «Более всех был посещаем балаган братьев Легат — 45 представлений, 26 182 чел., сбор 29 062 руб.» (Литературная гезета. 1840. 2 марта).
- ⁶⁸ См.: СПч. 1847. 27 марта. Петербургские балаганы навсегда сохранили внешнюю форму в виде «сарая». В Москве же «каждый балаган отличается особенной архитектурой, — сообщала «Литературная газета» 24 февраля 1840 г., — иной имеет форму турецкого шатра, другой — готического здания, третий — фантастического замка».
- ⁶⁹ СПч. 1836. 2 апр.
- ⁷⁰ Гнедич П. Старые балаганы // Театр и искусство. 1914. № 14. С. 326.
- ⁷¹ Гнедич П. П. Книга жизни : Воспоминания. Л., 1929. С. 38. Напомним об ориентации раннего кинематографа на балаганное зрелище. Можно говорить и о воздействии арлекинады на Петрушку, о типологической близости кукольного представления балаганному. Наблюдавший оба этих зрелища А. Н. Бенуа свидетельствует: в театре Петрушки «как и на балаганных пантомимах, все сводилось к бесчисленным проделкам какого-то озорника, кончавшимся тем, что мохнатый черт тащил „милого злодея“ в ад» (Бенуа А. Мои воспоминания. М., 1980. Кн. 5. С. 521; см. подробное описание представления Петрушки: там же, кн. 2, с. 284—285).
- ⁷² Статистика балаганов под качелями // СПч. 1833. 6 апр.
- ⁷³ Р. М. Балаганы // СПч. 1835. 12 апр.
- ⁷⁴ «Пантомима у г. Гверры, изображающая лагери русский и турецкий, сражение, взятие города и взорвание стены на воздух, прекрасная» (СПч. 1847. 27 марта).
- ⁷⁵ Распространение получила живая картина «Петр Великий в бурю в лодке на Ладожском озере» (СПч. 1847. 27 марта; 1851. 13 апр.). Возможно, что обращение к этому эпизоду восходит не только к народной молве о Петре I, но и к знакомству с гравюрой Миньере на аналогичный сюжет «Петр I на Ладожском озере во время бури в 1724 г.» (издана в 1824 г.).
- ⁷⁶ О роли театрального искусства в этот период см.: Лотман Ю. М. Театр и театральность в строе культуры начала XIX века // Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1973. Вып. 2.
- ⁷⁷ Русские народные гулянья. С. 12.
- ⁷⁸ АГИА, ф. 536, оп. 4, д. 486, л. 5—8 об.
- ⁷⁹ «Олимпийский цирк» — «истинно народный театр», представляющий «историю народных увеселений Петербурга» (СПч. 1837. 1 дек.).
- ⁸⁰ Балаганы на Адмиралтейской площади // СПч. 1839. 30 марта.
- ⁸¹ Ф-ни. Светлая неделя на Адмиралтейской площади // СПч. 1839. 1 апр.
- ⁸² Робба «отличался вольтижированием и жонглерством: на лошади играл шестью шарами, ножами, обручем со стаканами, полными водою, тремя чугунными шарами (СПч. 1834. 16 мая). Фокусник «палит из пушки часами и перстнями, снимает с помощника своего рубашку, не скидывая сюртука»; силач «поднимает гири и бросает ядра в несколько пуд» (СПч. 1833. 6 апр.).
- ⁸³ В балагане Беккера «группа красавиц, представляющих живые картины лучше рафаэловских» (СПч. 1853. 26 февр.).
- ⁸⁴ СПч. 1833. 6 апр.
- ⁸⁵ Там же. 1834. 28 февр.
- ⁸⁶ Там же. 1838. 7 апр.
- ⁸⁷ Там же. 1836. 2 апр.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Литературная газета. 1840. 17 апр.
- ⁹⁰ СПч. 1838. 7 апр. Подобные балаганы были более характерны для ярмарок и гуляний конца XIX в.
- ⁹¹ СПч. 1833. 6 апр. Паноптикум навсегда вошел в зрелищную систему гулянья в начале 1830-х годов после демонстрации в столицах и на ярмарках «галереи восковых фигур» (СПч. 1826. 2 февр.; Новый живописец общества и литературы на 1830 год. М., 1830. С. 11).
- ⁹² О театрализованной природе лубка см.: Лотман Ю. М. Художественная природа русских народных картинок // Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. М., 1976. С. 247—267; Савушкина Н. И. Русская народная драма : Художественное своеобразие. М., 1988 (раздел «Лубочные картинки и книги»).
- ⁹³ СПч. 1847. 27 марта; 1853. 26 февр.

⁹⁴ См. о них: Публичные представления с оптическими приборами // Юная Россия. 1885. № 23.

⁹⁵ Находился на площади балаган «Пальорама или косморамы с картинами, выложенными из соломы» (СПч. 1835. 14 февр.).

⁹⁶ СПч. 1826. 2 февр.

⁹⁷ «Огнедышащую гору Этну» Лекса показал «в Зиминном переулке, позади Казанского собора, в особо устроенном для нее здании» (СПч. 1834. 18 мая), а затем выставил на гулянье.

⁹⁸ СПч. 1834. 8 и 28 февр.

⁹⁹ Эта панорама длиной 200 футов (60,8 м) была выполнена художником Манзони; ему же принадлежат виды Москвы и Петербурга (см.: Панорама Константинополя // Отечественные записки. 1828. Ч. 36. № 102. Октябрь. С. 172—174).

¹⁰⁰ СПч. 1834. 8 февр.

¹⁰¹ Там же. 27 апр. О «космораме» Лексы см. также: 1835. 14 февр.; 1838. 7 апр.; 1839. 1 февр.

¹⁰² СПч. 1834. 30 и 31 авг. Помимо Лексы и Г. Г. Чернецова, панораму Петербурга с Александровской колонны зарисовал В. Е. Раев (Художественная газета. 1836. № 11/12. С. 186—187; СПч. 1838. 1 окт.).

¹⁰³ Литературная газета. 1840. 17 апр.; СПч. 1840. 18 апр.

¹⁰⁴ СПч. 1853. 26 февр.

¹⁰⁵ Санктпетербургские ведомости. 1854. 19 февр. Этот балаган имел длину около 13 м, ширину 6,5 м (ЛГИА, ф. 921, оп. 34, д. 6, л. 3).

¹⁰⁶ О петербургском райке см.: Конечный А. Раек — народная забава // Декоративное искусство СССР. 1986. № 9 (с изображениями «Потешной панорамы» и лубков для нее).

¹⁰⁷ Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 5. С. 231.

¹⁰⁸ См. издания К. Губерта, иллюстрированные лубками: Рассказы косморамщика, или Объяснения к 16 картинкам, находящимся в космораме. СПб., 1848; Балагур, или Новые рассказы косморамщика : Объяснения к 16 картинкам, находящимся в космораме. СПб., 1851.

¹⁰⁹ См.: Конечный А. М. Раек в системе петербургской народной культуры // Русский фольклор. Т. 25. Л., 1989 (в Приложениях помещены тексты выкриков раешников).

¹¹⁰ Кириченко Е. И. К вопросу о пореформенных выставках России как выражении исторического своеобразия архитектуры второй половины XIX в. // Художественные процессы в русской культуре второй половины XIX века. М., 1984. С. 122.

¹¹¹ Балаганы // СПч. 1838. 7 апр.

¹¹² Там же. 1839. 1 февр.

¹¹³ Там же. 1843. 18 февр.; см. также: 1842. 23 апр.

¹¹⁴ Там же. 1833. 6 апр.; см. также: 1840. 18 апр.

¹¹⁵ Там же. 6 апр.; см. также: 1839. 1 апр.

¹¹⁶ Там же. 1834. 21 окт.

¹¹⁷ Там же. 16 мая.

¹¹⁸ А. Г. Взгляд на балаганы // СПч. 1835. 14 февр.

¹¹⁹ Санктпетербургские ведомости. 1854. 19 февр.

¹²⁰ В 1854 г. в серии «Раек» вышел лубок «Синопское сражение».

¹²¹ Петербургская летопись // Санктпетербургские ведомости. 1854. 18 апр.

¹²² Там же.

¹²³ В 1866 г. на Адмиралтейской площади запретили «продажу крепких спиртных напитков, листов счастья, стрельбы из механических пушек и пр. игры с подарками, имеющие вид лотерей или фортунок» (Алфавитный указатель к приказам по С.-Петербургской полиции. СПб., 1870. С. 35).

¹²⁴ Светлый праздник в Петербурге // СПч. 1840. 18 апр.

¹²⁵ Ф. Б. Нравы. Качели // СПч. 1825. 2 апр.

¹²⁶ СПч. 1833. 6 апр.

¹²⁷ Там же. 1834. 28 февр. См. также: 1839. 11 февр.; 1853. 26 февр.

¹²⁸ Петербургская хроника // Литературная газета. 1840. 24 февр.; Репертуар и пантеон. 1843. Т. I. Кн. 3. С. 224.

¹²⁹ Генслер И. Масленица, народное гулянье у гор в Петербурге. С. 34. Ср.: Слепцов В. А. Балаганы на святой // Слепцов В. А. Сочинения. М.; Л., 1933. Т. 2. С. 470.

- ¹³⁰ Левинсон А. Г. Развитие фольклорных традиций русского искусства на народных гуляньях: Дис. ... канд. искусствоведения. Машинопись. М., 1980. С. 146.
- ¹³¹ Народные увеселения // СПч. 1853. 26 февр.
- ¹³² Петербургская летопись // Санктпетбургские ведомости. 1854. 18 апр. Качучу привезла в столицу в конце 1840-х годов австрийская балерина Фанни Эльслер; лубок с изображением знаменитой танцовщицы показывали в райке.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ В «балагане, где публика кружилась в лодках вокруг громадного вала, традиционный балаганный дед с пеньковой бородой занимал толпу остроумными шутками» (Марина М. В Петербурге 60-х годов прошлого столетия // Русская старина. 1914. № 3. С. 698). Ср.: Москвитинин. 1851. Кн. 2. № 6. С. 117.
- ¹³⁵ Кельсиев А. Петербургские балаганные прибаутки, записанные В. И. Кельсиевым // Труды Этнографического отдела имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1889. Кн. IX. С. 113—118.
- ¹³⁶ Гусев В. Е. Русский фольклорный театр XVIII—начала XX века. Л., 1980. С. 60—61. Варианты прибауток, записанных В. И. Кельсиевым, с указанием на их принадлежность карусельным «дедам» см.: Лейферт А. В. Балаганы. С. 64—69; Алексеев-Яковлев А. Я. Воспоминания. Л. 20.
- ¹³⁷ Некрылова А. Ф. Народная ярмарочная реклама. С. 342.
- ¹³⁸ Бенца А. Мои воспоминания. Кн. 2. С. 292.
- ¹³⁹ См. каталог выставок: Искусство жонглера. Л., 1929; Конный цирк. Л., 1930.
- ¹⁴⁰ См.: Описание всего представления в народном пантомимном театре В. Берга на Адмиралтейской площади во время сырной недели 1867 г. Спб., 1867.
- ¹⁴¹ Балаганщики: Очерки жизни и нравов артистов и антрепренеров увеселительных заведений и праздничных балаганов. Спб., 1868. С. 7.
- ¹⁴² Наше житье-бытье (пасхальное обозрение) // Петербургская газета. 1867. 30 апреля. См. также: Слепцов В. А. Балаганы на святой. С. 476—478; Масленичные гулянья 1872 г. на Адмиралтейской площади в Санктпетербурге и Путешествие в ад купца Угорелова. Представление в балагане Берга. Спб., 1872. С. 5.
- ¹⁴³ Гнедич П. Старые балаганы. С. 325. См. также: Колзаков К. П. Журнал на 1839 год (ОРИРК ГПБ, ф. 358, ед. хр. 2, л. 7—10).
- ¹⁴⁴ Русский карнавал // Художественная газета. 1841. № 3. С. 3—4.
- ¹⁴⁵ См.: Слепцов В. А. Игры и зрелища // Литературное наследство. М., 1963. Т. 71; Гнедич П. «Горы» и «карусели» // Жизнь искусства. 1922. 11 апр.
- ¹⁴⁶ Лейферт А. В. Балаганы. С. 42.
- ¹⁴⁷ Среди содержателей балаганов иностранцы составляли в 1840-е годы 90 %, в 1850-е — 70 %. См. списки арендаторов мест на Адмиралтейской площади в 1844—1856 гг. (ЛГИА, ф. 921, оп. 24, д. 3; оп. 29, д. 2; оп. 34, д. 6; оп. 36, д. 15).
- ¹⁴⁸ ЛГИА, ф. 514, оп. 1, д. 2097, л. 7, 93—94.
- ¹⁴⁹ Об уличных актерах см.: Марина М. В Петербурге 60-х годов прошлого столетия. С. 693—695.
- ¹⁵⁰ Балаганщики. С. 3.
- ¹⁵¹ Гнедич П. Старые балаганы. С. 327; Марина М. В Петербурге 60-х годов прошлого столетия. С. 697—698. Не исключена связь этих постановок с лубками «Битва русских с кабардинцами» (1864), «Жизнь за царя Ивана Сусанина» (1866), «Ермак Тимофеевич — покоритель Сибири» (1868).
- ¹⁵² Петербургская газета. 1867. 30 апреля.
- ¹⁵³ Сценарная рукопись этой постановки (1872 г.) хранится в Ленинградской театральной библиотеке (№ 47063).
- ¹⁵⁴ Ведомости С.-Петербургской городской полиции. 1872, 19 апреля; ЛГИА, ф. 792, оп. 1, д. 1841.
- ¹⁵⁵ Известия С.-Петербургской городской думы. 1873. № 10. С. 1064—1066; ЛГИА, ф. 514, оп. 1, д. 484.
- ¹⁵⁶ Так, например, в 1883 г. на Марсовом поле находилось 8 балаганов, 3 больших карусели, 14 стрельбищ, 18 каруселей «коныков» (ЛГИА, ф. 792, оп. 1, д. 3948, л. 183).
- ¹⁵⁷ Русские народные гулянья. С. 100; Лейферт А. В. Балаганы. С. 28. См. также: план расположения построек на Царицыном лугу в 1885 г. (ЛГИА, ф. 513, оп. 67, д. 107, л. 100); чертежи балаганов (33), каруселей, гор, торговых заведений (там же, ф. 513, оп. 129, д. 92; оп. 130, д. 5; оп. 159, д. 244; оп. 169, д. 443, 450, 452—461); списки владельцев балаганов в 1886—1897 гг. (там же, ф. 513, оп. 157, д. 145; оп. 158, д. 398; оп. 159, д. 244; оп. 129, д. 92; оп. 130, д. 5).

- ¹⁵⁸ ПСЗ. Собрание III. Т. IV. № 1952.
- ¹⁵⁹ ЛГИА, ф. 513, оп. 159, д. 244, л. 57, 64.
- ¹⁶⁰ Там же, ф. 792, оп. 1, д. 6979, л. 4; д. 7557, л. 1—2.
- ¹⁶¹ Бахтиаров А. Брюхо Петербурга. Спб., 1888. С. 309; Лейферт А. В. Балаганы. С. 48; Алексеев-Яковлев А. Я. Воспоминания. Л. 21.
- ¹⁶² С 1873 г. полуденный выстрел производился из пушки, находящейся на Нарышкином бастионе Петропавловской крепости.
- ¹⁶³ Лейферт А. Балаганы // Жизнь искусства. 1922. 25 апр. С. 4.
- ¹⁶⁴ Михневич В. Петербург весь на ладони. Спб., 1874. С. 233—235, 545.
- ¹⁶⁵ Петербургская газета. 1874. 5 февр.; 1875. 17 апр.; Новое время. 1880. 23 апр.
- ¹⁶⁶ ЛГИА, ф. 514, оп. 1, д. 1432; ф. 792, оп. 1, д. 2498; ф. 513, оп. 64, д. 538.
- ¹⁶⁷ Петербургская газета. 1874. 6 апр.
- ¹⁶⁸ См. сценарную рукопись постановки, сочиненную В. Бергом в 1881 г.: Ленинградская театральная библиотека, № 22097. Пантомима шла в балагане А. Берг в 1882 г.
- ¹⁶⁹ Русские народные гулянья. С. 70.
- ¹⁷⁰ Афиша балагана «Театр пантомим Легат»: Масленица 1878 г. (Ленинградский театральный музей, КП-2194—62).
- ¹⁷¹ Петербургская газета. 1875. 16, 18 февр.; 17 апр.
- ¹⁷² См.: Мушинский Н. Первый русский комик: Оригинальные комические фарсы, куплеты, сцены, шутки для одного или нескольких действующих лиц. Составлены для народных гуляний. Спб., 1879. Две комические сцены, вошедшие в это издание, были поставлены в балагане В. Берга.
- ¹⁷³ ЛГИА, ф. 513, оп. 100, д. 20, л. 10, 18 об.
- ¹⁷⁴ Петербургская газета. 1880. 23 апр.
- ¹⁷⁵ Карпов Е. Десятилетие народных гуляний за Невской заставой: 1885—1895. Спб., 1895; ЛГИА, ф. 1267, оп. 17, д. 205.
- ¹⁷⁶ ЛГИА, ф. 492, оп. 1, д. 6304, л. 2; Карпов Е. П., Окулов Н. Н. Организация народного театра и полезных развлечений для народа. Спб., 1889. С. 4—5 (в издании приведен список пьес, разрешенных для народного театра).
- ¹⁷⁷ ЛГИА, ф. 513, оп. 100, д. 20, л. 86—87.
- ¹⁷⁸ Лейферт А. В. Балаганы. С. 14.
- ¹⁷⁹ Петербургская газета. 1874. 5 февраля; ЛГИА, ф. 2073, оп. 1, д. 139.
- ¹⁸⁰ Алексеев-Яковлев А. Я. Воспоминания. Л. 12—13.
- ¹⁸¹ В память десятилетнего существования временного народного театра А. П. Лейферта под названием «Развлечение и польза» (1880—1890). Спб., 1890. С. 4 (в брошюре помещены отклики газет на постановки, а также репертуар театра).
- ¹⁸² См. репертуар балаганных театров в 1880—1898 гг. в кн.: Лейферт А. В. Балаганы. С. 49—59.
- ¹⁸³ Русские народные гулянья. С. 88—90.
- ¹⁸⁴ А. Я. Алексеев-Яковлев (1850—1939) — режиссер, художник и драматург — автор 50 феерий и 32 пьес. См. о нем: Опись памятников русского театра из собрания Л. И. Жевержеева. Пг., 1915. С. 83.
- ¹⁸⁵ Русские народные гулянья. С. 82. См. также статью Н. В. Дризена «Будущее народного театра» в его кн.: Материалы к истории русского театра. М., 1905.
- ¹⁸⁶ Русские народные гулянья. С. 82.
- ¹⁸⁷ Лейферт А. В. Балаганы. С. 24.
- ¹⁸⁸ См.: Бр(атья) А. и Л. Лейферт поставщики столичного литературно-артистического кружка: Иллюстрированный каталог. Спб., 1898.
- ¹⁸⁹ Оболенский В. А. Очерки минувшего. Белград, 1931. С. 13—14.
- ¹⁹⁰ Дризен Н. В. Сорок лет театра // Столица и усадьба. 1915. № 40/41. С. 23.
- ¹⁹¹ Иванов Л. Балаганы // Столица и усадьба. 1915. № 48. С. 6. См. также: Алексеев-Яковлев А. Я. Воспоминания. Л. 21.
- ¹⁹² Лейферт А. В. Балаганы. С. 60.
- ¹⁹³ Столянский П. Старый Петербург // Биржевые ведомости. 1916. 19 февр. (веч. вып.). Описание обманных балаганов на Марсовом поле см. в кн.: Кригер В. А. Актерская громада. М., 1976. С. 105—107.
- ¹⁹⁴ См.: Яковлев-Алексеев А. Каталог-путеводитель, подробно описывающий декорации панорамы, показываемые в театре «Наша Родина» и изображающие путешествие по России. Спб., 1887.
- ¹⁹⁵ Максимов К. Из петроградских переживаний: Воспоминания старожила // Наша старина. 1915. № 5. С. 472—473.

- ¹⁹⁶ См.: Рассказ раешника о представлении в театре Лейферта под названием «Развлечение и польза» на Царицыном лугу во время сырной недели 1897 года. Спб., 1897.
- ¹⁹⁷ См. рукопись феерии-арлекинады А. Я. Алексеева «Волшебные блины, или Проказы Арлекина на масленице» (1892; Ленинградская театральная библиотека. № 75300).
- ¹⁹⁸ «Пир Валтасара» — эскиз В. И. Сурикова, за который он получил в 1874 г. первую премию Академии художеств.
- ¹⁹⁹ Дризен Н. В. Сорок лет театра. С. 23. Тексты выкриков панорамщиков Марсова поля см.: Бахтияров А. Брюхо Петербурга. Спб., 1888. С. 314—315; Алексеев-Яковлев А. Я. Воспоминания. Л. 18; Лейферт А. В. Балаганы. С. 70.
- ²⁰⁰ Дризен Н. В. Сорок лет театра. С. 23. Ср.: Бенца А. Мои воспоминания. Кн. 2. С. 292. Тексты прибауток «дедов» см.: Петербургская газета. 1873. 20 февр.; 1874. 5 февр.; 1880. 29 февр.; 1899. 26 февр.; Бахтияров А. Брюхо Петербурга. С. 311—314; Алексеев-Яковлев А. Я. Воспоминания. Л. 19—20.
- ²⁰¹ Бенца А. Мои воспоминания. Кн. 2. С. 292.
- ²⁰² Лейферт А. В. Балаганы. С. 58.
- ²⁰³ Импрессионист. Возрождение Арлекина // Новости и Биржевая газета. 1900. 19 февраля.
- ²⁰⁴ Ведомости С.-Петербургского градоначальства и столичной полиции. 1897. 11 апр. См. план расположения построек на Преображенском плацу в 1897 г. (ЛГИА, ф. 513, оп. 169, д. 449).
- ²⁰⁵ Известия С.-Петербургской городской думы. 1898. № 5. С. 1020.
- ²⁰⁶ ЛГИА, ф. 792, оп. 1. д. 7557, л. 1—2.
- ²⁰⁷ Народ. 1899. 23 февр.
- ²⁰⁸ Петербургский листок. 1899. 22 февр.; Петербургская газета. 1899. 25 февр.
- ²⁰⁹ Петербургская газета. 1899. 20 апр.; Петербургский листок. 1899. 20 апр.
- ²¹⁰ Ведомости С.-Петербургского градоначальства и столичной полиции. 1899. 23 и 24 февр.
- ²¹¹ ЛГИА, ф. 792, оп. 1, д. 7557, л. 1; Из истории театров петербургского попечительства о народной трезвости // Театр и искусство. 1907. № 52.
- ²¹² Всеволодский (Гернгросс) В. История русского театра. М.; Л., 1929. Т. 2. С. 312.
- ²¹³ Пр-ов В. Агония балагана // Петербургская газета. 1898. 7 апр.
- ²¹⁴ Лейферт А. В. Балаганы. С. 9. См. также: Бенца А. Мои воспоминания. Кн. 2 (глава «Балаганы»); Маковский С. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955 (глава «Масленица»); Добужинский М. В. Воспоминания. М., 1987 (глава «Петербург моего детства»).
- ²¹⁵ Лотман Ю. М. Блок и народная культура города // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики: Блоковский сборник IV. Тарту, 1981. С. 9.
- ²¹⁶ Помимо упомянутых выше воспоминаний, см. также: Ауслендер С. Русский карнавал // Речь. 1914. 10 февр.; Бенца А. Масленица // Речь. 1917. 10 февр.; Бразуль Д. Былое веселье // Театр и искусство. 1916. № 7; Гнедич П. Старый Петербург: На масленице // Биржевые ведомости. 1917. 10 февр. (веч. вып.); Дризен Н. В. Старый Петербург // Весь мир. 1918. № 10. С. 11; Щеглов Ив. Театральные огни // Ежегодник имп. театров. 1910. Вып. III. С. 2—3.
- ²¹⁷ Возрождение старинных народных развлечений // Речь. 1914. 29 янв.
- ²¹⁸ ЛГАЛИ, ф. 32, оп. 1, д. 10, л. 3.
- ²¹⁹ См.: Кони А. Ф. Петербург: Воспоминания старожила. Пб., 1922. С. 53—54.
- ²²⁰ Лейферт А. В. Балаганы // Жизнь искусства. 1922. 25 апр.
- ²²¹ Боцяновский Вл. Балаганный дед // Жизнь искусства. 1922. 4 апр.
- ²²² ЛГАЛИ, ф. 32, оп. 1, д. 10, л. 4.
- ²²³ Общество «Старый Петербург». 1921—1923. Спб., 1923. С. 37.
- ²²⁴ ЛГАЛИ, ф. 32, оп. 1, д. 28, л. 1, 5.
- ²²⁵ Там же, л. 14. См. также: Обряд русской народной свадьбы в Государственном Экспериментальном театре // Краеведение. 1924. № 3. С. 356—357.
- ²²⁶ ЛГАЛИ, ф. 32, оп. 1, д. 92, л. 1.



Ю. Н. БЕСПЯТЫХ, Н. А. СУХАЧЕВ

ПЕТЕРБУРГСКИЙ БЫТ В РОССИКЕ XVIII в.

Обширная Россия XVIII в. далеко еще не обследована с историко-этнографической точки зрения. Именно в это время Западная Европа открывала для себя новую Россию. На протяжении всего столетия возрастал интерес к русской культуре (нередко как к явлению экзотическому) и к истории страны, ее географии, экономике, населению. Свою роль сыграла и официальная политика, способствовавшая привлечению иностранцев на русскую службу. В настоящей статье рассмотрены некоторые не опубликованные на русском языке иностранные сочинения, содержащие значительный комплекс сведений о быте Петербурга петровского и послепетровского времени и по-прежнему остающиеся, как правило, вне поля зрения исследователей.

Почти все учтенные здесь сочинения хранятся в фонде «Россики» Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — крупнейшем в мире собрании зарубежных изданий, посвященных России (в пределах Российской империи). Фонд сформировался в результате длительной целенаправленной деятельности ученых начиная с 1850-х годов. Под руководством тогдашнего директора Публичной библиотеки М. А. Корфа, полагавшего собрание иностранных изданий о России «важным и для науки, и для правительственных целей»,¹ сначала был напечатан каталог известных уже книг, дополненный затем крупными отечественными историками и литературоведами.

Новый фонд стал интенсивно пополняться за счет собраний самой Публичной библиотеки и других общественных и частных книжных собраний. Кроме того, приходили поступления из-за рубежа — от библиотек и книгопродавцев. В 1873 г. был уже издан двухтомный алфавитный каталог «Императорская Публичная библиотека в С.-Петербурге. Каталог отдела „Россики“, или сочинений о России на иностранных языках».² Комплектование фонда продолжалось еще полвека — до 1930 г., когда оно было прекращено с реорганизацией структуры ГПБ.

Основные категории изданий, сосредоточенных в фонде: «1) книги и брошюры „по всем отраслям человеческого ведения“, относящиеся

к России и изданные на иностранных языках за границей; 2) книги, журналы, газеты, листовки, изданные в России на иностранных языках; 3) переводы на иностранные языки сочинений русских авторов», причем «главное место среди этих материалов занимали издания, посвященные истории России, ее народов»³ — свыше 30 тыс. названий.⁴

А. Л. Гольдберг (1922—1982) и И. Г. Яковлева проделали огромную работу по составлению систематического указателя исторической части фонда, изданы три выпуска.⁵

Понимая Россию более широко, т. е. не ограничиваясь коллекцией ГПБ, укажем здесь на несколько весьма содержательных сочинений иностранных авторов XVIII в., уже переведенных на русский язык. Они содержат много уникальных сведений и фактов о петербургском быте, и к ним постоянно обращаются решительно все исследователи эпохи. Среди таких авторов, более или менее длительное время проводивших в Петербурге, — немцы Ф.-Х. Вебер, Г. фон Бассевич, Ф. В. Берхгольц, К. Г. Манштейн,⁶ датчанин Ю. Юль,⁷ англичанка леди Рондо,⁸ француз М.-Д. де Корберон.⁹

Видное место в ряду таких исторических источников занимают сочинения, целиком или преимущественно посвященные Петербургу, особенно раннему. Заслуженно знамениты два немецких описания,¹⁰ польское¹¹ и др., в том числе пока не опубликованные на русском языке.¹² Очень любопытно сочинение англичанки Э. Джастис.¹³

Петербург устойчиво занимал внимание культурных и предпринимательских кругов, искавших здесь приложения сил и капиталов. Сведения об истории и архитектуре города эпизодически перемежались с описанием условий жизни, одежды, развлечений горожан и другой информацией бытового характера. Ограничиваясь иногда скупыми фразами, иностранные авторы подмечали и то, что могло ускользнуть от привычного взгляда русских мемуаристов, что обычно не интересовало дипломатических представителей при царском дворе и что редко проникало в другие документы эпохи. Показывая возможности «путешествий» и «дневников» для изучения петербургского быта, мы отдаем предпочтение свидетельствам очевидцев.

Начнем с противопоставления Петербурга и Москвы, Петербурга и остальной России — оно последовательно проводится многими авторами. Так, по свидетельству Даниэля Лекалье, этот город, «хотя повсюду здесь замечаешь варварство и плохой вкус наряду с показной роскошью, нищету рядом с кичливым богатством, похож все же многими сторонами почти на все морские порты и на большие города Европы из-за обилия иностранцев, которые здесь обитают или которых привлекает торговля; но как только покидаешь Петербург, видишь подлинную Россию, а это совсем другое дело, в чем можно убедиться по бедности и простоте того, что было замечено мной».¹⁴ Замечены были крестьянская одежда (с. 68—71), хозяйственные постройки и жилища (с. 71—72), транспорт (с. 79—81), некоторые обычаи (с. 89—91).

Любопытные сюжеты и зарисовки, сведения, полученные порой из вторых рук, можно извлечь даже из самых поверхностных наблю-

дений. Нередко местные реалии передаются в искаженном и пересмысленном виде, как в письме графа Франческо Альгаротти из Петербурга, помеченном 21 июня 1739 г.: «... в обычаях страны бросать детей из печи, где их держат некоторое время, в холодную воду или в снег. Так их приучают к жаре и холоду, и так они становятся более неуязвимыми к превратностям погоды, чем был Ахилл к ударам вражеских копий и стрел».¹⁵ Воображение итальянца поразило не понятное им сообщение о том, как парятся в русской печи. В том же духе рассказ о домовом из небольшой главки «Предрассудки» в книге Абеля Бурья, прибывшего в Россию в 1777 г., получившего место воспитателя в кадетском корпусе и ставшего в феврале 1779 г. пастором французской реформистской церкви: «У меня некоторое время служил итальянец, полностью воспринявший это верование от русских. Он утверждал, что своими глазами видел моего домового, гигантского роста, черного, как дьявол, и с горящими, как огонь, глазами. Если по ночам поскрипывала мебель, как случается порой при смене погоды, то это, по его мнению, возился домовый».¹⁶ Здесь важна даже не столько необычная «демоническая» внешность домового, сколько факт активного восприятия русского поверья слугой-итальянцем, что само по себе может кое-что сказать о жизни в многонациональной городской среде. Интенсивность этнических контактов с редкостной убедительностью изобразил наблюдательный датчанин Педер фон Хавен: «Пожалуй, не найти другого города, кроме Петербурга, где бы одни и те же люди говорили на столь многих языках, причем так плохо. Можно постоянно слышать, как даже слуги говорят то по-русски, то по-немецки, то по-фински. . . Нет ничего более обычного, чем когда в одной фразе перемешиваются слова 3—4 языков. . . Однако хуже всех портят в Петербурге немецкий язык финны, которые предлоги ставят после слов. . . Говорящий по-русски немец и говорящий по-немецки русский обычно совершают столь много ошибок, что их речь могла бы быть принята строгими критиками за новый иностранный язык. И молодой Петербург в этом отношении, пожалуй, можно было бы сравнить с древним Вавилоном».¹⁷

Разрозненные наблюдения, разумеется, неспособны дать сколько-нибудь полную картину петербургского быта, но при сопоставлении с другими источниками могут прояснить и дополнить ее зримыми деталями. При этом кажущаяся экзотичность увиденного или услышанного и добросовестно зафиксированного порой неискушенными в литературе авторами не исключает восприятия стоящих за их сообщениями реалий.

Самые ранние описания Петербурга содержат лишь сравнительно скупые замечания, полезные все же для знакомства с его бытом. Одно принадлежит шведу Ларсу Юхану Эренмальму, оказавшемуся в русском плену после взятия Выборга и наблюдавшему город в 1710—1711 и 1712 гг. Рукопись сочинения «Состояние России при Петре I»¹⁸ хранится в университетской библиотеке г. Уппсала. Из рукописи, завершенной в 1714 г., можно выяснить, что в «русской слободе» (т. е. на Петербургском острове) живут только «русские и финны, но не иностранцы, разве что иностранные министры или пленные,

которым пришлось перебраться сюда из немецкой слободы»; в последней, на Адмиралтейском острове, обитали «все морские офицеры, шлюпочные матросы, маринеры и большинство придворных служащих царя и иностранные министры, немецкие купцы и другие ремесленники». Сообщает Эренмальм и о дороговизне «съестных припасов», о том, что в Петербурге он «насчитал более шести превосходных кораблестроителей английской нации. . . помимо голландцев и других», а встречая русских, обученных морскому делу за границей, «нашел их настолько похожими в разговоре и манерах на голландцев», что «трудно было определить, голландцы ли они, или русские» (с. 221).

Описание петровского Петербурга оставил шотландец Питер Генри Брюс (родственник Р. В. и Я. В. Брюсов), поступивший на русскую военную службу в 1710 г.¹⁹ Этот очевидец уже сообщает, что «все купцы» селятся на Петербургском острове, севернее же «живут азиатские купцы, а именно армяне, персы, турки, татары, китайцы и индусы». Рядом с Адмиралтейством имеют жилища лишь «люди, занятые на строительстве кораблей, а также офицеры и матросы флота», однако при этом вверх по Неве «выше Адмиралтейства находится Иноземная слобода, или иностранный город, где живут все чужестранцы из Европы; тут есть несколько протестантских и один католический молитвенный дом». Описывает Брюс и увеселения, в том числе ассамблеи, а также смотр парусных и гребных судов, находившихся в пользовании дворян: «один день недели по желанию царя был определен» для приучения их к «матросским приемам» и «различным маневрам военного флота». Большое впечатление произвел на автора общий трудовой ритм строившегося города: «Целыми днями не было видно и слышно ничего, кроме купцов и рабочих, которые либо строили корабли и галеры, каменные и деревянные дома, либо копали каналы и мостили улицы. Река постоянно была заполнена большими кораблями, привозившими всевозможные материалы — кирпич и черепицу для стен и крыш и камень для мостовых. . . И поскольку каждый был занят тем или иным делом, то не было видно ни единого праздного человека». Отметим здесь, что рассказ шотландца о Петербурге, помеченный 1714 г., содержит ряд более поздних сведений.

Кое-что сообщает о быте русской столицы оказавшийся в Петербурге в феврале 1725 г. уппсальский студент Юхан Йерне, но из его записей можно все же извлечь информацию о роскошном мундире А. Д. Меншикова (из «серебряной ткани») и о женской моде «ставить на лицо множество мушек и румяниться хуже парижанок», которой «следуют все — от императрицы до крестьянок».²⁰ Обед у Меншикова в присутствии императрицы изображает анонимный автор из свиты Я.-К. Сапеги, прибывшего в Петербург в марте 1726 г. Польский гость обратил внимание, что «дамы, жены некоторых сенаторов, также сидели за тем же столом в конце с правой стороны, ибо стол был длинный, а не круглый».²¹

В том же году в Петербург вторично приехал французский ботаник Пьер Дешизо, еще в 1724 г. безуспешно пытавшийся устроиться на русскую службу.²² Описав топографию города и его пригороды, Дешизо

подробно останавливается на празднестве в доме графа Рабутина, где присутствовала Екатерина I.²³ Это самое яркое воспоминание француза, если не считать переживаний во время большого наводнения. Вскользь Дешизо замечает также, что Васильевский остров — «как бы квартал французов по их прибытии в Петербург» (с. 21), что в городе «обычные дома деревянные», что помещения отапливаются печами, но некоторые иностранцы «распорядились устроить камины», что в российской столице «совершается публичное отправление четырех религий» (с. 16).

Любопытны бытовыми деталями свидетельства другого француза, бывалого путешественника Обри де ла Мотрэ, прибывшего в Петербург в конце сентября того же года.²⁴ Со слов некоего «боярина» он излагает сцену маскарада, описывает бани, которые стояли вдоль набережной «или довольно близко к ней» у Аптекарского огорода. Но поскольку «способ купания русских известен по нескольким уже напечатанным сочинениям», Мотрэ избегает повторения, хотя и добавляет, что «русские так же привычны к бане, как к еде и питью, они используют баню в качестве универсального лечения от любого недуга, как турки свою» (с. 236). Рассказывает французский автор также о наказании 18 человек на «сенном рынке» (с. 253), изображает попойку монахов в Александро-Невском монастыре, свидетелем и участником которой оказался (с. 277—278). Этот источник ценен также описанием улиц и зданий.

В более поздней Россике нюансы быта представлены шире. Так, с женской внимательностью к одежде описывает наряды светских дам, и прежде всего императрицы Анны Ивановны и принцесс, а также экипажи, пищу и многое другое некая Элизабет Джастис,²⁵ жившая в Петербурге гувернанткой у английского купца Эванса с 1734 по 1737 г.

В цитированной выше книге П. фон Хавена о впечатлениях 1736—1737 гг. наряду с обычным обзором истории и архитектуры российской столицы помещены такие сюжеты, как «Похороны» (с. 47—48), «Катание на санях» (с. 55—57), «Посты» (с. 61—62), «Праздничные дни» (с. 62—64), «Крестины» (с. 64—66), «Масленица» (с. 89—91), «Игры на масленицу» (с. 91—92). Как и другие иностранцы, датчанин особо оговаривает отличавшую Петербург веротерпимость,²⁶ посвящая отдельные главки церквям — лютеранской, реформистской, католической, а также другим религиозным общинам (с. 70—76). О русских похоронах П. фон Хавен узнал, например, следующее: «Обычно похороны и проводы умершего простолюдина также не производят большого впечатления. Правда, тех, кто сколько-нибудь благороден, все еще, по старому обычаю, хотя и вопреки установлению императора Петра Первого, сопровождают плакальщицы, которые должны плакать, провожая покойного. Однако я часто наблюдал, как лишь два парня приходили с телом, неся его на доске почти совершенно нагое и на плечах примерно так же, как носят муку к пекарю. Либо же в лучшем случае в выдолбленном бревне, если покойный был сколько-нибудь благородным человеком. При этом не было никакого сопровождения или церемонии» (с. 47—48).²⁷

Русский похоронный обряд озадачил Э. Джастис: «Я не видела похорон, пока не пробыла там (в Петербурге. — Ю. Б., Н. С.) два года, хотя и жила в очень населенной части города и близко от двора. И в тот день я не видела ничего, кроме необычного света. Подойдя узнать, что это такое, обнаружила, что это многочисленные факелы: их среди бела дня несли перед телом. Я сочла это в высшей степени абсурдным. Но человек, в чьей компании я была, рассказал мне, что русские кладут в гроб, а это еще более абсурдно: туда кладут пару башмаков, несколько свечей и пропуск. Последний — чтобы покойника пустили, но я не знаю, куда. Полагаю, русские считают, будто существует несколько степеней счастья, ибо такой пропуск можно купить в лавке или на рынке, и его действительность зависит от цены».²⁸

Некоторые из отмеченных П. фон Хавеном особенностей русского быта однозначно привязаны к Петербургу, например описание ледяных гор на Неве: «Помимо различных игр, обычных на масленицу, русские в эту неделю устраивают себе развлечение, которое чужеземным наблюдателям кажется более опасным, нежели веселым. А именно, в сильный мороз строят из досок гору высотой около 20 локтей²⁹ с уклоном на лед реки, где ее возводят. Эту деревянную гору до тех пор поливают водой, пока она вся не обледенеет. По одну ее сторону устраивают на реке каток длиной фавнов³⁰ в сто, а по другую находится лестница. С наступлением масленицы там всю неделю напролет с утра до позднего вечера множество людей обоих полов; они платят оплатившим и построившим это сооружение по 1 копейке за каждый спуск с ледяной горы. И вот они садятся на специальные маленькие санки, ждут, пока их подтолкнут вниз, и мчатся с неопишуемой скоростью далеко по катку. В Петербурге в этом году было три такие ледяные горы. Зрителей при этом было столь же много, как и тех, кто предавался развлечению. Поскольку не слышать, чтобы многие при этом калечились, то забава эта, вероятно, не так опасна, как кажется» (с. 91—92).

Представляющие историко-этнографический интерес петербургские наблюдения П. фон Хавена вписываются в общий поток сведений о России, почерпнутых европейцами из разнообразных источников. О характере последних можно судить по библиографическому обзору в труде Иоганна Бернулли³¹ с упоминанием известного описания Петербурга 1713 г. и описания, помещенного Ф.-Х. Вебером в «Преображенной России».³² Далее И. Бернулли называет еще несколько сочинений о Петербурге, среди них книгу П. Дешизо, которую, однако, сам «не видел» (с. 3). Сведения самого И. Бернулли, включившего в «Путешествие...», помимо деталей городской застройки, картину бала в Петергофе (с. 85—97), по-видимому, ценны подробным перечнем 2080 картин и 77 миниатюр из императорской художественной галереи (с. 169—277).

Англичанин Джон Ричард³³ отмечает дорогие наряды знати, одевшейся на французский манер (с. 30), моду на украшения, оцениваемые «более по своей величине, чем по качеству» (с. 44), широкое распространение «не очень изящных» наемных экипажей, хотя при этом «низшие классы общества ходят пешком» (с. 43), и поражается сословной градацией публичных увеселений, которые проводятся отдельно

для знати, для военных и для купцов, что «абсурдно в коммерческом государстве» (с. 44). Среди подобного рода замечаний небезынтересны строки, посвященные облику женщины: «Русские женщины вообще красивы, они в большинстве красятся, от высших до низших; их зубы белы и ровны, возможно, из-за того, что они пьют только холодное спиртное. Как бы то ни было, но еще в 1714 году русские женщины имели обыкновение чернить зубы. . . Существует различие в головном уборе девушек и замужних женщин, чего я не замечал в Англии у замужних леди. Когда выходят замуж, свободно спадающие волосы покрывают своего рода шелковым платком, похожим на шотландскую шапочку, ибо они считают неприличным сохранять в замужестве девичий убор» (с. 44—45).

К концу 1780-х годов относится изданное П.-Н. Шантро «Философическое, политическое и литературное путешествие в Россию. . .»,³⁴ в подзаголовке которого указано, что в данном сочинении, «переведенном с голландского», можно обнаружить все «самое интересное и правдивое о нравах русских, населении, религиозных представлениях, предрассудках, обычаях» и т. д. Плодовитый французский литератор Пьер-Никола Шантро никогда не был в России, он провел 20 лет в Испании, где якобы и обнаружил соответствующую голландскую рукопись, «обработанную» и «дополненную» им. В книге действительно приведены самые общие сведения о транспорте (с. 7), одежде ямщиков (с. 25), ледяных горах и ярмарке на Неве (с. 27—28), одежде знати (с. 38), религиозных праздниках (с. 135—136) и даже о «культе богов у русских» (с. 143). Спустя несколько лет Фортиа де Пиле и Буазгелен де Кердю, оценивая среди прочих книг о России двухтомник Шантро, подчеркивали: «Нет и двадцати страниц в этом сочинении, которые не содержали бы абсурда или какой-либо ошибки».³⁵

Две главки посвятил петербургскому быту немец Ф. Йенне — «Бал-маскарад» (с. 123) и «Зимние развлечения» (с. 129—131).³⁶ В последней описано катание на Неве с ледяных гор, представлявших собой «два помоста высотой от 40 до 50 футов, шириной 20 футов и на расстоянии более 400 шагов один против другого, каждый на своей линии» (с. 129). При этом «скорость, которую набирают санки, скатываясь с горы, заставляет их проделать весь путь до другого помоста, и тогда в конце дорожки катающийся берет свои санки подмышки и по лестнице, устроенной сбоку, поднимается на другой помост, чтобы таким же способом снова прийти к первому, за какое развлечение он всякий раз отсчитывает копейку» (с. 131). Другой забаве предавались «главным образом маленькие дети». Она состояла в том, что «более низкие санки привязывают к длинному канату и при помощи колеса, укрепленного на вставленном в лед колышке, разгоняют по кругу» (с. 131). Сопоставляя этот текст с аналогичной выдержкой из Хавена, можно усмотреть некоторые изменения в устройстве ледяных гор на Неве.

Упомянутый выше граф А. Фортиа де Пиле, изгнанный из Франции революцией, отправился в 1790 г. в сопровождении Л. де Буазгелена де Кердю в поездку по Европе, результатом чего явилось пяти-томное «Путешествие двух французов. . .», изданное анонимно. России посвящен третий том труда.³⁷ Авторы ознакомились как с фундамен-

тальными для своего времени историческими сочинениями (Страленберга, Леклерка, Левека), так и с путешествиями (аббата Шапп д'Отроша, Бурья, Шантро, Римбера). По собственным впечатлениям они описывают петербургский транспорт (с. 10—12), обряд освящения воды в Неве (с. 79—83), лютеранскую свадьбу (с. 83—84). Небезынтересны сведения о промышленности столицы (с. 116—148): об Охтинском пороховом заводе, где «численность занятых на различных работах доходит до пятисот человек; это все солдаты. . . около 120 женатых рабочих имеют дом и небольшой участок; остальные живут в казармах» (с. 126); о Сестрорецком оружейном заводе, рабочее которого «имеют очень немного, у всех есть хлеб и крупа; они живут в деревне в полуверсте от завода» (с. 130); о стекольной мануфактуре «за монастырем Александра Невского», где численность рабочих «доходит до 264, включая тех, кто носит камни и работает в лесу» (с. 138); о фабрике по производству галуна, на которой имеется «сто пятьдесят рабочих, включая женщин; все живут при фабрике; одни крепостные, другие свободные» (с. 142).

Среди фрагментарных и часто приблизительных оценок численности населения Петербурга или отдельных его групп не могла не заинтересовать читателей статистическая справка голландского ученого путешественника Йохана Меермана,³⁸ останавливавшегося на берегах Невы с ноября 1798 по март 1799 г. и на обратном пути из Москвы — с ноября 1799 по март 1800 г. «Население Петербурга, — сообщает автор, — превышает 220 000 человек; в последней четверти уходящего столетия оно явно увеличилось. В это число входят около 4000 финнов и бывших жителей областей Ингрии; русских более $\frac{6}{7}$ от общего числа; немцы составляют от 17 000 до 18 000, другие нации намного отстают от них по численности. Рождаемость оценивается здесь как 1 к 31. . . . Смертность оценивается как 1 к 35, мужская смертность по отношению к женской как 84 к 100, что на самом деле поразительно, ибо численность мужчин более чем на половину должна превышать женскую. Таков по меньшей мере расчет Крафта на 1780 год. Удивительно, что на 1000 русских детей только 7 рождаются мертвыми. . . . В целом до 20 лет здесь умирает меньше молодежи, чем в других местах. . . » (с. 141—142).³⁹ Привлекают Меермана и «традиционные» для путешествий в Петербург темы — катание с ледяных гор (с. 168) и балы (с. 176); сообщает он о том, что здесь «насчитывается свыше 3000 саней, запряженных одной лошадью или двумя, и стоимость поездки из одной части города в другую значительна» (с. 164).

Примечательно, что десятью годами ранее Фортиа де Пиле и Буазгелен де Кердю видели только одноупряжные наемные экипажи и сани, а стоимость поездки оценили как «очень скромную», добавляя при этом: «Кучера и ямщики обязаны носить на спине ниже ворота жестяную бляху с номером, под которым они зарегистрированы в полиции. Это украшение в дополнение к их бороде и одежде, состоящей из длинного коричневого „полулохмотья“ и пояса, смешно контрастирует с элегантными экипажами, на которых позади иногда располагаются два или три богато одетых лакея» (с. 10—11). Подобного рода заметки «с натуры» при всей своей эпизодичности и составляют

основную ценность рассматриваемых сочинений. Сопоставимые наблюдения встречаются не часто, и с этой точки зрения представляют интерес повторяющиеся описания ледяных гор на Неве, а также описания обряда водосвятия.

В дополнение к уже цитировавшимся отрывкам из книг Хавена и Йенне приведем впечатления английского историка У. Кокса,⁴⁰ наблюдавшего зимние сцены на Неве в конце 1770-х годов: «Нет ничего более веселого и своеобразного, чем зимние сцены на Неве, и едва ли проходил день без того, чтобы я поутру не прогулялся или не проехался по ней в санях. Множество экипажей и саней и бесчисленные пешеходы, непрерывно пересекающие ее, создают впечатление бесконечного потока. Лед также усеян разрозненными или собравшимися вместе группами людей, и каждый занят по вкусу, кто чем. В одной части находится несколько длинных огороженных участков для катания на коньках. Чуть дальше — огороженное место, где дворянин обучает своих лошадей разным фигурам для верховой езды. В другой части толпа наблюдает за тем, что называется санными гонками. Дорожка представляет собой вытянутый участок примерно милу длиной и достаточной ширины, чтобы повернуть сани. Это едва ли можно назвать гонкой, ибо имеются только одни сани, в которые впряжена пара лошадей, и все искусство ездока состоит в том, чтобы заставить коренную лошадь бежать рысью как можно скорее, а другая втягивается в галоп.

Ледяные горы в высшей степени распространены и представляют для населения постоянный неисчерпаемый источник развлечений. Они строятся следующим образом. На реке возводят помост высотой примерно в 30 футов с площадкой наверху, куда поднимаются по лестнице. Сверху к поверхности реки идет наклонная гладкая поверхность из досок примерно 4 ярда в ширину и 30 в длину. Она поддерживается прочными столбами постепенно уменьшающейся высоты, а по ее краям идут дощатые борта. Этот скат выложен квадратными плитами льда толщиной примерно 4 дюйма, их сначала выравнивают топором и укладывают вплотную друг к другу, а затем опрыскивают водой. Благодаря этому они срастаются и, пристав к доскам, сразу образуют наклонную плоскость из сплошного льда. От подножия этого ската лед на реке очищают от снега на длину в 200 ярдов и ширину в 4, и края этой дорожки, как и края и верх помоста, украшают пихтами и соснами. Каждый имеющий санки⁴¹ поднимается по лестнице и, достигнув вершины, садится на них у верхнего края ската, вниз по которому он позволяет им скользить со значительной быстротой, удерживая при спуске санки в равновесии. Тогда благодаря скорости, набранной на спуске, они мчатся свыше 100 ярдов по льду реки. В конце этой дорожки обычно находится другая подобная же ледяная гора, расположенная почти параллельно предыдущей и начинающаяся там, где та кончается. Человек сразу поднимается снова и таким же образом скользит вниз по другому ледяному скату. Эту забаву он повторяет сколь угодно часто. Я нередко более чем по часу простаивал у подножия этих ледяных гор, наблюдая, как санки с невероятной быстротой следуют одни за другими. Однако сам я не набрался смелости для

такого эксперимента. Единственная трудность заключается в управлении санками и удержании их в равновесии, когда они мчатся вниз по скату, ибо если сидящий на них человек не будет по неосторожности или из страха держаться прямо и уверенно, он вполне может перевернуться и подвергается немалому риску поломать кости, а то и шею. А поскольку одна-единственная оплошность могла бы оказаться роковой, я довольствовался наблюдением за развлекавшимися, сам не принимая в этом участия. Мальчики также постоянно катаются с этих гор, они скользят обычно на одной ноге, а не на двух. Эти ледяные горы придают реке приятный вид благодаря и деревьям, которыми они украшены, и движущимся людям, в определенные часы дня беспрерывно спускающимся с гор» (с. 483—485).

Путешественники дают не во всем сходную картину увеселений на Неве, но каждый из них счел нужным остановиться на устройстве ледяных гор; к 1770-м годам они образуют комплекс из двух параллельных друг другу помостов, в то время как П. Хавен в 1730-е годы говорит лишь о том, что «было три таких горы».

Если обратиться к еще более ранним источникам, то можно, по-видимому, обнаружить и естественный «прототип» этих сооружений: «Находили высокую крутую гору и зимой один ее склон сверху донизу поливали водой, затем забрасывали соломой и до тех пор повторяли это поочередно, пока не образовывался толстый лед. На вершине горы стоял стол, уставленный водкой, с которого катавшиеся получали сначала выпить на дорожку. Вместо санок для спуска использовался тонкий соломенный коврик примерно два локтя длиной и один локоть шириной. На коврик один за другим садились три человека. Первый захватывал ногами передний край коврика, чтобы он не выскользнул. Второй обнимал первого под руками и охватывал ногами туловище. Третий и последний проделывал то же самое по отношению к сидящему в середине. Когда эти трое были готовы к отъезду, подавался знак подтолкнуть их, и уж тогда от всех троих меркуриев требовалось быть особенно осторожными и все время держать ноги поднятыми вверх, если они не хотели подвергнуться риску споткнуться и покалечиться, ибо, скользя, стрелой летели вниз, и брюки, если не были прочны, рвались в клочья. Как только их толкали сверху, начинали играть литавры и трубы, звук которых сопровождался криками зрителей и самих спускавшихся. И я могу на собственном опыте подтвердить, что когда был со всеми остальными принужден также проделать этот спуск и счастливо завершил гонку, я от головокружения почти ничего не слышал и не видел». Это превосходное описание приведено во второй части «Преображенной России» ганноверского дипломата Ф.-Х. Вебера,⁴² завершившего свой трехтомный труд уже по отъезде из Петербурга (в 1719 г.), но включившего некоторые воспоминания и в эти части книги, гораздо менее известные, нежели переводившаяся на русский язык первая часть.

Одним из массовых действ, привлекавших иноземных наблюдателей своей необычностью, была церемония водосвятия в иордани 6 (17) января. Она изображена подробно и многократно. Укажем на описания первой трети XVIII в., принадлежащие голландскому

художнику и путешественнику К. де Бруину (наблюдал обряд в 1702 г.), датскому морскому офицеру и дипломату Ю. Юлю (1710), анонимному автору «Описания Санктпетербурга и Кроншлота» (1711), шведскому пленному священнику Г. Седербергу (1710-е годы), английскому дипломату Дж. Мэкензи (1719), гольштейн-готторпскому придворному Ф. В. Берхгольцу (1722 и 1724), жене английского дипломата леди Рондо (1731), англичанке Э. Джастис (середина 1730-х годов). Зрелищная сторона церемонии подана авторами очень поразному. Своеобразно и описание П. фон Хавена: «Как только в 11 часов закончилась утренняя церковная служба, императрица со знатнейшими придворными и большим числом высших священников вышла из церкви, направляясь к сооруженному на реке Неве theatrum, так плотно обнесенному столбами, что его сквозь них трудно было рассмотреть. Высокий епископ произнес там краткую речь перед присутствующими, затем совершил освящение, сопровождаемое немногими обычными обрядами. Как только это кончилось, выстрелили пушки, расставленные вокруг крепости. Каре из 6 полков, или 10—11 тысяч человек, и стоявшая на реке Неве вокруг theatrum в карауле пешая гвардия также салютовали троекратным залпом. Тем временем императрица прежней процессией отправилась в свой дворец. После освящения можно было видеть, как священники крестили на Неве множество новорожденных. Другие, молодые и старые, обнаженными прыгали в ледяную воду; два стоявших над прорубью парня их сразу вытаскивали обратно. Кроме того, некоторые люди черпали из реки воду и тут же ее выпивали или уносили домой, чтобы сохранить» (с. 62—63).

В том же 1737 г. это действо впервые наблюдал английский врач Дж. Кук: ⁴³ «Во льду проделана квадратная прорубь, каждая сторона которой длиной примерно шесть футов; около нее постлано много ковров наподобие пола, огороженных вокруг кольями, чтобы не подпускать толпу. Сверху устроен полог. По окончании службы духовенство выходит из главной церкви и образует процессию, следуя друг за другом соответственно сану, и идут по четыре или пять в ряд, всего числом в несколько сот человек. Идущие несут большую хоругвь, большой фонарь и большое изображение нашего спасителя или какого-то святого. Они шествуют в таком порядке, сопровождаемые знатными и простыми людьми, и весь путь до реки поют молитвы. Священники вступают за ограду всего с несколькими знатными людьми и там совершают другие части церемонии. Когда находят, что вода достаточно освящена, подается сигнал 1200 гвардейцам, которые окружают все это тремя рядами и тут же дают частые залпы, повторяемые трижды; затем стреляют большие пушки с крепости и также троекратно салютует около 300 орудий. Так заканчивается эта церемония, совершаемая почти одинаково по всей России. Много больных фанатиков приходит, чтобы окунуться в эту святую воду, стремясь избавиться от своих недугов, и действительно многие из них достигают желаемого, но не так, как хотели. То есть их убивает холод, ибо церемония совершается в середине зимы. Многие невежественные глупцы несут своих детей, в том числе новорожденных,

чтобы их окунуть. Детей передают священникам, которые трижды погружают их в воду с головой. Некоторые захлебываются, некоторые выскальзывают из рук священника и течением их затягивает под лед. Когда такое случается, говорят: „Бог взял их к себе“. Но еще больше умирает от холода» (с. 50—51).

П. фон Хавен и Дж. Кук, одновременно наблюдавшие одно и то же, обращают тем не менее внимание на разные детали этого зрелища. Редкое совпадение еще раз свидетельствует о субъективности восприятия. В конце 70-х годов Абель Бурья непосредственно после описания ледяных гор, которые «петербургские мужики сооружают прямо на реке», продолжает: «В день богоявления на льду рядом с берегом устраивается церемония, привлекающая не меньше народа: это освящение воды, совершаемое под окнами дворца императрицы. Высшие священники господствующей церкви располагаются на льду, где заранее проделана прорубь, тут же заполняющаяся водой. Они освящают эту воду, с множеством молитв погружая в нее крест; жители приносят своих детей, и священники их крестят, окуная в воду реки. Рядом со священниками находятся самые видные лица двора. На льду и на берегу выстроены рядами целые полки солдат, чтобы приобщиться к благословению одновременно с рекой. По окончании церемонии солдаты разряжают свои ружья, а пушки с крепости и Адмиралтейства им отвечают. . . После церемонии священники собираются у духовника императрицы, чтобы откусать с ним. На это празднество в последние годы приглашаются священники всех религий» (с. 58—59).

Спустя десяток лет Фортиа де Пиле и Буазгелен де Кердю сообщают: «Освящение воды происходит 6 января. В половине двенадцатого мы увидели, как приносят две небольших хоругви; сопровождающий их человек нес на шесте фонарь, в котором горела зажженная свеча. Затем следовало распятие без какого-либо эскорта священников. Это был весь кортеж, что не мешало народу выражать свое уважение и часто креститься. По прибытии в дворцовую церковь здесь совершили богослужение обычным образом. . . После завершения церемонии во дворце священники спустились по правой лестнице дворца, выходящей к Адмиралтейству (по Иорданской лестнице. — Ю. Б., Н. С.), пройдя через апартаменты великого князя. Через всю улицу был протянут ковер, доходивший до своего рода временного алтаря в виде открытой со всех сторон ротонды, которая возвышалась над ближайшей к дворцу частью адмиралтейского рва. По одному подразделению из всех полков гарнизона выстроилось со своими знаменами боевыми рядами от дворцового крыла до перспективы перед алтарем. . . Ранее полки присутствовали целиком на этой церемонии, которая устраивалась прямо на Неве, и долго там еще оставались, подверженные всей суровости холода. Тогда при этом присутствовал весь двор, что очень удлиняло церемонию, и госпитали переполнялись солдатами. Вполне можно поверить, что это один из мотивов, которые побудили царствующую императрицу не выходить более из своих апартаментов. . . Затем начинается церемония освящения воды: она состоит в том, что берут воду из проруби, устроенной в центре алтаря, и льют ее в некий сосуд. Митрополит окунает в воду распятие,

затем выливает ее обратно в прорубь, из которой ее взяли, откуда вновь набирают воду, коею окропляют знамена, свешиваемые над ровом. Во время этой церемонии, длящейся более получаса, поют молитвы и стреляют из пушек в крепости. . . После того как знамена возвращают на место, отряды дефилируют перед дворцом. Знаменами приветствуют императрицу, которая находится за окном в эркере, устроенном над одним из выступающих портиков ее дворца. . . Теперь уже не окунают в воду, как некогда, новорожденных, но огромная толпа спешит набрать воды, чтобы полить себе на голову или на руки, или унести ее домой. Алтарь сохраняется еще несколько дней, и многие приходят набрать воды» (с. 79—83). Как можно заметить, авторы неплохо осведомлены о предыстории наблюдаемого ритуала, ставшего при Екатерине II скорее парадным зрелищем.

* *

*

Рассматривая Россию XVIII в. в качестве одного из источников исторических и этнографических сведений о Петербурге, не будем ни переоценивать значения отдельных сочинений, ни приуменьшать те возможности, какие предоставляют исследователям даже случайные наблюдения и разрозненные замечания иностранных авторов. Петербургскую жизнь, разумеется, характеризуют и иные сведения, которые мы были вынуждены здесь опустить или только наметить, — скажем, быт знати и царский быт. Эта сторона городской жизни хорошо отражена в обследованных источниках. Опущены нами и немаловажные сведения о топографии и архитектуре города.

Петербург с самого начала был русским городом и в то же время отличался от других городов России, что прекрасно осознавали и не самые начитанные в истории нашей страны авторы-путешественники. Здесь сохранялись и видоизменялись старые традиции и возникали новые, обусловленные сугубо петербургскими реалиями (одна из них — наводнения, другая — торжества по поводу спуска нового корабля на воду; обе добросовестно зафиксированы многими иностранцами, оказавшимися свидетелями таких событий).⁴⁴

В своем обзоре мы попытались учесть главным образом «уличные» впечатления современников, показать, как отражен в России прежде всего быт широких социальных слоев. При таком подходе не всегда можно ожидать обилия сведений. В целом же обширные фонды России наряду с данными иных источников позволяют внести многие недостающие фрагменты в картину старого Петербурга.

¹ Цит. по: Гольдберг А. А., Яковлева И. Г. Коллекция «Россия» Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // История СССР. 1964. № 5. С. 92. Эта превосходная статья, написанная крупнейшими знатоками и хранителями фонда, подробно освещает историю его создания и состав. Мы сердечно благодарим И. Г. Яковлеву за помощь, оказанную при подготовке настоящего обзора.

² Bibliothèque impériale publique de St.-Petersbourg: Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères. SPb., 1873. Т. 1—2.

³ Гольдберг А. А., Яковлева И. Г. Коллекция «Россия» . . . С. 93.

⁴ Там же. С. 102.

⁵ 1-й и 2-й выпуски были первоначально напечатаны на ротаторе в 1964 и 1967 гг. Здесь мы сошлемся только на второе их издание как более полное и гораздо

более доступное: Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина: Систематический указатель / Сост. А. А. Гольдберг и И. Г. Яковлева. Вып. 1. История России с древнейших времен до конца XVII века. Л., 1982; вып. II. Образование Российской империи (1682—1725). Л., 1984. Впервые опубликован вып. III: Дворянская империя XVIII века (1725—1801). Л., 1986.

⁶ Вебер Ф.-Х. Записки о Петре Великом и его царствовании брауншвейгского резидента Вебера / Пер., предисл. и примеч. П. П. Барсова // Русский архив. 1872. Вып. 6. Стб. 1057—1168; вып. 7. Стб. 1334—1457; вып. 9. Стб. 1613—1704; Бассевич Г. фон. Записки... служащие к пояснению некоторых событий из времени царствования Петра Великого. (1713—1725) / Пер. И. Ф. Аммона, предисл. П. И. Бартенева // Там же. 1865. Вып. 1. Стб. 1—54; вып. 2. Стб. 141—204; вып. 5/6. Стб. 567—636. Имеется отдельный оттиск: М., 1866; Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера...: 1721—1725 / Пер. И. Ф. Аммона. М., 1902—1903. Ч. 1—4; Манштейн К. Г. Записки о России / [Пер. В. В. Тимошук]. Спб., 1875.

⁷ Юль Ю. Записки... датского посланника при Петре Великом (1709—1711) / Пер. Ю. Н. Щербачева, примеч. Г. А. Грозе // Чтения ОИДР. 1899. Кн. 2. отд. 3. С. 1—IX, 1—128; кн. 3. отд. 3. С. 129—442, 482—486; кн. 4. отд. 3. С. 487—598. Имеется отдельный оттиск: М., 1900.

⁸ Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны / Пер. и примеч. С. Н. Шубинского, предисл. [К. Н. Бестужева-Рюмина]. Спб., 1874.

⁹ Корберон М.-Д. де. 1) Интимный дневник... французского дипломата при дворе Екатерины II. Спб., 1907; 2) Из записок // Русский архив. 1911. Кн. 2, вып. 5, С. 27—104; вып. 6. С. 161—204.

¹⁰ Описание Санктпетербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м годах / [Пер., предисл. и примеч. А. Ф. Бычкова]. Спб., 1860 (перепечатано без «Предисловия русских издателей»: Русская старина. 1882. Т. 36. Октябрь. С. 33—60; ноябрь. С. 293—312); Описание... столичного города С.-Петербурга... / Пер. Е. Э. Либталь. Предисл. и примеч. С. П. Луппова // Белые ночи. Л., 1975. С. 197—247. Удалось установить автора второго описания: им является немец Геркенс: скорее всего, ему же принадлежит и первое.

¹¹ Петербург в 1720 году: Записки поляка-очевидца / Вступ. ст. и пер. С. А. Пташицкого // Русская старина. 1879. Т. 25. Июнь. С. 263—290.

¹² См. обзор: Беспятых Ю. Н. Иностранные описания Петербурга первой четверти XVIII в. // Вспом. ист. дисц. Л., 1987. Т. 18. С. 131—142.

¹³ Джастис Э. Три года в Петербурге / Вступ. ст., пер. и примеч. Ю. Н. Беспятых // Нева. 1988. № 5. С. 198—207.

Сведения о переведенных на русский язык иностранных сочинениях о России XVIII в. см. в справочных изданиях (правда, далеко не полных): Минцлов С. Р. Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и написанных на русском языке. Новгород, 1911. Вып. 1.; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Т. 1. XV—XVIII века. М., 1976. Имеются также статьи обзорного и библиографического характера.

¹⁴ Lescaillier D. Voyage en Angleterre, en Russie et en Suede, fait en 1775... A Paris, an VIII [1800]. P. 65. Далее соответствующие страницы цитируемых изданий указываются в тексте (в круглых скобках).

¹⁵ Algarotti F. Saggio di lettere sopra la Russia / Ed. seconda. Rivista ed accresciuta dall'autore. In Parigi, 1763. P. 85. Под разными названиями книга Ф. Альгаротти издавалась на английском (1769 и 1770), французском (1769 и 1770), голландском (1770 и 1785) языках.

¹⁶ [Burja A.] Observations d'un voyageur sur la Russie, la Finlande, la Livonie, la Curlande et la Prusse. A Berlin, 1785. P. III. Имеется также издание 1787 г.

¹⁷ Haven P. Reise udi Rusland. Kjöbenhavn, 1743. S. 138—139. Книга дважды переиздавалась на датском языке (1747 и 1757) и переведена на немецкий (1744). С этого немецкого издания был сделан перевод (неполный): Путешествие по России в 1736—1739 годах: (Из дорожных записок фон Гафена) // Северная пчела. 1863. № 150—170.

¹⁸ Ehrenmalm L. J. Rysslands tillstånd under Peter I. Об авторе и его труде см.: Беспятых Ю. Н. Сочинение Л. Ю. Эренмальма «Состояние России при Петре I» (1714 г.) // История СССР. 1984. № 5. С. 141—150. «Описание города Петербурга с несколькими замечаниями» опубликовано в статье: Беспятых Ю. Н. Страницы старинной рукописи // Нева. 1982. № 5. С. 186—189.

¹⁹ Bruce P. H. Memoirs... Containing an Account of his Travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West Indies, etc. London, 1782. Имеется немецкое издание 1784 г.; страницы, относящиеся к Петербургу, опубликованы с сокращениями, см.: Беспятых Ю. Н. Петербург в 1714 году // Блокнот агитатора. 1983. № 1. С. 56—62.

²⁰ Arne T. J. Johan Hiärne och moskoviterna // Arne T. J. Det stora svitjod. Essayer om gångna tidens svensk-ryska kulturförbindelser. Stockholm. 1917. S. 155.

²¹ Dyaryusz drogi z Wilna do Petersburga... Pana Sapiehi, starosty Bobruyskiego. [S. I. et a.]. S. [4].

²² Результатом первого посещения стал проект устройства ботанического сада в Петербурге. См.: Deschisaux P. Memoire pour servir à l'instruction de l'histoire naturelle des plantes de Russie, et à l'établissement d'un jardin botanique à Saint-Petersbourg. [S. I.], 1725; 2 ed. [S. I.], 1728.

²³ Deschisaux P. Voyage de Moscovie... A Paris, 1727. P. 18—20. 2-е издание книги было выпущено под измененным названием: Description d'un voyage fait à St. Petersburg. Paris, 1728.

²⁴ Motraye A. de la. Voyage en anglois et en françois d'A. de la Motraye en diverses provinces et places de la Prusse Ducale et Royale, de la Russie, de la Pologne... La Haye; A Londres; A Dublin, 1732.

²⁵ Justice E. A voyage to Russia... London, 1739. 2-е изд.: London, 1746. О недавно опубликованном переводе (неполном) см. примеч. 13.

²⁶ Эта веротерпимость была прежде всего «обращена лицом к Западу». См.: Семенова Л. Н. Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л., 1982. С. 157.

²⁷ Здесь, как и в других местах своего сочинения, датчанин обнаруживает хорошее знакомство с трудом Ф.-Х. Вебера. См.: Вебер Ф.-Х. Записки... Стб. 1354.

²⁸ Джастис Э. Три года в Петербурге. С. 203.

²⁹ Локоть (alen) — старинная датская мера длины, равна 0.6277 м.

³⁰ Фавн, Фаун (favn) — морская сажень, равна 1.883 м.

³¹ Bernoulli J. Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland und Pohlen, in den Jahren 1777 und 1778. Leipzig, 1780. Bd 4. Имеется переиздание 1855 г. Часть 4-го тома была напечатана в извлечениях и пересказе: Бернулли И. Записки // Русский архив. 1902. Кн. 1. С. 5—30.

³² [Weber F.-Ch.]. Das veränderte Russland... [Th. I.]. Frankfurt, 1721. S. 445—490. Это описание заимствовано дипломатом у Геркенса, но дополнено собственными более поздними наблюдениями, в том числе бытового характера. В русский перевод первой части «Преображенной России» описание не вошло.

³³ Richard J. A tour from London to Petersburg, from thence to Moscow, and return to London by way of Courland, Poland, Germany, and Holland. London, 1780. Переиздано в 1781 г.

³⁴ Chantreau [P.-N.]. Voyage philosophique, politique et litteraire, fait en Russie pendant les annees 1788 et 1789... A Hambourg, 1794. Vol. 1.

³⁵ [Fortia de Piles A., Boisselin de Kerdu L.]. Voyage de deux françois en Allemagne, Danemarck, Suède, Russie et Pologne fait en 1790—1792. Paris, 1796. Vol. 3. P. VIII.

³⁶ Jennes Reisen von St. Petersburg bis Malta und von der Donaumündung bis in den Quadalquivir... Frankfurt; Leipzig, 1790. Th. 1.

³⁷ Имеется анонимное же немецкое переложение этого тома: Zeichnungen eines Gemähltes von Russland: Entworfen auf einer Reise durch das russische Reich. M.; SPb., 1798.

³⁸ Meerman J. Eenige Berichten omtrent het Noorden en Noord-Oosten van Europa. Graavehag, 1805. Vol. 4. Имеются также немецкие издания 1810 и 1811 гг.

³⁹ В своей более ранней книге о России Меерман также опирается на статистику Крафта (с. 175—176), уточняя, что на 1800 г. численность населения столицы составляла 250 тыс. человек, в их числе 1800 англичан (Meerman J. Rusland, beschouwd mit Betreking tot zijne aardrijkskundige Ligging, Grond en Luchtgesteldheid... Haarlem, 1804). К этому изданию приложены два листа, гравированные Й. Е. Маркусом и изображающие «Зимние увеселения в Петербурге» (ледяные горы на Неве) и «Летние увеселения в Петербурге» (два «колеса» с четырьмя людьми на фоне Мраморного дворца). В целом изобразительный материал в России XVIII в. невелик, и к тому же «графическим работам иностранных мастеров свойствен чисто внешний, иллюстративный, костюмно-этнографический подход к явлениям русской народной жизни» (Иткина Е. И. Русская серия гравюр А. Дальштейна 1750-х годов // Памятники культуры :

Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. 1981. М., 1983. С. 270). Хорошо известен альбом И.-Г. Гейсслера (*Geissler J.-G. Mahlerische Darstellungen der Sitten, Gebräuche und Lustbarkeiten bei den russischen, tatarischen, mongolischen und anderen Völkern im russischen Reich...* Leipzig, [1804]), где ряд бытовых сцен показан на петербургском фоне. Менее известны гравюры А. Дальштейна (в России был с мая 1749 по 1753 г.), оставившего серию листов петербургских «криков», и Ж. Б. Лепренса (в России в 1758—1762 гг.), который представляет идеализированные «народные картинки», например л. 22 — «Охтенская торговка яйцами», датированный 1765 г. (титulusный лист альбома озаглавлен: «Divers ajustements et usages de Russie... Dessinés en Russie d'après nature et gravés à l'eau forte par J. B. Le Prince»). Имеются отдельные графические листы (например, эрмитажные акварели М.-Ф. Дамам-Деметре «Прогулка в саях на Симеоновском мосту»), а также гравированные издания, отражающие русский быт конца XVIII—начала XIX в. (Д.-А. Атकिनсон, Ж. Девиаль, Ж. Делабарт), но последние не связаны с Петербургом.⁴⁰ *Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark. Interspersed with historical relations and political inquiries.* London, 1784. Vol. 1. Труд к 1802 г. выдержал не менее 6 английских изданий и был переведен на немецкий (1785—1792), французский (1786, 1787, 1805), голландский (1788—1791), итальянский (1790, 1792) и шведский (1789, сокращенное издание) языки. В русском переводе или пересказе неоднократно публиковались отрывки из этого капитального сочинения. Помещаемая нами цитата ранее не переводилась на русский язык.

⁴¹ «Нечто подобное подносу мясника, как доктор Кинг верно отмечает в своей оригинальной брошюре о влиянии холода в России» (примечание У. Кокса). Это глухая ссылка на одно из сочинений священника английской фактории в Петербурге Джона Глена Кинга: *King J. G. A letter to... the Lord Bishop of Durham containing some observations on the climate of Russia and the Northern countries, with a view of the flying mountains of Zarsko Sello near St. Petersburg.* London. 1778. P. 17. Имеется немецкий перевод в кн.: *King J. G. Bemerkungen über Russland und die Krimm...* Leipzig, 1788.

⁴² *Weber F.-Ch. Des Veränderten Russlands zweyter Theil...* Hannover, 1739. S. 162—163.

⁴³ *Cook J. Voyages and travels through the Russian Empire, Tartary, and Part of the Kingdom of Persia.* Edinburgh, 1770. Vol. 1. 2-е издание вышло в 1778 г.

⁴⁴ См.: *Беспятых Ю. Н., Сухачев Н. А.* 1) Первые в истории города // *Нева*. 1985. № 3. С. 188—191; 2) Самое разрушительное // Там же. 1987. № 6. С. 195—198; *Беспятых Ю. Н., Квятковский И. А.* «Корабль вбежал в Неву...» // Там же. 1984. № 1. С. 185—189.



А. С. МЫЛЬНИКОВ
**ВЫХОДЦЫ ИЗ СЛАВЯНСКИХ ЗЕМЕЛЬ
В ПЕТЕРБУРГЕ
(XVIII—начало XIX в.)**

С первых лет существования Петербурга среди его жителей появились и представители зарубежных славянских народов. Это в целом недостаточно изученное явление представляет существенный этнографический и историко-культурный интерес, прежде всего как свидетельство повседневного, непосредственного межславянского общения. Надо заметить, что до сих пор на это обстоятельство должного внимания не обращалось. Как правило, в работах по вопросам русско-славянских связей преимущественно рассматриваются контакты в области науки и искусства, т. е. в сфере так называемой профессиональной культуры (некоторое исключение составляют исследования славянского фольклора, хотя общая направленность их имеет несколько иной характер). Между тем усилившийся в последние годы интерес к народной культуре делает актуальным рассмотрение и другого аспекта названной темы, а именно — развития и характера прямых межнациональных (в нашем случае межславянских) контактов на уровне народной (в нашем случае городской) среды.

Не претендуя, разумеется, на сколько-нибудь исчерпывающее освещение этой проблематики, изучение которой едва начинается, мы хотели бы остановиться на некоторых ее аспектах, основываясь на материалах Петербурга XVIII—первых десятилетий XIX в. Намеченные хронологические рубежи не случайны. Они в общих чертах соответствуют периоду наметившегося интенсивного процесса становления наций и национальных культур славянских народов, а для большинства южных и западных славян — и первому этапу национально-освободительного движения против социального и национального угнетения в Габсбургской монархии и Османской Порте.

Переселение представителей южных и западных славян в Россию или их временное пребывание здесь имело давнюю историю. Однако сравнительно массовый характер эти процессы приобрели на рубеже XVII—XVIII вв., совпав в значительной степени со временем основания Петербурга как новой столицы империи. Этому способствовал ряд факторов. С одной стороны, превращение России в одну

из ведущих мировых держав делало ее в глазах угнетенных масс зарубежного славянства естественным союзником и защитником. Для южных славян дополнительным стимулирующим обстоятельством были конфессиональные моменты, на значимость которых со всей определенностью обращал внимание Ф. Энгельс. Пока, подчеркивал он, христианские подданные Османской Порты (а славяне составляли среди них подавляющее большинство) «остаются под игом турецкого владычества, они будут видеть в главе греко-православной церкви, в повелителе шестидесяти миллионов православных, кем бы он ни был в других отношениях, своего естественного освободителя и покровителя».¹

С другой стороны, издавна бытовавший в русском обществе интерес к зарубежным славянам, отразившийся в летописях, хронографах и литературно-публицистических произведениях предшествующих веков, порождал славянские мотивы политики Петра I. Этот сложный и до конца еще не осмысленный вопрос заслуживает особого освещения, что выходит за рамки стоящих перед нами задач. Поэтому назовем лишь несколько примеров, свидетельствующих о сознательном стремлении Петра I использовать языково-культурную близость русских и остальных славян: поиски для задуманной в Петербурге Академии наук зарубежных ученых из славянской среды, направление в 1716 г. группы русских переводчиков в Прагу, вербовка в славянских землях специалистов по горному делу и промышленности, моряков, врачей и т. д.² Многие из лиц, откликнувшихся на призыв Петра I, оставили заметный след в жизни России. Так, ближайшим сподвижником императора стал серб Савва Лукич Рагузинский, происходивший из боснийского княжеского рода Владиславичей.

В 1727 г. из южнославянских переселенцев было решено сформировать Сербский гусарский полк, которому поручалась охрана южных границ России и отводились земли вокруг Бахмута. Поскольку переселение балканских славян продолжалось, в 1751—1752 гг. для них были выделены земли и учреждены два административно-военных района: Славяносербия (с центром в Бахмуте) и Ново-Сербия (с центром в Ново-Миргороде). Часть черногорцев осела в Самарской и Оренбургской губ. Южнославянские переселенцы служили в рядах русской армии и героически сражались во время Семилетней и русско-турецких войн конца XVIII в. и позднее.³ Такова была обстановка, на фоне которой в составе петербургского населения появились выходцы из зарубежных славянских земель.

С точки зрения своего статуса они могут быть разделены на две категории: лица, прибывавшие в Петербург на постоянное или по крайней мере длительное жительство, и те, кто наведывался сюда с деловыми или познавательными целями на сравнительно короткое время.

К первой категории относились люди разного социального положения: ремесленники, купцы, лица свободных профессий. Если сведения о последних, хотя и далеко не полно, зафиксированы в литературе, то о ремесленниках и купцах славянского происхождения известно несравненно меньше. Однако те и другие в Петербурге проживали,

как это по материалам пореформенного периода убедительно показала Н. В. Юхнева на примере словацких жестянщиков.⁴ Однако до середины XIX в., а тем более в начальный период существования Петербурга подобные социальные группы славянского происхождения были малочисленны. Впрочем, вопрос этот нуждается в дополнительной разработке.

Трудность заключается вовсе не в отсутствии источников. Наоборот, соответствующие документы отложились в фондах ЦГИА СССР и других центральных и местных архивов. Однако этническая принадлежность здесь указана не всегда четко, а чаще всего и вовсе не отмечена, поскольку заменялась упоминанием вероисповедной принадлежности. При этом нередко фамилии записывались искаженно, а многие ремесленники и коммерсанты славянского происхождения причислялись по месту их происхождения или предшествующей деятельности к выходцам из немецких земель. Несомненно, выявление фактических, в том числе статистических, сведений об этой части петербургского населения остается важной задачей дальнейшего историко-этнографического изучения Петербурга.

Что же касается лиц свободных профессий, то появление их в составе постоянного населения города, если отвлечься от отдельных случаев более раннего времени (например, приглашение Петром I польских волынщиков⁵), в основном относилось ко второй половине XVIII в. Так, в 70—80-е годы в Петербург переселилось несколько деятелей искусства чешского и польского происхождения. В конце 1770-х годов сюда переехал чешский музыкант Ян (Иван) Богумир Прач, занявшийся преподаванием в Смольном институте и в театральном училище.⁶ В следующем десятилетии в Петербурге обосновалась группа артистов из Праги, где она выступала в труппе известного деятеля чешской сцены И. Бруниана. Среди них выделялись актрисы Эдмунда Тиллева-Шольцова и Жофия Шредерова.⁷ В 1797 г., по-видимому, по личному приглашению Павла I, на постоянное жительство в Петербург переехал чешский художник Фердинанд Мартин Хватал, известный в России под фамилией Квадал.⁸ В 1804 г. он был удостоен звания академика русской Академии художеств, оставаясь на положении вольного мастера.⁹ Умер он в 1808 г., причем в 1817 г. вдова Квадала, как явствует из документов, проживала в третьем квартале Второй петербургской части, в доме № 77 (в настоящее время — переулок Антоненко). Возможно, однако, что после смерти мужа она переменила адрес, поскольку оказалась в трудном материальном положении (спустя 20 лет она жила уже в первом квартале, в доме Малиновского).¹⁰ Душеприказчиком Квадала был купец Иван Граб — судя по фамилии, вполне возможно, также чешского происхождения.¹¹

В конце XVIII—начале XIX в. в Петербурге поселилось несколько видных деятелей польской художественной культуры: композитор Ю. Козловский (с 1790 г.), художники А. Орловский (с 1802 г.) и Ю. Олешкович (с 1810 г.) и др. В конце 1820-х годов в Петербург переехали живописец В. Ванькович и выдающаяся пианистка и композитор М. Шимановская — она сняла квартиру в доме купчихи Пень-

тешевой (ныне улица Ракова, 15).¹² В 1824 г. в Петербург прибыл гениальный польский поэт А. Мицкевич, который провел здесь примерно год.

В эти десятилетия в Петербурге разворачивается деятельность и ряда представителей зарубежной славянской научной интеллигенции. Среди них заметную роль сыграл «карпаторусс» (украинец с территории Словакии) М. А. Балугьянский, переехавший с семьей в конце 1803 г. и вскоре принявший российское подданство. Он был определен профессором политических наук Педагогического института — будущего Петербургского университета, первым ректором которого и стал. В последующие десятилетия (а он умер в 1847 г.) М. А. Балугьянский вел активную преподавательскую деятельность и принимал ближайшее участие вместе с М. М. Сперанским в подготовке Свода законов Российской империи. Среди учеников М. А. Балугьянского были А. И. Куницын и А. И. Галич, лекции которых в Царскосельском лицее слушал и юный А. С. Пушкин, и будущий ректор Петербургского университета П. А. Плетнев.¹³ Проживая в Петербурге, М. А. Балугьянский поддерживал контакты с рядом представителей зарубежной славянской общественности и, как нам удалось установить по архивным источникам, явился одним из первых в России исследователей истории славянской культуры.¹⁴

Особую группу славянского населения города составляли учащиеся. В 1751 г. на обучение в Кадетский корпус был принят серб Николай Войнов, ранее учившийся в Киевской духовной академии. Его отец, переехавший в Россию еще за несколько лет до этого, вплоть до выхода в отставку служил поручиком Сербского гусарского полка.¹⁵ В последующие годы такие случаи участились. Как видно из перечня 1758 г., в Кадетский корпус было определено 13 черногорских юношей, а в следующем году принят еще один (И. Савич).¹⁶ В начале XIX в. южнославянская молодежь обучалась и в гимназиях. Один из них, Д. Момирович, впоследствии находился на государственной службе и в 1839 г. написал «Краткую историю и географию Сербии».¹⁷

К сожалению, в настоящее время еще нет сколько-нибудь достоверных статистических данных о количестве и этническом составе западно- и южнославянского населения Петербурга.

Ко второй категории — временно проживавших в Петербурге представителей зарубежного славянства — относились преимущественно коммерсанты, артисты-гастролеры, путешественники, а также лица, прибывавшие с дипломатическими заданиями. Особо следует упомянуть высших чинов православного южнославянского духовенства, добивавшихся от России финансовой и иной помощи, а также поддержки национально-культурного движения своих народов. Несколько раз, например, побывал в Петербурге с подобными целями черногорский митрополит Василий Петрович. Здесь же он и скончался весной 1766 г. во время последнего путешествия, формальной целью которого было запоздавшее поздравление Екатерины II с восшествием на престол. Православные иерархи приезжали не одни, а в сопровождении помощников и обслуживающего персонала, однако сведения об этом далеко не всегда фиксировались в источниках. В литературе, в част-

ности, выдвигалось предположение, что в числе сопровождающих лиц находился Степан Малый, правивший позднее, в 1767—1773 гг., Черногорией под именем русского императора Петра III.¹⁸ Один из его ближайших и самых верных приверженцев, скотовладелец Марко Танович, действительно побывал в России в 1750-е и начале 1760-х годов. По его рассказам, весной 1762 г. он был принят императором, который будто бы обласкал его и даже пил за здоровье черногорцев. Трудно судить о достоверности подобных деталей рассказа М. Тановича, однако он все же поддается косвенной проверке. Дело в том, что нам удалось выявить официальное свидетельство, согласно которому по личному поручению Петра III русский посол в Вене Д. М. Голицын вручил послу Республики Венеции 30 мая 1762 г. протест по поводу притеснения православных славян, проживавших в венецианских пределах.¹⁹ Этот малоизвестный, но любопытный факт, противоречащий созданной Екатериной II легенде о Петре III, может служить подтверждением того, что в основе рассказа М. Тановича могли лежать какие-то подлинные факты.²⁰

Важную роль в развитии чешско-русских, а отчасти и межславянских культурных связей сыграло путешествие в Россию великого чешского слависта Й. Добровского, совершенное им за счет Чешского общества наук совместно с минералогом и пражским меценатом гр. И. Штернбергом. В Петербург они прибыли из Стокгольма через Финляндию 17 августа 1792 г.

Й. Добровский вместе с И. Штернбергом посещал Академию наук, где они, в частности, беседовали с академиками П. С. Палласом и И. Г. Стриттером. Кроме того, чешский славист изучал славянские рукописи и старопечатные книги в библиотеках Академии наук и Александрово-Невской лавры, а также и в некоторых частных собраниях. Й. Добровский встречался, например, со знаменитым коллекционером А. И. Мусиным-Пушкиным, жившим тогда еще в Петербурге, и знакомился с рукописями его коллекции.²¹ В октябре Добровский направился в Москву, а в начале следующего года выехал оттуда на родину.

И. Штернберг оставался в Петербурге дольше, поселившись в отеле «Лондон». Отсюда он выезжал в Петрозаводск, Архангельск и некоторые другие внутренние губернии, а 17 марта, не получив официального разрешения, направился в Москву. По прямому указанию Екатерины II он был выдворен за границу. Почти одновременно с ним в Петербурге проживал известный польский композитор М. К. Огиньский. «Какой город, мой дорогой друг! — делился он своими впечатлениями о Петербурге с женой в письме от 3 января 1793 г. — После того как я видел Лондон, Берлин, Дрезден и Вену, я все же был поражен, проезжая по широким улицам этой столицы, еще не существовавшей сто лет тому назад».²²

Какие же этнокультурные следствия вытекали из подобных как длительных, так и кратковременных контактов? Конечно, они способствовали развитию прямых русско-славянских связей. За несколько лет до своего последнего посещения Петербурга Василий Петрович написал «Историю о Черной горе». Эта небольшая по объему книжка

(в ней всего 43 страницы) была издана в типографии Петербургской Академии наук в 1754 г. Замысел автора был сформулирован в посвящении книжки вице-канцлеру М. И. Воронцову — чтобы «с народом нашим черногорским и другие славеносербские народы усерднейшее желание имели к высокославной Российской империи».²³ Василий Петрович знакомил русского читателя с географией и историей Черногории, экономическим положением страны, которую он рассматривал не изолированно, а как часть истории сербского народа.

Пребывание в Петербурге славянских авторов, установление контактов с деятелями русской науки и литературы способствовали тому, что уже в XVIII в. Петербург стал важным центром зарождавшегося славяноведения, сыгравшего заметную роль в развитии межславянского сотрудничества. Это в свою очередь приводило к установлению тесных связей между представителями русской и зарубежной славянской культуры с взаимным обогащением обеих сторон.

В качестве примера сошлемся на И. Прача и Ю. Козловского — представителей чешского и польского искусства, обосновавшихся на постоянное жительство в столице. Вместе с видным деятелем русской культуры Н. А. Львовым чешский музыкант составил и издал в 1790 г. «Собрание народных русских песен с их голосами». Часть песен, вошедших в сборник, была заимствована из вышедшего еще в 1776 г. аналогичного издания В. Ф. Трутовского. Роль И. Прача заключалась главным образом в том, что он гармонизировал русские народные напевы. «Собрание» является своеобразным памятником русско-чешского сотрудничества.²⁴ Во многом сходные черты несет в себе и творчество Ю. Козловского. Участник штурма Очакова, он создал в честь взятия русскими войсками под командованием А. В. Суворова в декабре 1790 г. турецкой крепости Измаил полонез «Гром победы, раздавайся». Впервые исполненное в петербургском Таврическом дворце в 1791 г., это произведение на несколько десятилетий стало фактически русским гимном.²⁵

Включение в новую духовную среду нередко оказывало заметное воздействие на характер творчества представителей зарубежного славянского искусства. Любопытна с этой точки зрения судьба Ф. М. Квадала. Чешский художник, выступавший в различных жанрах (он был анималистом и баталистом, создавал натюрморты, делал офорты и т. д.), до переезда в Россию успел побывать в Италии, Франции, Англии и других странах Европы. В этот период он преимущественно работал в стиливой манере барокко (особенно в Чешских землях).²⁶ Оказавшись в Петербурге, Хватал сменил не только свою фамилию, но и манеру письма, перейдя к классицизму. На это, несомненно, оказали влияние как вкусы заказчиков его картин, так и более глубокие причины — отход русского искусства от поэтики барокко в направлении классицизма (и преромантизма). Ряд заказных картин, написанных Ф. М. Квадалем, имел официозный характер. Среди них, например, можно назвать картину, изображавшую сцену коронования Павлом I его жены императрицы Марии Федоровны. Эту картину в 1809 г. приобрел кн. А. Б. Куракин. После смерти Ф. М. Квадала, как видно из документов, его вдова пыталась продать другую картину,

«представляющую коронавание блаженной памяти императора Павла Первого». Согласно определению Сената от 26 апреля 1817 г., «сия картина многодельна и художник сам ценил ее весьма дорогою ценою».²⁷

Понятно, что особый историко-этнографический интерес представляют записи впечатлений выходцев из славянских земель о Петербурге — об общем облике города, о нравах и обычаях населения, о повседневной жизни столицы страны. Такие впечатления наиболее яркими были у людей, привыкших к иному стилю жизни и оказывавшихся в Петербурге на сравнительно короткое время. Эти материалы встречаются, хотя нередко носят чрезмерно обобщенный характер — примером может служить приведенный выше отрывок из письма М. К. Огиньского, хотя и оно, конечно, примечательно. С названной точки зрения наиболее ценными являются соответствующие разделы «Замечаний о России» И. Штернберга. Хотя в целом автор при сравнении Петербурга с Москвой отдает явное предпочтение последней, пятый раздел книги полностью посвящен описанию Петербурга и пригородных мест, в том числе Царского Села и Павловска. По замыслу Петра, писал И. Штернберг, Петербург должен был стать ключом к развитию экономики и торговли страны. Однако к концу XVIII в. он превратился в центр деспотизма и уподобился Древнему Риму. Приводя краткую историческую справку об истории основания и развития города, Штернберг подробно характеризует его быт и общественно-культурную жизнь. Эта сторона интересов чешского путешественника весьма показательна — он внимательно наблюдал за жизнью простого народа, в том числе крестьянства, к которому относился с симпатией, и сочувствовал тяжелому положению крепостных. В этих вопросах его многое роднит с А. Н. Радищевым, с книгой которого он, судя по всему, был знаком.

В то же время И. Штернберг описывает и жизнь великосветского общества, а также «большого двора» Екатерины II и «малого двора» цесаревича Павла Петровича. К первому он относится критически, ко второму — с симпатией: это свидетельствовало о том, что автор как сторонник идей «просвещенного абсолютизма» возлагал иллюзорные надежды на Павла.²⁸

Контакты представителей общественной мысли и культуры русского и зарубежных славянских народов получили дальнейшее углубление в годы вызревания революционных идей декабризма. Так, К. Ф. Рылеев проявлял живой интерес к освободительному духу польской поэзии, а полковник русской армии чех В. И. Враницкий стал одним из активных участников движения декабристов.²⁹ Усилившаяся переписка русских писателей и ученых с их польскими, чешскими, словацкими и южнославянскими коллегами органично дополняла те контакты, которые устанавливались между многими из них в Петербурге или во время посещения русскими зарубежных славянских культурных центров, в особенности Праги.

Важным аспектом таких контактов было личное знакомство деятелей русской художественной культуры с писателями, музыкантами и другими представителями славянской творческой интеллигенции. Эту

черту хорошо выразил поэт И. И. Дмитриев в четверостишии, посвященном первому приезду в столицу М. Шимановской:

«Таланты все в родстве: источник их один;
Для них повсюду мир; нет ни войны, ни грани;
От Вислы до Невы, чрез гордый Аппенин —
Они взаимно шлют приязни братской дани».³⁰

После ее окончательного переезда в 1828 г. в Петербург дом Шимановской превратился в художественный салон, в котором частыми посетителями были А. С. Пушкин и А. С. Грибоедов, В. А. Жуковский и М. И. Глинка. Глубоко символично, что живший в Петербурге польский художник В. Ванькович создал портреты двух величайших славянских поэтов — А. С. Пушкина и А. Мицкевича.

Столь же закономерным явилось и то, что Петербург как город, в котором развивались непосредственные контакты между передовыми представителями русского общества и деятелями прогрессивных движений в славянских землях, превратился в последующие десятилетия в средоточие межславянских революционных связей. Эта тема, отчасти уже освещенная в литературе, заслуживает самостоятельной комплексной разработки.³¹

В целом пребывание в Петербурге выходцев из южно- и западно-славянской среды оставило заметный след в развитии русско-славянских научных, литературных и общественно-культурных контактов. Оно способствовало углублению осведомленности русского общества об остальных славянских народах и в свою очередь распространению знаний о России, русском народе и его культуре в зарубежной славянской среде. Поэтому очерченный круг вопросов представляет немаловажное значение для более полного освещения характера межславянских народных контактов и этнодемографической и культурной ситуации в Петербурге рассматриваемого периода.

В связи с этим хотелось бы остановиться на некоторых эвристических аспектах такого изучения. Выше уже отмечались трудности, возникающие при обращении к источникам, особенно архивным (их разновидности и пути выявления были охарактеризованы нами подробнее в одной из предшествующих работ).³² Добавим, что для нашей темы интерес представляют данные о месте проживания и роде занятий выходцев из зарубежных славянских земель, прежде всего, разумеется, для тех из них, кто обосновывался в Петербурге навсегда или хотя бы на длительное время.

Возникает вопрос: складывались ли при этом какие-то организационные формы, объединявшие выходцев из славянских земель, наподобие, скажем, немецкого землячества? Со всей определенностью ответить на этот вопрос пока сложно не только в силу относительной малочисленности славян в составе Петербурга рассматриваемого периода, что, естественно, затрудняло возможность появления земляческих союзов, но и из-за неразработанности самой темы. Тем не менее отдельные факты, которыми мы в настоящее время располагаем, позволяют утверждать, что тенденции к профессиональным или национально-культурным объединениям жителей разных славянских национальностей существовали. Кроме упоминавшегося выше случая

территориального (соседского) объединения словацких ремесленников, описанного Н. В. Юхневой, но относящегося к чуть более позднему времени, сошлемся на земляческие связи петербургских поляков.

Одним из центров их объединения была местная католическая церковь, в частности Римско-католическая коллегия. В 1846 г. она приобрела у наследников Г. Р. Державина его дом (Набережная реки Фонтанки, 118) и прилегающий земельный участок, выходящий на нынешнюю 1-ю Красноармейскую улицу.³³ До сих пор сад, расположенный здесь, именуется у ленинградских старожилов польским.

Тяга поляков петербургской диаспоры к национально-культурному объединению проявлялась и в литературных формах. Ярким подтверждением сказанному служат комплекты двух рукописных журналов на польском языке — «Меркурий» («Merkuriusz») и «Северный дневник» («Pamiętnik północny»), хранящиеся в собрании Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.³⁴ «Меркурий» выпускался дважды в неделю с 18 (30) ноября по 19 (31) декабря 1840 г. В конце последнего, восьмого номера сообщалось, что с 1 января 1841 г. журнал продолжится под названием «Северный дневник». В комплекте сохранилось 10 номеров, последний датирован 1 апреля того же года.

Оба журнала выпускались группой поляков, проживавших в Петербурге. Во главе редакции стояли К. Матковский, Л. Зенкович и Т. Билевич. Фамилии участников кружка (всего названо 13 человек) приведены на общем титульном листе, датированном более поздним временем — 1847 г.³⁵ Не исключено, что это свидетельствовало о сохранении связей между членами кружка и в дальнейшем, после апреля 1841 г.

«Меркурий» и «Северный дневник» носили отчетливо выраженный национальный характер, о чем со всей определенностью заявлялось уже во вводной статье к первому журналу: «Наша земляческая жизнь, наш малый общественный круг, малый численно, но большой и богатый духовно, по необходимости нуждается в каком-то внешнем проявлении».³⁶ В обоих журналах помещены прозаические и стихотворные произведения, критические статьи и разборы литературных сочинений. Члены кружка шли в русле современной им польской романтической литературы, о чем, в частности, свидетельствовали эпиграфы из знаменитых «Крымских сонетов» А. Мицкевича. Это, несомненно, заключало в себе глубинный смысл, поскольку герой сонетов — пилигрим, странствуя на чужбине, тоскует о своей далекой родине.

Наряду с выявлением подобных материалов внимания заслуживают такие архивные источники, как ревизские сказки, а для конца XVIII в. и последующих десятилетий — списки жителей и — в тех случаях, когда они заводились, — послужные (формулярные) списки. В них, хотя и редко, отмечалось и этническое происхождение.³⁷

При обращении к источникам необходимо принимать во внимание еще одно существенное обстоятельство — связи, которые у зарубежных славян складывались не только с коренным, но и с иностранным

населением Петербурга. При всей кажущейся очевидности этот аспект далеко не всегда учитывается в литературе. В качестве примера, подтверждающего сказанное и примечательного с фактической и методической точек зрения, сошлемся на контакты чешских путешественников И. Штернберга и И. Добровского с представителем происходившей из Штетина и обосновавшейся в середине 1780-х годов в Петербурге немецкой купеческой семьи Бландов Самуэлем Фридрихом. Подробнее об этом нам уже приходилось писать,³⁸ однако в то время вне поля нашего зрения оказались генеалогические данные о петербургских Бландовых, опубликованные А. Бакстромом в 1973 г.³⁹ Между тем они не только подтверждают сведения, почерпнутые нами из архивных источников, но и позволяют представить состав купеческой семьи в конце XVIII в. В частности, А. Бакстром указывает, что семья эта состояла из четырех братьев, в том числе упомянутого С. Ф. Бландова (или Бланда) и главы фирмы «Братья Бландовы» Иогана Якоба. Правда, по нашим сведениям, он числится в «Ведомости о записавшихся в Санктпетербургское купечество разных лиц» за 1785⁴⁰, а не 1786 г., как значится у А. Бакстрема. По-видимому, у них была сестра Каролина Шарлотта, состоявшая в браке с петербургским купцом и партнером фирмы Иоганом Фридрихом Гроотом, а впоследствии — с купцом Иоганом Михаэлем Фридрихом Вертманом, уроженцем немецкого города Вольгаст. До 1794 г. она значилась совладелицей компании своего второго мужа.⁴¹

Приведенные данные представляют некоторый интерес для выяснения той среды, с которой так или иначе оказались связанными И. Штернберг и И. Добровский по прибытии в 1792 г. в Петербург. С. Ф. Бландов дал им несколько рекомендательных писем в Москву, одним из поручителей И. Штернберга был также находившийся в Петербурге шведский капитан Норберг. Оба они оказались весьма примечательными личностями. С. Ф. Бландов отличался передовыми, а по мнению С. Р. Воронцова, даже «якобинскими» взглядами.⁴² Норберг до появления в Петербурге служил у сибирских заводчиков братьев Походяшиных. Младший из них, Г. М. Походяшин, свою часть капитала в размере 50 тыс. руб. пожертвовал в 1787 г. Н. И. Новикову для организации помощи голодавшим крестьянам.⁴³ Оба поручителя чешских путешественников, таким образом, были близки к передовым кругам русского общества. Они информировали И. Штернберга и И. Добровского о судьбе Н. И. Новикова и А. Н. Радищева, с запрещенной к тому времени книгой которого «Путешествие из Петербурга в Москву» С. Ф. Бландов и познакомил в Петербурге И. Штернберга. Этот вывод удалось сделать, именно используя источники о петербургских контактах И. Штернберга и И. Добровского. Такой своего рода «фланговый» подход к материалам о зарубежных славянах в Петербурге, учитывающий более широкий этнокультурный контекст и, разумеется, методически уточняемый в каждом конкретном случае, способен дать эффект при изучении названной темы. Ее дальнейшая разработка представляет несомненный научный и общественно-культурный интерес.

- ¹ Энгельс Ф. Что будет с европейской Турцией? // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 9. С. 31—32.
- ² Флоровский А. В. Чехи и восточные славяне : Очерк по истории чешско-русских отношений (X—XVIII вв.). Прага, 1947. Т. 2. С. 428—438; Княжецкая Е. А. Связи России с Далмацией и Бокой Которской при Петре I // Советское славяноведение. 1973. № 5. С. 47—48; Мыльников А. С. Русские переводчики в Праге : 1716—1721 гг. // XVIII век. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. Л., 1974. С. 279—288; там же библиография вопроса.
- ³ Бажова А. П. Русско-югославянские отношения во второй половине XVIII в. М., 1982. С. 118 и след.
- ⁴ Юхнева Н. В. Словацкие жестянщики в Петербурге // СП. С. 114—128.
- ⁵ Stählin J. Nachrichten von der Musik in Russland 1770 // Stählin J. Zur Geschichte des Theaters in Russland. Nachrichten von der Tanzkunst und Balletten in Russland. Nachrichten von der Musik in Russland. Nachdruck. Leipzig, 1982. S. 11—79, 80.
- ⁶ Финдейзен Н. Ф. Два старейших печатных сборника народных песен // Сборник статей в честь А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 45—48.
- ⁷ Vávra J. Pražský žurnalista, dramatik a herec v Moskvě před 150 lety // Slovan-ský přehled. 1956. № 5. С. 159.
- ⁸ Некрасова Е. Забытый чешский художник : К вопросу о русско-чешских связях XVIII—XIX вв. // Искусство. 1980. № 8. С. 59—63.
- ⁹ ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 1, № 2222, л. 2 об.
- ¹⁰ Там же. № 2074, л. 2; № 2222, л. 1.
- ¹¹ Там же, № 2074, л. 2; № 2222, л. 2.
- ¹² Бэлза И. Ф. Мария Шимановская. М., 1956. С. 104.
- ¹³ Косачевская Е. М. М. А. Балугьянский и Петербургский университет в первой четверти XIX в. Л., 1971. С. 78.
- ¹⁴ Мыльников А. С. Новое о славистических интересах М. А. Балугьянского // Славянская филология : К XX международному съезду славистов. Межвузовский сборник. Л., 1988. Вып. 6. С. 14—24.
- ¹⁵ Политические и культурные отношения России с югославянскими землями в XVIII в. : Документы. М., 1984. С. 149.
- ¹⁶ Там же. С. 220, 237.
- ¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 735, оп. 2, № 97, л. 1—2.
- ¹⁸ См.: Фрейденберг М. М. Степан Малый из Черногории // Вопросы истории. 1975. № 10. С. 118—132; там же библиография вопроса.
- ¹⁹ АВПР, ф. Сношения России с Австрией, 1762 г., № 398, л. 23.
- ²⁰ Мыльников А. С. Легенда о русском принце : Русско-славянские связи XVIII в. в мире народной культуры. Л., 1987. С. 132—133.
- ²¹ Мыльников А. С. «Слово о полку Игореве» и славянские изучения конца XVIII—начала XIX в. // Вопросы истории, 1981. № 8. С. 45; Myl'nikov A. S. Zu einigen kulturhistorischen Aspekten der slawisch—deutschen Wissenschaftsbeziehungen Ende des 18.—Anfang des 19. Jh. // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin, 1982. Bd. 25/2. S. 123—138. В этих работах приведена библиография вопроса.
- ²² Цит. по: Бэлза И. Ф. Пути развития русско-польских музыкальных связей // Русско-польские музыкальные связи. М., 1963. С. 23.
- ²³ Петровић В. Историја о Црној Цетиње; Титорад, 1985. С. 24.
- ²⁴ Финдейзен Н. Ф. Два старейших печатных сборника. . . С. 48.
- ²⁵ Бэлза И. Ф. Пути развития. . . С. 21.
- ²⁶ Seifertová-Korecký H. Barokní zátiší v Čechách a na Moravě // Umění. 1970. N 1. S. 24, 26.
- ²⁷ ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 1, № 2074, л. 3 об.
- ²⁸ Sternberg I. Bemerkungen über Russland auf einer Reise gemacht in Jahre 1792 und 93 mit statistischen und meteorologischen Tabellen. [Dresden], 1794. S. 137, 157—172.
- ²⁹ Кишкин А. С. Чешско-русские литературные и культурно-исторические контакты. М., 1983. С. 97—124.
- ³⁰ Бэлза И. Ф. Мария Шимановская. С. 39.
- ³¹ Подробно, например, освещена жизнь и деятельность в Петербурге сербского революционного демократа Ж. Жуевича в кн.: Карасев В. Г. Сербский демократ

Живоин Жуевич : Публицистическая деятельность в России в 60-х гг. XIX в. М., 1974. 334 с.

³² Мыльников А. С. Разработка истории этнокультурных процессов в Ленинграде и области и некоторые вопросы источниковедения // Этнографические исследования Северо-Запада СССР : Традиции и культура сельского населения. Этнография Петербурга. Л., 1977. С. 148—155.

³³ Памятники архитектуры Ленинграда. Л., 1969. С. 249.

³⁴ ГПБ, Польск. F.XVII.20. Оба журнала составляют конволют, созданный в конце 1840-х годов, причем «Меркурий» помещен после «Северного дневника».

³⁵ ГПБ, Польск. F. XVII. 20, л. 1.

³⁶ Там же, л. 36.

³⁷ См., например: Александрова Т. М. Виды массовых архивных источников для исследования семейного быта населения Петербурга XVIII—начала XX в. // Этнографические исследования Северо-Запада СССР. С. 157.

³⁸ Мыльников А. С. Иоахим Штернберг и чешские параллели к «Путешествию» Радищева // XVIII век. Сб. 12: А. Н. Радищев и литература его времени. Л., 1977. С. 183—198; там же названы работы А. В. Флоровского, Я. Вавры и других исследователей вопроса.

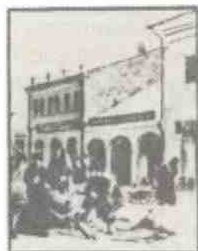
³⁹ Gentes Finlandiae. Helsingfors, 1973. Т. 2. S. 82—84.

⁴⁰ ЛГИА, ф. 221, оп. 1, № 104.

⁴¹ Пользуясь случаем, приношу благодарность проф. Э. Амбургеру (ФРГ) за сообщение дополнительных сведений по генеалогии семейства Бландовых, а также за указание публикации А. Бакстрема.

⁴² Мыльников А. С. Иоахим Штернберг... С. 197.

⁴³ Громыко М. М. Походяшин в «Дружеском ученом обществе» Н. И. Новикова // Города Сибири: экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1974. С. 259—298.



Н. В. ЮХНЁВА

**ЕВРЕИ ПЕТЕРБУРГА В ПЕРИОД
РЕФОРМ 1860-х годов:
СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ
ХАРАКТЕРИСТИКА**

Настоящая статья имеет узкие хронологические рамки (фактически — одномоментный временной срез) и ограниченную тему (только социально-демографическая характеристика). То и другое объясняется, с одной стороны, важностью пореформенного периода в истории еврейской колонии Петербурга, с другой — необходимостью ввести в научный оборот и прокомментировать материалы первой петербургской городской переписи (1869 г.) по данному вопросу.¹

Петербургские городские переписи, а всего их было пять, являются ценным источником для социально-демографической характеристики еврейской этнической группы. Все они остаются с этой точки зрения до сих пор неизученными. Все же материалы более поздних переписей (начиная с 1881 г.) нашли некоторое отражение в литературе,² чего нельзя сказать о переписи 1869 г., о которой не только нет отдельных публикаций, но материалы ее не использованы и в единственной статье, посвященной общему очерку истории еврейской колонии Петербурга.³

Многонациональная столица. В XVIII в. этнический состав населения Петербурга в основном сводился к двум компонентам — русским, которые составляли 92—94 %, и иностранцам. В первой половине XIX в. доля русских несколько уменьшилась (до 87—89 %) за счет того, что, кроме иностранцев, которых по-прежнему было немало, появились также группы представителей нерусских подданных империи. В пореформенное время доля русских еще уменьшилась и одновременно стабилизировалась: с конца 1860-х годов до 1910 г. она составляла 82—83 % населения столицы. В течение этого времени доля иностранцев упала с 3.1 % до 1.2 %; нерусские петербуржцы состояли в подавляющем большинстве из российских подданных. При этом соотношение разных национальных групп менялось. В 1869 г. самой многочисленной группой в Петербурге были немцы, второе место занимали финны вместе со шведами, третье — поляки с литовцами. Далее шли евреи и эстонцы. Ко времени переписи 1881 г. существен-

ных изменений в соотношении этнических групп не произошло. В 1890 г. уже наблюдались определенные изменения. Поляки стали второй по величине нерусской этнической группой, опередив финско-шведскую. Увеличилось число белорусов и эстонцев, а евреев — сократилось, в результате чего эти три группы оказались примерно равновеликими. Очень большие изменения произошли в структуре нерусского населения в 1890-е и 1900-е годы. Быстрыми темпами возрастает в это время численность белорусов и поляков с литовцами. Обогнав немцев, эти две группы становятся к 1910 г. самыми крупными. Немцы занимают третье место, евреи по численности приближаются к немцам. Растет численность эстонцев, украинцев, латышей, падает — финнов со шведами, в результате эти четыре группы оказываются близкими по величине.

Как видим, за 40 лет возросла мозаичность нерусской части населения Петербурга: в 1869 г. четыре группы составляли во всем населении свыше 1 % (немцы, финны со шведами, поляки с литовцами и евреи), к 1910 г. таких групп стало семь (добавились белорусы, эстонцы, латыши). Кроме того, сильно изменилось соотношение и удельный вес разных этнических групп. Если в 1869 г. преобладал немецко-финский компонент, то в 1910 г. первенствующее место занял славянский. Значительно увеличилась доля русскоязычного, хотя и нерусского населения — за счет главным образом белорусов, украинцев и евреев, в меньшей степени — за счет других национальностей. Русскоязычные петербуржцы и представители славянских народов вместе составляли в 1910 г. 55 % всех нерусских жителей Петербурга (против 16 % в 1869 г.), а немцы, финны и шведы — 21 % (против 62 % в 1869 г.). В табл. 1 содержатся данные об этническом составе населения Петербурга в период с 1869 по 1890 г., которые основаны на трех петербургских переписях населения и уточнены автором этой статьи.⁴

Евреи в Петербурге начиная с пореформенного времени занимали постоянно четвертое по численности место среди нерусских групп, доля в населении варьировала от 1 до 2 %. В 1869 г. их численность была равна 6,7 тыс., в 1881 г. — 17 тыс., в 1891 — 15,4 тыс. (уменьшение связано с антиеврейским законодательством). К 1900 г. численность евреев в Петербурге снова возрастает, но только в начале XX в. темпы роста достигают уровня 1870-х годов, в результате чего в 1910 г. в Петербурге было уже 35 тыс. евреев (табл. 2).

Роль петербургской еврейской колонии в истории евреев России. Каково место еврейской колонии Петербурга в истории евреев-ашкеназов России? Колония эта была расположена достаточно далеко от их основной этнической территории⁵ и сильно отличалась от всего народа по своему социальному составу и культурному облику. Евреи Петербурга были мало похожи на своих соплеменников, живших в Белоруссии, Литве и на Украине. Отличия в социальной структуре были результатом ограничения в праве жительства: в Петербурге был более высок процент евреев, занимавшихся интеллигентными видами труда, основная масса состояла из ремесленников и отсутствовали неквалифицированные рабочие и люмпен-пролетарские группы, составляющие

**Этнический состав населения Петербурга
по переписям 1869—1890 гг.**

Этническая группа	1869		1881		1890	
	тыс. человек	%	тыс. человек	%	тыс. человек	%
Русские	555.0*	83.2	715.0*	83.0	791.0*	82.9
Белорусы	3.0*	0.4	7.0*	0.8	13.0*	1.4
Украинцы	0.5*	0.1	1.4*	0.2	5.0*	0.5
Евреи	6.7	1.0	17.0	2.0	15.4	1.6
Эстонцы	4.0*	0.6	7.0*	0.8	10.0*	1.0
Латыши	2.8*	0.4	4.5*	0.5	5.4*	0.6
Финны	18.0*	2.7	20.0*	2.3	19.0*	2.0
Шведы	5.1	0.8	5.8	0.7	4.7	0.5
Поляки	14.4*	2.2	21.4*	2.5	27.3*	2.9
Литовцы	0.6*	0.1	0.8*	0.1	2.1*	0.2
Немцы	45.6*	6.8	48.7*	5.7	47.0*	4.9
Французы	3.1	0.5	3.2	0.4	2.9	0.3
Англичане	2.1	0.3	2.0	0.2	1.9	0.2
Татары	2.0	0.3	2.7	0.3	3.5	0.4
Армяне	0.4*	0.06	0.6*	0.07	0.6*	0.06
Грузины	0.2	0.03	0.1	0.01	0.1	0.01
Итальянцы	0.4	0.06	0.6	0.07	0.4	0.04
Прочие	3.2	0.5	2.7	0.3	4.5	0.5
Все население	667.2	100.0	861.3	100.0	954.4	100.0

Примечание. Звездочкой обозначена реконструкция, остальное — данные переписей.
Источник: Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: Вторая половина XIX—начало XX века. Л., 1984. С. 24.

значительную часть населения городов и местечек черты оседлости. Велики были и культурные отличия. Петербургские евреи очень быстро утрачивали в столице традиционную еврейскую бытовую культуру и язык. С пореформенного времени и до начала первой мировой войны в течение полу столетия в столице шел интенсивный процесс языковой ассимиляции: в 1869 г. почти не было евреев, считавших родным русский язык, в 1910 г. доля их достигла 42 %. Сравнение доли уроженцев столицы среди евреев с долей русскоязычных показывает, что в начале XX в. второе поколение было практически полностью русскоязычным.⁶ По темпам языковой ассимиляции евреи опережали все национальности, за исключением украинцев и белорусов. Евреи отличались быстрой интеграцией и сменой языка при медленных темпах собственно этнической ассимиляции. Относительная быстрота интеграции, которой не благоприятствовало национальное неравноправие и религиозное отличие от основной массы населения, может быть объяснена внутренней ориентацией большинства еврейских мигрантов на включение в петербургскую жизнь и разрыв с национальной средой Западного края. Определенную роль в ассимиляционных процессах в Петербурге играл переход в христианство. В отличие от Центральной

и Западной Европы, где принятие христианства евреями в XIX в. носило массовый характер, в России в целом оно никогда не играло существенной роли, так что и в этом также состояла особенность Петербурга. Но при всем отличии от основной еврейской массы петербургская колония была не какой-то случайной группой, тупиковой ветвью, а, наоборот, в известном смысле являлась прообразом будущего развития еврейского народа в России. В Петербурге впервые возникали, осознавались, ставились и решались (или не решались) важные проблемы, которые впоследствии приобрели актуальность для всего народа, например соотношение родного и русского языков, значение религии в этнической идентификации, способы национального существования в условиях дисперсного проживания и т. д. Некоторые из этих проблем не только не утратили своей актуальности до настоящего времени, но приобрели общезначимый характер. Таков, например, вопрос о русскоязычной национальной литературе. Первой возникла в середине XIX в. русскоязычная еврейская литература, и споры вокруг нее предшествовали сегодняшним дискуссиям о том, к какой литературе, русской или национальной, принадлежат писатели разных народов, населяющие нашу страну и пишущие по-русски. Но эти рассуждения уводят нас за пределы темы. Поэтому вернемся к основному вопросу. Очень важно сказать о том, что петербургская колония сыграла большую, может быть даже решающую роль в национально-культурном развитии еврейского народа. Это было общим явлением: петербургские национальные колонии играли важную роль в национально-культурном развитии и других народов. Более того, это было общей закономерностью: расположение центров национальных движений вне основной этнической территории, в крупном инонациональном городе,⁷ было обычным явлением для целого ряда европейских народов, не обладавших собственной государственностью и переживших в XVIII—XIX вв. национальное возрождение. Особенно характерно это было для народов, находившихся в составе трех крупнейших многонациональных империй — России, Австрии и Турции.⁸

В столице России во второй половине XIX—начале XX в. имелись представители почти всех народов империи. Но далеко не каждая национальная колония играла роль в развитии своего народа. Конечно, не могли выполнять функции национального центра те этнические группы, которые в Петербурге не осознавали своего единства, не имели собственных организаций, т. е., строго говоря, не были колониями. Но и в тех случаях, когда колония обладала и национальными организациями, и прессой, и школой, последние иногда имели лишь местное значение и никак не влияли на национальное возрождение и национальное движение в целом. Стать центром (или одним из центров) национального движения Петербург мог только при определенных условиях. Условия эти касаются как особенностей движения, так и характера и положения национальной колонии. Центр национального движения может быть расположен вне основной этнической территории в том случае, если движение имеет характер национально-культурный и при этом находится на начальном этапе, когда главной движущей силой его являются немногочисленные группы интеллигенции, занятые раз-

работкой национального языка и распространением просвещения на этом языке. При переходе ко второму, массовому этапу национального движения центр его обычно перемещается на национальную территорию. Локализации центра национального движения в инациональном городе благоприятствует отсутствие антагонизма с доминирующей в этом городе национальной культурой. При наличии этих условий колония в инациональном городе может стать национально-культурным центром в том случае, если она обладает более или менее высоким социальным статусом и в ее составе имеется группа образованных людей, не утративших связи со своим народом и заинтересованных в его культуре.

В пореформенное время (1860-е годы) сочетание всех этих условий складывается так, что Петербург становится на некоторое время центром латышского и отчасти эстонского национальных движений.⁹ В этот же период российская столица начинает играть важную роль в национально-культурном развитии еврейского народа и не теряет этой роли и в дальнейшем: еврейское национально-культурное движение было связано с Петербургом наиболее тесно и наиболее длительный срок. Еврейская культура развивалась в России на трех языках — древнееврейском (иврит), разговорном еврейском (идиш) и русском. В Петербурге были представлены все три течения, но все же наиболее значительным было русскоязычное.

Еврейское национальное движение в XIX в. отчетливо делится на два периода — до последней четверти XIX в. оно проходило под знаменем просвещения, а с конца XIX в. приобрело характер борьбы за национальное возрождение.

Просветительное движение, зародившееся в Пруссии (и связанное с именем берлинского еврейского философа М. Мендельсона) получило название «Гаскала», что на иврите значит «просвещение». Фактическим содержанием Гаскалы был переход от средневековых форм культуры к культуре нового времени, но внешне это выражалось в приобщении евреев к европейской культуре. Идеи Гаскалы в России были восприняты из Германии, поэтому некоторое время распространялись на немецком языке. Близкий разговорному идишу, немецкий был все же языком чужой страны и перед просвещенцами («маскилами») остро встал языковой вопрос. Иврит воспринимался как священный язык Торы, на котором невозможно обсуждать обыденные темы. Идиш в те времена считался обиходным «жаргоном», малопригодным для целей просвещения. Русского языка широкие еврейские массы не знали. Российская Гаскала стала развиваться на двух языках — на языке иврит как национальном (путем его реформирования и создания на нем новоеврейской светской литературы) и на русском (что соответствовало мысли основоположников немецкой Гаскалы о необходимости просвещения на языке страны проживания).

Очагом просвещения на древнееврейском языке стала Вильна, давний центр еврейской культуры. Характерно, что почти все еврейские писатели, писавшие на иврите, были уроженцами Литвы. Из виленских просвещенцев вышли два творца новоеврейского литературного стиля — прозаик М. А. Гинцбург и поэт А. Б. Лебенсон.

В Вильне появился первый исторический роман А. Мапу. Наконец, здесь жили и писали в 1860-е годы крупнейшие деятели еврейской литературы того времени — поэт Лев Гордон и прозаик Менделе Мойхер-Сфорим. В Вильне с 1860 г. выходила (на иврите) первая в России еврейская газета — еженедельник «Гакармель». Богатые традиции средневековой еврейской культуры благоприятствовали развитию в Вильне просвещения на древнееврейском языке, но они же создавали и определенные трудности для маскилов. Сопротивление, которым встречали Гаскалу в консервативной ортодоксальной среде, опиралось на талмудическую раввинскую ученость, и просвещенцам противостояло не невежество, а теологическая образованность.

Иное положение сложилось в Одессе, которая стала вторым центром Гаскалы. В этом новом портовом городе с пестрым составом населения не было средневековых культурных традиций. Здесь не появилось собственных крупных литературных сил, но зато не было и заметного сопротивления Гаскале. Просвещение пошло вширь, первоначально опираясь на приезжих из Галиции европейских образованных евреев. В 1826 г. в Одессе было открыто еврейское общеобразовательное училище (с преподаванием на немецком языке) — событие по тем временам исключительное. Широкое развитие получила еврейская пресса. В 1860 г. начал выходить (почти одновременно с виленским «Гакармелем») еженедельник на иврите «Гамелиц»; в качестве приложения к нему выпускался еженедельник на идише, предназначавшийся для простонародья («Кол-Мевассер»), — мероприятие, до которого в Вильне той поры не снисходили. Особенная по сравнению с Вильной роль Одессы проявилась в том, что в ней было положено начало еврейской периодической печати на русском языке: в 1860 г. О. Рабинович основал здесь журнал «Рассвет». Очагом возникновения еврейской русскоязычной культуры Одесса стала не случайно: евреи здесь занимали относительно высокое экономическое и общественное положение, тесно контактировали с русскими и в своих просветительских начинаниях получали поддержку одесских властей. В результате в 1860-е годы Одесса становится признанным центром еврейского просвещения, каковым ее считали как адепты, так и противники Гаскалы. Однако уже в следующем десятилетии она уступает первенство Петербургу (это проявилось, в частности, в перенесении места издания «Гамелица» из Одессы в Петербург¹⁰). Падение роли Одессы для еврейского национально-культурного движения было следствием ухудшения положения живших там евреев. Даже в годы самой мрачной реакции ни в Вильне, ни в Петербурге антисемитизм не получил такого распространения и влияния и не принимал столь безобразных форм, как в Одессе (погромы 1871, 1881, 1886, 1905 гг., господство в городе черносотенного «Союза русского народа», военное положение 1905—1909 гг.).

В дореформенное время Петербург не был и не мог быть центром еврейской культуры — по той причине, что евреи не имели права жить в нем постоянно (можно было лишь приезжать по временным разрешениям). Тем не менее нельзя не отметить двух фактов, не связанных между собой, но свидетельствующих о роли Петербурга для евреев

даже в то время и в этом смысле показательных. С тех пор как миллионы евреев после разделов Польши стали российскими подданными, царское правительство постоянно было озабочено «урегулированием» их положения: в столице то и дело создавались разные комиссии по еврейскому вопросу, на которые вызывали с мест (для консультаций) представителей еврейской кагалной верхушки и раввина. Второй факт, единичный и в свое время казавшийся малозначительным и даже курьезным, — появление в начале XIX в. именно в Петербурге первого еврейского литературного произведения на русском языке (обращенный к русскому читателю «Вопль дочери иудейской» Л. Неваховича).

В 1859 г. было разрешено селиться вне черты оседлости купцам I гильдии, а в 1861 г. — окончившим высшие учебные заведения с ученой степенью (разрешение жить вне черты оседлости всем, получившим высшее образование, было дано только в 1879 г.). В результате этих постановлений в Петербурге появляется группа образованных евреев, которые сразу же приступают к национально-культурной деятельности. В 1863 г. по инициативе барона Е. Гинцбурга и А. М. Бродского создается в составе 21 человека «Общество для распространения просвещения между евреями России». Оно ставило своей целью насаждение русской грамоты и светских знаний. Общество постепенно превратилось в многотысячную всероссийскую организацию с центром в Петербурге и отделениями в городах черты оседлости. До конца XIX в. это была единственная организация, объединявшая широкие круги еврейской интеллигенции. Еврейские просветители первых пореформенных лет видели будущее евреев России в переходе на русский язык и сближении с русским народом. Такая позиция соответствовала либеральному пониманию национального вопроса, который трактовался как правовой — полное уравнивание в правах. Вместе с тем взгляды еврейских ассимиляторов импонировали царскому правительству, и их деятельность на первых порах пользовалась официальной поддержкой и покровительством, что облегчило процесс превращения Петербурга в центр еврейской русскоязычной культуры. С 1870-х годов Петербург становится центром еврейской печати на русском языке. Всего в России в течение 50 лет (с 1860 по 1910 г.) выходило 39 названий русскоязычных еврейских газет и журналов, из них 21 в Петербурге (7 в Одессе, 3 в Вильне, по 1—2 в других городах). Среди издававшихся в Петербурге должны быть названы «Еврейская библиотека», десять томов которой вышли в период 1871—1903 гг., еженедельники «Русский еврей» (1879—1884 гг.) и «Рассвет» (1879—1883 гг.) и, конечно, ежемесячный журнал «Восход», издававшийся без перерывов с 1881 по 1906 г.; иногда долгие годы он был единственным в России русско-еврейским органом. После 1906 г. число еврейских изданий на русском языке стало быстро расти, хотя многие оказывались недолговечными. Среди более значительных — еженедельник «Новый восход», журналы «Еврейский мир», «Еврейская старина».

К 1880-м годам Гаскала исчерпала себя. Среди евреев возникает сильное течение, сторонники которого ратовали за национальное воз-

рождение. Подобные настроения давали о себе знать и прежде, хотя и не получали широкого признания среди еврейской интеллигенции, — они возникали тогда в полемике с крайними взглядами русификаторов и исходили главным образом из мысли о нереальности в условиях того времени полного слияния евреев с русским народом. Поиски нового пути пошли под влиянием примера других европейских народов, успехи которых в борьбе за национальное возрождение стали к этому времени очевидны. Толчком к широкому распространению в еврействе национальных идей послужил взрыв антисемитизма — не только в России, но и в Европе, особенно в Германии, где евреи, казалось, уже достигли эмансипации и почти полностью ассимилировались; это подорвало веру в то, что еврейский вопрос может быть разрешен гражданской эмансипацией и ассимиляцией. Начало XX в. ознаменовалось самым широким участием евреев в социал-демократическом движении, как в составе РСДРП, так и путем создания собственной организации — Всеобщего еврейского социал-демократического союза (Бунд). Распространение новых идей среди широких народных масс и развитие литературы на языке идиш привело к тому, что центр еврейской культурной жизни частично вновь вернулся на основную этническую территорию евреев. Но этот процесс не был столь однозначным, как у других народов, — у латышей и эстонцев, например. Для евреев России все большее значение приобретала русскоязычная национальная культура, развивавшаяся под непосредственным влиянием культуры русского народа, и благодаря этому значение Петербурга все возрастало. Вместе с тем для деятелей еврейской культуры того времени, даже писавших по-русски, не был характерен полный отрыв от национальных языков. Многие были двух- или трехязычны и выступали попеременно на том или другом языке. В Петербурге в начале XX в. наряду с господствовавшей здесь русскоязычной стихией то и дело проявляла себя — так или иначе — и деятельность на языках идиш и иврит. Именно в Петербурге с 1903 по 1909 г. выходила первая ежедневная газета на идиш «Дер Фрайнд», широко распространявшаяся на основной этнической территории еврейского народа (в 1909 г. издание этой газеты было все же перенесено в Варшаву). Роль Петербурга для евреев России в нескольких словах можно определить так: в конце XIX—начале XX в. Петербург был одним из центров культуры на языках иврит и идиш и главным центром русскоязычной культуры.

История еврейской колонии Петербурга до середины XIX в.

История еврейской колонии Петербурга может быть разделена на два периода — с конца XVIII в. до 1850-х годов и от реформ 1860-х годов до 1917 г. В первый период колония состояла из временных жителей, ее численность не превышала нескольких сот человек. Во второй период возникает колония, состоящая не только из временных, но также и из постоянных жителей, ее численность постепенно растет от нескольких тысяч до нескольких десятков тысяч; имеются еврейские общественные организации, печать. 1860-е годы были пере-

ломным моментом — именно тогда впервые возникает в Петербурге постоянная еврейская колония. Все, что было до середины XIX в., фактически является предысторией. Краткий очерк ее дается ниже.

На протяжении XIV—XVIII вв. евреи были подданными Польско-Литовского государства, в границах которого находились тогда также Белоруссия и Украина. Во второй половине XVII в. в результате национально-освободительной войны украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого левобережная Украина отошла к России. До этих событий там жило много евреев, но в ходе ожесточенной борьбы, длившейся с переменным успехом в течение нескольких десятков лет, большинство их погибло, уцелевшие бежали в Польшу. По Андрусовскому договору (1667 г.) немногим оставшимся предоставлялось на выбор уйти в Польшу или остаться (последнее — лишь при условии согласия на это местных жителей-христиан). В результате Россия в течение примерно полувека имела среди своих подданных немногочисленное еврейское население левобережной Украины. После смерти Петра I один за другим стали издаваться указы об изгнании евреев из пределов Российской империи. Указы не всегда исполнялись, но все же к середине XVIII в. Россия официально (хотя, вероятно, не фактически) осталась без евреев: им было запрещено не только жительство, но и временные приезды. Соответствующим образом и в Петербурге почти целое столетие после его основания евреев среди жителей практически не было. Исключения составляли отдельные еврей-иностранцы, да и то они по большей части были христианами. Так, шутом при дворе Петра I, а потом и при дворе Анны Иоанновны был Ян д'Акоста (Лакоста), происходивший из семьи евреев-марранов. Наиболее успешной была карьера Антона Мануйловича Дивьера. Сын португальского еврея, он был привезен в Россию Петром из Голландии и назначен в 1703 г. первым петербургским генерал-полицмейстером. В 1826 г. Дивьер был даже возведен в графское достоинство, но вскоре оказался в опале. После ссылки в Сибирь Дивьер вернулся в Петербург в 1743 г., где вновь занял пост генерал-полицмейстера, но спустя два года умер.

В конце XVIII—начале XIX в. в результате разделов Польши Россия получила в подданство около миллиона евреев. По первому разделу (1772 г.) к империи была присоединена часть Белоруссии; здесь были созданы две губернии — Полоцкая (позднее — Витебская) и Могилевская. По второму разделу (1793 г.) к России перешла остальная часть Белоруссии (Минская губ.) и правобережная Украина, разделенная на губернии Изяславскую (позднее Волынская) и Брацлавскую (позднее Подольская). С третьим разделом Польши (1795 г.) Россия включила в свой состав Литву — Виленскую и Слонимскую (позднее Гродненская) губ. В это время евреям, населявшим перешедшие от Польши земли, было разрешено селиться в Екатеринославском наместничестве (будущие Екатеринославская и Херсонская губ.), в Крыму, а также в Киевской, Черниговской и Новгород-Северской (позднее Полтавская) губ. Этими постановлениями фактически была сформирована будущая «черта оседлости», поскольку

евреям уже тогда было запрещено проживание (и даже пребывание) за пределами перечисленных губерний. Позднее, в 1815 г., в состав России было включено так называемое Царство Польское с полумиллионным еврейским населением. В конце XVIII в. приезжать в Петербург евреям было можно либо по особому разрешению, либо полулегально, когда власти смотрели на это сквозь пальцы, либо нелегально. С конца царствования Екатерины II появилась небольшая колония, состоявшая из людей богатых или занимающих достаточно высокое положение, а также из иностранцев. Наиболее известными людьми среди членов колонии были коммерсанты и общественные деятели — Абрам Перетц, Нота Ноткин, писатели Лейба Невахович и Мендель Левин (Сатановер). Судьба многих образованных евреев, живших в то время в Петербурге, — крещение и ассимиляция: слишком оторванными они оказывались от своего народа (Л. Невахович, А. Перетц).

Приезжали в Петербург и жили в нем более или менее длительные сроки также евреи, не связанные с русским обществом. Особую группу составляли делегаты, приезжавшие в столицу с целью каких-либо ходатайств или участия в работе комиссий по законодательному урегулированию положения евреев. Первой была депутация из Белоруссии в составе шести человек, ходатайствовавшая в 1785 г. об облегчении положения евреев. Постоянно приезжали по торговым делам купцы. Известно, например, что группа белорусских еврейских купцов вела в 1800 г. в Петербурге оптовую торговлю.

Маленькая еврейская колония хотя и состояла из временных жителей, но они приезжали с семьями и жили подолгу. Колония имела резника, моэля. В 1802 г. евангелическо-лютеранская община Св. Петра уступила евреям часть своего Бретфельдского кладбища (теперь — Волково).¹¹

Изменения наступили в 1805 г., когда вошло в силу «Положение о евреях» 1804 г.¹² Оно соответствовало либеральному духу первых лет царствования Александра I и начиналось с постановления о предоставлении евреям права обучаться во всех училищах, гимназиях и университетах «без всякого различия от других детей». Право это, абсолютно нереальное для черты оседлости, могло иметь некоторый смысл в Петербурге. Наиболее же важным в истории петербургской колонии было то, что Положением отменялся запрет евреям покидать губернии черты оседлости. Купцам, фабрикантам и ремесленникам было разрешено временно проживать (вместе с семьями) во внутренних губерниях. Первоначально евреи, видимо, не подвергались в столице особым стеснениям. Но после Отечественной войны, когда стал явным поворот к реакции, это отразилось и на петербургских евреях: в одном частном письме 1817 г. имеется сообщение о первой попытке массовой высылки из Петербурга евреев, в особенности ремесленников.¹³ А в начале 1820-х годов начался «разбор» — выяснение, кто живет в Петербурге «без благовидных причин».¹⁴

Тем не менее в результате закона 1804 г. происходят существенные изменения в характере еврейской колонии Петербурга по сравнению с предыдущим временем. Колония увеличивается численно и, кроме того (это необходимо отметить особо), в ее составе появляется новая

Евреи в Петербурге в 1826 г.

Происхождение (губернии и города)	Муж- чины	Жен- щины	Дети	Всего	Звание*		
					духовенство	купцы	мещане
Лифляндская губ. (г. Шлока)	6	—	—	6	—	—	6
Курляндская	23	13	16	52	Раввин — 1	1	15
Могилевская	70	18	26	114	Резники — 9	6	60
Виленская	12	2	2	16	—	—	10
Витебская	11	2	1	14	—	1	10
Минская	8	1	2	11	—	—	7
Подольская	2	1	3	6	—	1	—
Белостокская обл.	8	—	—	8	—	2	4
Киевская губ.	1	—	—	1	—	—	1
Выборг	1	—	—	1	—	1	—
Фридрихсгам	1	—	—	1	—	—	—
Иностранцы (в том числе из Царства Польского)	36	23	30	89	—	—	—
Без указания происхожде- ния	—	—	—	29	—	—	—
	—	—	—	22	—	—	—
Итого				370			

* Не обо всех известно.

Источники: таблица составлена по данным, приведенным в работе: Гессен Ю. Санкт-Петербург // ЕЭ. Т. 13. Стб. 941.

прослойка, которой до того в столице не было, — ремесленники. О составе и численности колонии в этот период мы можем судить по специальной переписи, сделанной в 1826 г. по личному указанию Николая I (список был сделан с целью высылки из столицы).¹⁵ Общая численность еврейской колонии составляла в то время 370 человек. Соотношение мужчин, женщин и детей показывает, что многие, особенно иностранцы, жили в Петербурге вместе с семьями. Среди прибывших из-за границы было 36 мужчин, 23 женщины и при них 50 детей (из Царства Польского). Соотношение среди российских подданных выглядело так: мужчин — 143, женщин — 37, детей — 50, т. е. среди них семейных было много меньше, чем среди иностранцев. Преобладали выходцы из Белоруссии и Литвы (из Могилевской, Витебской, Виленской и Минской губ. было 155 человек). Из Прибалтики (в основном из Курляндии) было 58 человек, с Украины же (Подольская и Киевская губ.) — только 3 человека, из Польши (Белостокская обл.) — 8 человек (табл. 2). В списке были указаны сословная принадлежность и занятия. Названы раввин, 9 резников, 12 купцов, 4 зубных врача и 109 ремесленников (в том числе ученики). Среди ремесленников были портные, сапожники, красильщики мехов, обойщики, токари, резчики печатей, ювелиры, золотшвейные мастера и др., а также два настройщика музыкальных инструментов.

После 1805 г. в Петербург стали чаще приезжать и жить в нем депутаты так называемых Еврейских комитетов. Первый Комитет был создан в 1802 г., результатом его деятельности и явилось «Положение о евреях» 1804 г. Следующий Комитет был созван в 1806 г., затем — в 1809, 1823 и 1825 гг.

Т а б л и ц а 3

Сведения о евреях в Петербурге
по переписям 1869—1890 гг.

	1869	1881	1890
Иудеисты			
еврейский язык	—	14 107	10 295
русский язык	—	1 965	4 360
другие языки	—	754	676
всего	6624	16 826	15 331
Христиане, считающие родным еврейский язык			
православные	103	134	19
протестанты	23	7	5
католики	3	1	1
всего	129	142	25
Итого	6753	16 968	15 356

Примечание. Везде исключены каримы, которых было не более нескольких десятков.

Источники: Перепись 1869 г. Вып. 1, отд. 2, табл. XI (с. 97); Перепись 1881 г. Т. I, ч. 1, табл. 7 (с. 242—243); Перепись 1890 г. Ч. I, вып. 1, отд. 2, табл. VIII (с. 78—81); Перепись 1897 г. Тетр. 2, табл. XIV (с. 56—59).

ва Польского), всего 59 человек, не высылались.¹⁶ В 1827 г. были введены правила, по которым сроки пребывания евреев в Петербурге ограничивались шестью неделями (в особых случаях разрешался срок до шести месяцев).¹⁷ В дальнейшем изгания и высылки следовали одна за другой, причем они нередко сопровождались дополнительными санкциями. Так, в 1838 г. евреи с просроченными паспортами были отданы в арестантские роты.¹⁸ Иногда высылка на место постоянного жительства заменялась ссылкой в другую губернию.¹⁹ В 1844 г. были высланы 13 человек с просроченными паспортами, но одновременно было дано распоряжение впредь за эту провинность сдавать в рекруты. Вскоре это было исполнено.²⁰

Как и в предыдущий период, в Петербург приезжали на короткие сроки депутаты с мест в различные еврейские комитеты и во вновь созданную Раввинскую комиссию (общегосударственный орган).

Существенным новшеством в этот период было появление в столице совершенно новой категории жителей — еврейских солдат. В 1827 г. для евреев была впервые введена рекрутская повинность. Норма поставки рекрутов была у евреев более высокой, чем у остального населения; ограничения по здоровью для них не делались. Поэтому очень много евреев служило в нестроевых командах. В целях русификации евреев направляли проходить службу в губерниях и городах, где не было еврейского населения, в том числе в Москву и Петербург. Все годы николаевского царствования среди петербургских евреев преобладали солдаты.

В мрачные времена царствования Николая I положение евреев ухудшилось как в России вообще, так и в Петербурге. Николаевское законодательство о евреях очень обширно (было издано около шестисот разных актов), о нем будет сказано ниже в связи с характеристикой реформ 1860-х годов. В Петербурге же события развивались следующим образом. Уже в марте 1826 г. было дано распоряжение о том, чтобы евреи, живущие в столице «без всякого дела», были высланы, в результате чего уехали 22 человека. С остальными, жившими по разрешениям, разбирались еще около полугода, после чего право продлить пребывание в столице получили только 29 человек, 230 человек подлежали высылке. Иностранные евреи (к которым причислялись также выходцы из Царства Польского), всего 59 человек, не высылались.¹⁶ В 1827 г. были введены правила, по которым сроки пребывания евреев в Петербурге ограничивались шестью неделями (в особых случаях разрешался срок до шести месяцев).¹⁷ В дальнейшем изгания и высылки следовали одна за другой, причем они нередко сопровождались дополнительными санкциями. Так, в 1838 г. евреи с просроченными паспортами были отданы в арестантские роты.¹⁸ Иногда высылка на место постоянного жительства заменялась ссылкой в другую губернию.¹⁹ В 1844 г. были высланы 13 человек с просроченными паспортами, но одновременно было дано распоряжение впредь за эту провинность сдавать в рекруты. Вскоре это было исполнено.²⁰

Другим результатом законодательства этого периода было возникновение в Петербурге определенного слоя евреев-христиан. Крещения начались еще во второй половине царствования Александра I. Тогда они коснулись наиболее социально продвинутой и образованной части евреев; переход в христианство этих людей был вызван их полным культурным отрывом от своего народа. В николаевскую эпоху со стороны правительства была предпринята попытка христианизации евреев через рекрутчину — крестили мальчиков-кантонистов, всячески поощрялось крещение и взрослых солдат. Крещение в те времена было верным путем к ассимиляции, поскольку дети и внуки крестившихся вступали в браки с христианами.

Накануне реформ (по данным 1858 г.) петербургская еврейская колония насчитывала 552 человека (не считая евреев-христиан, а также солдат, живших в казармах).²¹

Эпоха реформ: новые законы

1860-е годы было принято называть «эпохой великих реформ». Несмотря на непоследовательность и недостаточный радикализм большинства этих реформ, они привели к важным и необратимым изменениям в экономической, социальной и политической жизни России, способствовали вступлению ее на капиталистический путь развития.

Конец 1850-х годов был временем небывалой общественной активности и подготовки реформ. В 1861 г. крестьяне были освобождены от крепостной зависимости. В 1863 г. университеты получили автономию. В следующем, 1864 г., были проведены сразу две реформы — земская и судебная. Последняя была особенно радикальной: в основу новых судебных уставов был положен принцип гласности и отделения судебной власти от административной. В 1865 г. последовала реформа печати (цензурная). Позже, в 1870 г., была проведена реформа городского самоуправления, а в 1874 г. введена всеобщая воинская повинность.

Общие реформы касались и евреев как граждан страны, особенно судебная, городская и военная. Ни в одном из новых законов не было специальных ограничений для евреев. Этим они принципиально отличались от всех предшествующих, в которых обычно наряду с каким-либо общим установлением вводились особые правила для евреев. Однако продолжали действовать специальные законы, которые касались только евреев; для их отмены требовалась отдельная реформа.

Во время подготовки еврейской реформы, как и при подготовке других реформ, сталкивались различные взгляды, и прогрессисты встречали серьезное сопротивление со стороны консерваторов и реакционеров, часто поддерживаемых Александром II. Основное различие состояло, пожалуй, в том, что борьба вокруг еврейской реформы не получала столь бурного общественного резонанса, почти не отражалась в печати и в основном протекала в недрах административно-бюрократического аппарата.

Еще в николаевские времена (в 1840 г.) был создан комитет, который в духе того времени был назван Комитет для определения мер коренного преобразования евреев. В его состав вошли министр государственных имуществ граф П. Д. Киселев, министр народного просвещения граф С. С. Уваров, главноуправляющий делами II отделения Собственной е. и. величества канцелярии граф Д. Н. Блудов, управляющий Министерством внутренних дел граф А. Г. Строганов, товарищ министра (с 1844 г. — министр) финансов Ф. П. Вронченко и начальник III отделения Собственной е. и. величества канцелярии генерал Л. В. Дубельт. Со вступлением на престол Александра II Киселев тотчас обратился к нему с докладом, в котором высказался о необходимости радикальной реформы законодательства о евреях. Хотя царская резолюция была положительной,²² все же спустя недолгое время (в том же 1856 г.) Киселев был вынужден из-за своих либеральных взглядов оставить пост председателя Комитета. Его место занял Д. Н. Блудов; настроенный гораздо более консервативно, он определял позицию Комитета вплоть до его упразднения в 1863 г.

На вышеупомянутый доклад Киселева Александр II наложил резолюцию: «Пересмотреть все существующие о евреях постановления». Как было принято, стали собирать по этому вопросу записки с мнениями компетентных лиц — в данном случае генерал-губернаторов и начальников губерний черты оседлости. Начальники Витебской, Могилевской и Минской губ. высказались за разрешение жить вне черты оседлости евреям-ремесленникам, мотивируя это тем, что количество их слишком велико и «несоразмерно с потребностями тамошнего бедного края». ²³ Киевский, подольский и волынский генерал-губернатор присовокупил к этому еще и политическое соображение: «Эта мера лишила бы польскую пропаганду возможности. . . действовать во вред правительству на праздную толпу, как это имеет место в настоящее время». ²⁴ Черниговский губернатор предложил «ныне же отменить все существующие ограничения», имея в виду, правда, лишь левобережные губернии и мотивируя это тем, что там «евреи разительно отличаются наречием, одеждою и образом жизни от евреев других губерний и почти совершенно слились с туземными жителями». ²⁵

Наиболее радикальные взгляды выразил новороссийский генерал-губернатор граф А. Г. Строганов: «Дозволение евреям жить во всех местах империи и заниматься на одинаковых правах с русскими, без всяких ограничений, занятиями, соответствующими их нравам и способностям, другими словами, сравнение их в гражданских правах с туземцами не только соответствовало бы законам справедливости, но приносило бы пользу народной нашей промышленности». ²⁶ И далее: «Существование в настоящее время каких бы то ни было ограничений в гражданских правах евреев сравнительно с христианским населением несообразно ни с духом и направлением времени, ни с стремлением правительства к слиянию евреев с коренным населением». ²⁷

Министр внутренних дел С. С. Ланской поддержал Строганова. Он заявил в докладе Еврейскому комитету, что «слияние, или, выражаясь точнее, — сближение еврейского народа с коренными жите-

лями по образованию, занятиям и тому подобное. . . можно достигнуть только уравниванием в правах с прочими жителями империи, и потому всякого рода исключительные постановления для них, если только они не относятся до религии, разные стеснения и ограничения следует признать положительно препятствующими сближению их с прочим народонаселением и едва ли не главной и единственной причиной того жалкого положения, в каком они остаются у нас до сих пор».²⁸

Предложение Строганова и Ланского было отвергнуто Еврейским комитетом во главе с Блудовым: «Уравнивание евреев в правах с коренными жителями не может иначе последовать, как постепенно, по мере распространения между ними истинного просвещения, изменения их внутренней жизни и обращения их деятельности на полезные занятия». Резолюция царя гласила: «Совершенно справедливо».²⁹ В результате даже весьма умеренное предложение допустить во внутренние губернии евреев-ремесленников было осуществлено лишь спустя семь лет, уже после прекращения деятельности Еврейского комитета. Полное же уравнивание в правах было отложено до Февральской революции 1917 г.

Первым шагом в деле смягчения условий еврейской жизни, на который решилось правительство, была ликвидация вопиющего положения, существовавшего в деле отбывания евреями воинской повинности. Законы о еврейской рекрутчине были порождением николаевской эпохи и несли печать своего времени. До 1827 г. евреи рекрутской повинности не подлежали (для них она заменялась податью). В 1827 г. на евреев была возложена рекрутская повинность, вдвое более высокая, чем на всех остальных.³⁰ Сдаче в рекруты подлежали мальчики с 12 лет (их направляли в кантонистские школы), действительная служба начиналась с 18—25 лет. Когда не хватало людей такого возраста, эти правила обходили, отдавали в кантонисты даже восьмилетних детей. Но недоимка росла, в 1853 г. еврейским обществам было разрешено ловить у себя в местности евреев, не имеющих паспортов, и сдавать их в зачет рекрутской повинности. Это привело к преступлениям и деморализации. Вот это-то ненормальное положение и решено было ликвидировать. В 1855 г. при очередном наборе было дано распоряжение брать рекрутов с евреев по общей норме, а коронационным манифестом 26 августа 1856 г. это было окончательно утверждено и уничтожен институт кантонистов.³¹

В основе всей ограничительной политики лежал закон о праве жительства, и именно его отмена означала бы коренную реформу. Между тем опасения по поводу проживания евреев вне черты оседлости были очень велики. Следующий почти курьезный факт наглядно показывает этот нелепый страх. В конце 1855 г. было разрешено во внутренних губерниях, в полках и военно-учебных заведениях, иметь портных и закройщиков из евреев «на то время, на которое военное начальство заключит с ними контракты», но не более как по одному на каждый полк и военно-учебное заведение; при этом предписывалось этим портным и закройщикам «под строгим надзором местной полиции. . . строжайше воспретить. . . заниматься другими промыслами и денежными оборотами».³²

15 мая 1856 г. были утверждены «Правила для увольнения из войск нижних чинов в отпуск и в отставку». Евреи, как и все остальные, получали право на бессрочный отпуск за 20-летнюю выслугу, но было специально оговорено, что «бессрочно-отпускным нижним чинам из евреев, которые остаются в своем законе, дозволяется избирать места для жительства только в городах и местах, вообще для водворения евреев не закрытых».³³ Казалось бы, из сказанного с очевидностью следует, что к принявшим христианскую веру ограничения не относятся. Тем не менее в принятии всего три месяца спустя аналогичном «Положении об увольнении нижних чинов морского ведомства» сочли необходимым уточнить, что «евреям, принявшим св. крещение, дозволяется избирать места для жительства на родине или вне оной по собственному их желанию».³⁴ Все же в 1858 г. Комитет по устройству быта евреев предложил предоставить бессрочно-отпускным солдатам жить всюду в империи. Александр II отклонил это решение, написав на журнале комитета: «Я решительно на это не согласен».³⁵

Первые, кому решились позволить постоянное жительство во внутренних губерниях, были иностранцы и купцы, но купцы не любые, а самые богатые (подразумевалось — самые благонадежные). 16 марта 1859 г. был принят закон «О предоставлении купцам 1-й гильдии и евреям — иностранным подданным права жительства и торговли вне черты постоянного жительства евреев».³⁶ Речь шла, таким образом, о праве повсеместного жительства. Ограничение этого права высшей гильдией показалось недостаточным, имелась оговорка — необходимо было до этого состоять в гильдии в течение 5 лет. Те, кто удовлетворял этим условиям, могли записываться в купечество вне черты и жить там до тех пор, пока будут состоять в гильдии; право оставаться в месте приписки в случае выбытия из гильдии приобреталось спустя еще 5 лет. Через год те же права были предоставлены купцам Царства Польского.³⁷

После этого начали готовить закон, который позволил бы жить вне черты оседлости образованным евреям. В итоге всех обсуждений такое право было предоставлено (законом 27 ноября 1861 г.³⁸) только выпускникам университета, имеющим ученые степени: «Евреи, имеющие дипломы доктора медицины и хирургии, а равно дипломы на ученые степени доктора, магистра или кандидата по другим факультетам университета, допускаются в службу по всем ведомствам, без ограничения места пребывания их чертою, для постоянной оседлости евреев определенной». Необязательно было при этом заниматься профессиональной деятельностью: «Им разрешается также постоянное пребывание во всех губерниях и областях империи для занятия торговлею и промышленностью». Изъятие из этого закона других категорий образованных евреев Государственный совет мотивировал так: «Едва ли можно без опасения признать, чтобы еврей, не только окончивший гимназический курс, но даже обучавшийся в высшем учебном заведении, только не получивший ученой степени кандидата, магистра или доктора, а вышедший из заведения с одним званием действительного студента, чтобы такой еврей был совершенно свободен от тех предрассудков, которые всегда признавались вредными».³⁹

Тем более казалось невозможным выпустить за черту оседлости простой народ. Правда, в небольших количествах этот самый народ уже получил право жить во внутренних губерниях по двум названным законам: купцы 1-й гильдии могли взять с собой «не более одного приказчика и конторщика и четырех обоего пола служителей на каждое семейство»; ученые же со степенью могли «иметь при себе, кроме членов своего семейства, домашних слуг из своих единоверцев не более двух». Особая уступка была сделана для отпускных нижних чинов расквартированного в Петербурге гвардейского корпуса: в 1860 г. им было разрешено проживать (вместе с семьями) в столице и ее окрестностях. Это было частное «всемиловитейшее» разрешение, данное по ходатайству командира корпуса для 16 человек.⁴⁰

Разрешение проживать в любом месте империи отпускные солдаты-евреи получили только по именному указу от 25 июня 1867 г.⁴¹ В общем «Положении об устройстве отставных и бессрочно-отпускных нижних чинов» имелся специальный параграф, в котором было сказано, что «запрещение нижним чином еврейского закона поселяться вне мест, где евреям дозволяется оседлость» отменяется.

Двумя годами раньше, по закону от 28 июня 1865 г., право повсеместного жительства «по узаконенным паспортам и билетам» было дано «евреям механикам, винокурам, пивоварам и вообще мастерам и ремесленникам».⁴² Для получения паспортов цеховые ремесленники должны были представить свидетельства на звание мастера или подмастерья в одном из городов, имеющих цеховое устройство. Те же, кто имел нецеховые профессии, обязывались получить от заводчиков и фабрикантов засвидетельствованные полицией удостоверения о знании ими своего мастерства. Ремесленникам разрешалось иметь при себе жен, детей и несовершеннолетних братьев и сестер. Предусматривалось законом также ученичество. Подростки, не достигшие 18-летнего возраста, могли приезжать для обучения по договору на срок не более 5 лет. Если же по окончании ученичества они выдержат испытания и получат свидетельства мастера или подмастерья — могут остаться. Так наконец оказалось выполненным пожелание, высказанное еще в 1858 г. начальниками губерний черты оседлости, чрезвычайно озабоченными конкуренцией и безработицей среди еврейских ремесленников. Но вызван к жизни закон этот был не только бедами черты оседлости, но и потребностями внутренних губерний в специалистах.

Таковы были основные результаты для евреев первого десятилетия реформ. Очень незначительные сами по себе, они тем не менее положили начало совершенно новому явлению — возникновению постоянных еврейских колоний вне черты оседлости, в том числе в Петербурге.

Социально-демографическая характеристика еврейской этнической группы в Петербурге

В результате реформ численность евреев в Петербурге в течение 1860-х годов выросла более чем в тринадцать раз. В 1858 г. столичная еврейская колония насчитывала 552 человека,⁴³ а в 1860 г. — уже 700.⁴⁴

Прирост явился следствием закона 1859 г. о купцах I гильдии. Учитывая членов семьи и прислугу, можно считать, что за это время в Петербурге поселилось около десяти купеческих семейств. В пятилетие с 1861 по 1865 г. численность вновь прибывших составила 400 человек⁴⁵ — дополнительно сказалось действие закона 1861 г. об окончивших высшие учебные заведения с учеными степенями. В результате вступления в силу закона 1865 г. о ремесленниках и 1867 г. о солдатах прирост в следующее пятилетие, с 1866 по 1870 г., достиг 1000 человек,⁴⁶ т. е. увеличился в 2,5 раза. Ю. Гессен, не пользовавшийся переписью 1869 г., опираясь на вышеназванные цифры, следующим образом оценивает численность евреев в Петербурге к концу 1860-х годов: «Имея в виду, что многие евреи, проживавшие нелегально, уклонялись от регистрации, и приняв во внимание естественный прирост населения за эти десять лет, можно признать, что в конце шестидесятых годов здесь проживало около 5000 евреев».⁴⁷ По другой оценке, в Петербурге в конце 1860-х годов было около 10 тыс. евреев.⁴⁸ Перепись же дает среднюю между этими оценками цифру — 6,6 тыс. человек.

Во время переписи 1869 г. подавляющее большинство жителей было сосчитано поименно, но часть — списками (солдаты в казармах, больные в больницах, живущие в пансионах и т. п.). В поименной переписи учтены 2885 мужчин, 2271 женщина старше 7 лет и 1100 детей до 7 лет (609 мальчиков и 591 девочка); в списках значатся 298 человек (в том числе 257 мужчин) — всего, таким образом, 6654 еврея (из них 30 караимов).⁴⁹ Из соотношения мужчин, женщин и детей можно заключить, что по меньшей мере половина евреев жила в Петербурге семейной жизнью. Самостоятельное существование и работа мало были свойственны в то время еврейским женщинам: 87 % их «получали средства существования от глав семейств» (более высокий процент в Петербурге был только у татарок). Поэтому для евреев соотношение доли мужчин и женщин может служить показателем различий в степени укорененности в Петербурге разных сословий. На 100 мужчин-иудеев, принадлежавших к военному сословию, приходилось 95 женщин, у мещан — 84, у купцов — 54. Более низкая доля семейных в купечестве объяснялась тем, что среди них, кроме постоянных жителей, было много иногородних, приезжавших в Петербург по торговым делам на короткие сроки.

В переписи учитывались и религия, и родной язык. Подавляющее большинство (98 %) петербургских евреев считали родным еврейский язык. Русскоязычными были, по-видимому, потомки старожилов Петербурга, либо из числа детей отставных солдат, либо, скорее, — из числа образованных и занимающих достаточно высокое положение людей. Общее количество крещеных евреев учесть невозможно. Но в переписи имеются сведения о числе тех из них, кто назвал родным еврейский язык (103 православных, 23 протестанта, 3 католика).

Социальный состав и занятия. Социальный состав, социально-профессиональная структура живших в Петербурге этнических групп значительно различались. Одной из причин этого были особенности социального развития соответствующих наций и народностей в целом. Так,

в составе латышского, эстонского народов не было дворянства; естественно, что в Петербурге мы не найдем дворян этих национальностей. Поляки, напротив, отличались повышенной долей дворянского сословия — именно поэтому в Петербурге было много дворян поляков. Играло роль также наличие или, наоборот, отсутствие других, кроме Петербурга, возможностей для миграции. Так, украинские крестьяне в гораздо меньшем числе направлялись в Петербург, чем белорусские, и из-за дальности расстояния, и из-за иной социально-демографической ситуации в украинских деревнях, но также и из-за того, что избыточное сельское украинское население имело большие возможности для приложения своего труда в других местах, в частности в угледобывающей промышленности Донбасса. Социальная структура и профессиональный состав национальных групп зависели также от административно-правовых ограничений. Наиболее ярко это проявилось в отношении евреев, в известной мере — поляков.

На занятия живших в Петербурге национальных групп оказывали влияние и условия, складывавшиеся в нем самом, именно — потребность в тех или иных видах труда. При этом следует отметить, что одно и то же, казалось бы, явление — наличие иммигрантов в определенной отрасли производства — может иметь разные объяснения. Так, преобладание иностранцев в некоторых ремесленных производствах Петербурга в XVIII в. было вызвано относительной неразвитостью в России этих производств, а большое число финнов среди петербургских ремесленников в XIX в. объяснялось, напротив, высоким уровнем столичного ремесла (работу в Петербурге финны рассматривали как школу мастерства).

Необходимо отметить и то, что мигранты часто стремятся работать в близком этническом окружении; это ведет к сосредоточению какой-либо этнической группы в очень узком кругу профессий. Впрочем, тут играло роль не только этническое предпочтение, но и земляческие связи, которые способствовали информации о жизни в городе, о потребности в рабочих руках; земляки помогали устроиться на новом месте. Предпочтение или, наоборот, неприятие некоторых видов труда могло быть связано с этническими традициями. Со стороны принимающего населения оказывали воздействие такие факторы, как близость культур, стереотипы представлений о качествах, присущих разным национальностям, этнические предрассудки.

С о с л о в и я. Под сословием чаще всего понимается группа населения, отличающаяся своим юридическим положением, которое передается по наследству. Основными сословиями, которые учитывались переписями XIX в., были дворяне (потомственные и личные), почетные граждане (потомственные и личные), купцы, мещане, крестьяне. В 1869 г. отдельно учитывались близкие мещанам «цеховые», а также «военное сословие». В последнее включались следующие категории: регулярное войско (строевые и нестроевые нижние чины), бессрочно-отпускные, отставные и их семейства, солдатские жены и дети, иррегулярные войска. Тех, кто не подходил под главные сословные рубрики, в статистике 1860-х годов называли «разночинцами», позднее термин этот вышел из употребления.

Из данных о сословиях можно извлечь определенную информацию о социальной структуре населения. Основным было деление на податные и неподатные сословия. Податными были крестьяне и мещане (а также цеховые). Термин «податные сословия» не исчез после отмены подушной подати, он продолжал отражать различия в правовом положении. Податные сословия, в отличие от неподатных, не обладали свободой передвижения (могли получать лишь срочные паспорта), подлежали дисциплинарной власти сословных обществ и могли быть подвергнуты телесным наказаниям. Они составляли низший слой петербургского населения; к этому низшему слою примыкала та часть «военного сословия», которая состояла из отпускных нижних чинов.

В 1869 г. в Петербурге самыми многочисленными были крестьяне, их насчитывалось 207 тыс. (31 % всего населения). Крестьяне составляли основной контингент разного рода наемных работников — прислуги, фабрично-заводских и ремесленных рабочих, но были среди них также самостоятельные ремесленники и крупные торговцы (крестьяне не всегда могли, а иногда просто не спешили записываться в купцы). К военному сословию принадлежало 132 тыс. человек (20%), а за вычетом войск (солдаты, жившие в казармах) — 101 тыс. (15 %). Виды занятий этой группы петербургского населения примерно совпадали с видами занятий крестьян. Мещан (вместе с цеховыми) насчитывалось 141 тыс. (21 %). Заняты они были главным образом в ремесленном производстве. Неподатных сословий всех вместе было в населении столицы 19.5 % (130 тыс.). Самой многочисленной была группа дворян (94.6 тыс., 14.2 %). Почетные граждане составляли очень тонкую прослойку — 7 тыс. человек (1 %) (это звание было введено относительно недавно — в 1832 г.). Купцов было 22.3 тыс. (3.3 %), среди них преобладали иногородние.

Сословный состав евреев в Петербурге определялся, во-первых, тем, что они были группой вообще городской, по преимуществу мещанской, а во-вторых, — особым законодательством, которое давало право на жительство вне черты оседлости ограниченному кругу лиц. В черте оседлости подавляющее большинство евреев принадлежало к мещанскому сословию, определенный процент составляли купцы, а отставные солдаты практически отсутствовали. В Петербурге соотношение сословий было иным. Мещане и солдаты были почти равновеликими группами: мещан — 2721 (41 %), солдат — 2572 (38 %). Доля неподатных сословий была ниже средней по городу, но все же отличалась от нее незначительно — 16.3 % (1093 человека) против 19.5 %. Соотношение же сословий в этой группе во всем населении и в его еврейской части не имело ничего общего: среди евреев преобладали купцы, а не дворяне (871 купец, 153 почетных гражданина, 67 личных и 2 потомственных дворянина).

Главной особенностью Петербурга было наличие большой группы бессрочно-отпускных и отставных солдат-евреев. Военная служба была тем каналом, посредством которого включались в миграцию низшие, малоподвижные слои населения. Например, в конце XVIII в. именно благодаря военной службе появились в Петербурге латыши и эстонцы крестьянского происхождения: при Екатерине II рекрутская повин-

ность была распространена на прибалтийских крестьян; после службы, если она проходила в столице, многие не возвращались на родину, а селились в Петербурге и его окрестностях, так как долгая служба в армии вела к утрате связей с родными местами. То же самое происходило с евреями, но в увеличенном масштабе. Во-первых, евреев-отставников было относительно больше, потому что евреи несли рекрутскую повинность по повышенной норме. Во-вторых, возвращение на родину было для них еще более затруднительно, так как в николаевское время привлечение евреев к воинской службе имело специальную цель «перевоспитания», русификации и, по возможности, крещения (идея-фикс Николая I). Этому служили многие меры: обучение малолетних в кантонистских школах, размещение на постой только в домах христиан, направление на службу в губернии, где не было еврейского населения, привилегии принявшим православие и т. п. Вследствие отрыва от сородичей и национально-религиозных традиций отставные солдаты были в Петербурге наиболее «прижившимися» среди всех евреев. Косвенно это подтверждается приведенным выше сравнением числа мужчин и женщин в разных сословиях.

Занятия солдат в отставке во многом зависели от той подготовки, которую они получали во время службы в армии. Бывшие строевые поступали в полицию, пожарную команду и другие подразделения Министерства внутренних дел в качестве нижних чинов (15 человек), служили швейцарами (39 человек) и т. п. Многие евреи получали в армии ремесленные профессии. Из-за того что при рекрутских наборах евреев не действовали медицинские ограничения, которые касались всех остальных, среди них оказывалось много неспособных к строевой службе. А поскольку евреев брали в армию с 12 лет, была возможность обучить их ремесленным профессиям. «С тридцатых годов по 1858 г. в Петербурге и Москве существовали мастерские команды, в которые высылались из заведений кантонистов неспособные к фронту мальчишки; из команд их отдавали в учение разным ремеслам вольным мастеровым, по контрактам, до полного совершеннолетия и затем назначали на службу в войска, дабы последние не нуждались в мастеровых. В каждой из названных команд числилось постоянно от 700 до 1000 мальчишков». Судьбу бывшего солдата, поселившегося в Петербурге, рисует в рассказе «Век прожить — не поле перейти» Н. Никитин, который сам был кантонистом и солдатом.⁵⁰ Мальчика украли и отдали в кантонисты. Многие его товарищи, чтобы избежать притеснений, приняли православие, герой рассказа сохранил свою веру. Его зачислили в мастерскую команду в Петербурге, направили учиться переплетному делу. По достижении 18 лет он был зачислен рядовым в полк, участвовал в Крымской войне. По окончании войны, потеряв на ней ногу, он отправляется со своим другом, крестившимся в армии, к нему на родину. Но отец отрекся от сына. Н. Никитин поясняет: «Евреи-простодюдины отрекаются от крестившихся детей». Герой рассказа хотя и не крестился, тоже уже отошел от обычаев предков. Евреи-солдаты «никаких религиозных обрядов не исполняют, . . . из голов их еще с малолетства выбили ревность к религии». Завершается история тем, что бывший солдат отправляется в Петербург, где когда-то учился

ремеслу переплетчика. «Общего у меня с моими одноплеменниками ничего не осталось: в 15 с лишком лет я совершенно отвык от всех беспорядочных их порядков, запрещающих и разрешающих всякий вздор, я даже их наречия не понимал. Напрасно только я растравлял зажившие было раны. Я поэтому взял костыль в руку и пустился искать счастья в Питер, где провел сохранившиеся в моей памяти счастливые дни. Но и здесь все, когда-то мне милое, дорогое, тоже исчезло. . . Разыскивать по белу свету было больше нечего, и я нанялся в подмастерья к переплетчику-немцу, и путем долгих хлопотливых трудов и сбережений сгребнул себе собственную маленькую мастерскую с четырьмя рабочими и кое-как, живя одиноким, кормлюсь ею».⁵¹

З а н я т и я. Перепись 1869 г. содержит детальные сведения о профессиональных занятиях населения, с дополнительным подразделением на хозяев, работников, одиночек и администраторов. Посредством группировки этих данных была составлена таблица, в которой все евреи Петербурга, имевшие самостоятельные занятия, распределены на восемь социальных групп; мужчины и женщины рассмотрены отдельно (табл. 4).

Самую большую группу составляли наемные работники, более половины всех мужчин, распределенных по занятиям (55 %). Большая часть их состояла из ремесленников, работавших по найму, о них ниже пойдет речь более подробно. Имелась прислуга, но в небольшом количестве (4.4 %). Рабочих было 4.6 %. Это не так мало: в то время во всем Петербурге рабочие составляли 9.7 % самостоятельного населения. Из 117 рабочих 34 были заняты на винокуренных заводах, 2 — на табачной фабрике, 19 человек работали на железной дороге, 8 — на кораблестроительных предприятиях; больше всего было строительных рабочих — 53 (маляры, стекольщики, печники, штукатуры, плотники и др.). На хозяев ремесленных мастерских и лавок приходилось 9 %. 7-ю и 8-ю группы из таблицы можно объединить в одну под названием «интеллигенция и служащие». Эти две группы вместе (медики и аптекари, учителя и музыканты, железнодорожные служащие и служащие в торговых, промышленных и страховых обществах) составляли 15.4 % работающих мужчин.

Как уже говорилось, еврейские женщины чрезвычайно редко работали или вели собственное дело. «Самостоятельными» были лишь 386 женщин из 2862, т. е. 13 % (среди мужчин «самостоятельные» составляли 73 %).

Женщины распределялись примерно поровну между тремя социальными группами: самостоятельные одиночки, наемные работницы и прислуга (по 26—30 %). Самым распространенным занятием была работа швеи. Портнихи-одиночки (26 человек), работницы в мастерских дамского платья и белошвейных (61 человек), хозяйки таких мастерских (4 человека) составляли четвертую часть всех самостоятельных женщин (24 %). 10 женщин, видимо вдовы, владели лавками, 62 занимались торговлей в разнос. Численность женской прислуги (115 человек), скорее всего, несколько преувеличена, поскольку в прислугах числились иногда фиктивно, чтобы иметь право на жительство.

Социальный состав евреев в Петербурге по переписи 1869 г.

Социальные группы	Мужчины		Женщины	
	число	%	число	%
Банкиры, торговцы процентными бумагами, закладчики и ростовщики, оптовые торговцы, а также живущие капиталом	108	4.1	17	4.4
Хозяева ремесленных мастерских, лавок, кухмистерских и т. п.	231	8.9	28	7.2
Самостоятельные работники, не имеющие наемных рабочих (ремесленники, торговцы-разносчики, трубочисты, шарманщики, квартирные хозяева и др.)	208	8.0	101	26.2
Наемные работники в ремесленных и торговых заведениях, а также работающие у хозяев прачки, парикмахеры, извозчики и др.	1179	46.0	108	28.0
Рабочие на табачных и винокуренных фабриках, строительные рабочие, железнодорожные рабочие и рабочие кораблестроительных государственных предприятий	117	4.5	—	—
Прислуга личная и домовая, поденщики, курьеры и ездовые, носильщики и поденщики на бирже	113	4.3	115	29.8
Интеллигентные занятия (медики, аптекари, педагоги, инженеры, писатели, музыканты, художники, т. д.)	232	9.0	6	1.6
Агенты, комиссионеры, служащие в торговых, промышленных и страховых обществах, администрация в промышленных заведениях	199	7.17	—	—
Учащиеся высших и средних учебных заведений	200	7.7	11	2.8
Итого	2587	100 %	386	100 %

П р и м е ч а н и е. В таблице учтены только те, кто имел самостоятельные занятия (исключена группа живущих за счет глав семейств).

И с т о ч н и к: Перепись 1869. Вып. 2, табл. V (с. 140—227)

Остановимся подробнее на самой многочисленной группе петербургского еврейского населения — ремесленниках, рассматривая их целиком, не отделяя рабочих от хозяев и так называемых «одинок». Основанием для этого является недостаточная классовая дифференциация, характерная для всего тогдашнего ремесленного производства, а для евреев особенно. Все хозяева, за редким исключением, были специалистами своей профессии и принимали участие в производстве. Принадлежность к категории хозяина, рабочего или одиночки была непрочной, наблюдались постоянные перемещения из одной в другую. Хозяин, разорившись, поступал работать по найму, не теряя вместе с тем надежды вернуться со временем в прежнее состояние. Подмастерье, проработав несколько лет в качестве наемного рабочего, начинал наконец самостоятельное дело, на первых порах в одиночку. Некоторые ремесленники-одиночки время от времени обзаводились одним-двумя помощниками. Именно к ремесленникам относится замечание

устроителей переписи 1869 г. о том, что в ходе ее проведения в ответах на вопрос о «положении в производстве» (хозяин, работник или одиночка) наблюдалась часто путаница.⁵² Представляется, что она была обусловлена не столько недостатками в проведении переписи, сколько именно нечеткостью самосознания ремесленников.

Ремесленники в целом составляли весьма большую долю в населении Петербурга — 21 % учтенного по занятиям населения, всего 85 тыс. человек. Соотношение русских и нерусских среди ремесленников примерно соответствовало их соотношению во всем населении (82 и 18 %).⁵³ Но этнический состав ремесленников разных профессий был неодинаков. Были ремесла исключительно русские — такие национальные производства, как пряничное, сбитенное, кружевное, иконописное. Подавляющей долей русских отличались ремесла, характерные для крестьян, — каретники, кузнецы, столяры и др. Соотношение русских и инонациональных групп, равное их соотношению во всем населении, наблюдалось в сапожном и портновском деле. Более многонациональными были хлебное и слесарное ремесла (русских — около двух третей). В ювелирном производстве русские составляли лишь половину всех занятых, в часовом ремесле — одну треть.

Евреев-ремесленников в Петербурге насчитывалось 1177 человек (804 мужчины и 98 женщин). 232 человека (в том числе 8 женщин) были хозяевами мастерских. В одиночку работали 174 человека (в том числе 26 женщин). Всего, таким образом, самостоятельных ремесленников насчитывалось 406 человек, одна треть от общего числа. Работали по найму 696 мужчин и 65 женщин, всего 761 ремесленник (две трети).

У евреев-хозяев работали по найму не только евреи, но и русские рабочие, и наоборот, евреи нанимались к русским, немцам и другим. Это известно и из литературы, но может быть проиллюстрировано также данными переписи: 83 рабочих-еврея было занято в профессиях, в которых евреев-хозяев не было, например 16 строительных рабочих разных специальностей. С другой стороны, в некоторых ремеслах имелись еврей-хозяева, но не было рабочих (красильное, обойное производства).

Вот описание мастерской, расположенной в Коломне, где было сосредоточено большинство петербургских евреев: «В 3-х конурах подвального этажа было 6 верстаков, много разных инструментов, досок и 5 рабочих: 3 еврея и 2 русских. . . — И с ними ладишь? — спросил я (хозяина), указывая на русских. — Ничего, хорошо: я их не обижаю, они меня тоже; мы рядом трудимся. Вся разница между нами та, что гуляем: мы по субботам, а они — по воскресеньям. — По нам, сударь, и еврей хорош, коли дело по чести ведет, и русский дрянь, ежели плутует, — вставил рабочий». Далее автор перечисляет: «. . . я находил евреев портных, сапожников, медников, позолотчиков, и у каждого учеников, еврейских же мальчиков; были подмастерья и у часовщиков и даже у бриллиантчиков; в типографии много наборщиков. Содержали большую часть мастерских отставные солдаты-евреи, которые набирали к себе соплеменников, усердно распространяя среди них ремесленные знания».⁵⁴

Согласно переписи 1869 г., характерными для евреев были следующие занятия: шитье мужского платья (113 портных), шитье сапог (102 сапожника), меховое и скорняжное дело (56 человек). 65 человек занимались обработкой металлов. Имелось 15 часовщиков и 62 ювелира.

Наряду с ремеслом евреи занимались торговлей. По данным переписи, численность евреев-купцов была очень велика — 871 человек. Эта цифра отражает реальный факт высокой доли этого сословия среди петербургских евреев. За этой цифрой стоит и другое. Каждый торгующий еврей брал купеческое свидетельство, так как это обеспечивало ему возможность постоянного (I гильдия) или временного (II и III гильдии) пребывания вне черты оседлости. Что же касается торговцев других национальностей, они далеко не всегда брали купеческие свидетельства; даже среди крестьян некоторые ворочали миллионами, а записываться в купцы не спешили.

Большинство купцов были иногородними, жили в Петербурге временно. Купцы имели право вести только оптовую торговлю. Согласно существовавшим правилам (циркуляр Министерства внутренних дел от 16 февраля 1866 г.), евреи вне черты оседлости могли брать гильдейские свидетельства на торговлю только изделиями собственного ремесла. Циркуляр этот, видимо, не всегда строго исполнялся (что нашло отражение в переписи 1869 г.), впоследствии он был подтвержден законом 23 марта 1870 г.⁵⁵

Массовой была в Петербурге лавочная торговля: всего насчитывалось 3,6 тыс. лавок. Под названием «лавка» в переписи объединялись и фешенебельные магазины на Невском, и мелкие захудалые лавчонки. Именно к последней категории принадлежала в основном «еврейская торговля» Петербурга. Более всего было старьевщиков: в 19 лавках торговали подержанным платьем и только в трех — новым. 11 лавок специализировалось на продаже мануфактуры, 5 — меховых изделий. Было несколько заведений, рассчитанных на более состоятельных покупателей: 3 ювелирных магазина и 3 лавки, в которых торговали чаем, кофе, сахаром. Вообще торговля, как тогда говорили, «съестными припасами» была для евреев нехарактерна. Ее практически монополизировали русские крестьяне, которые торговали товарами сельского производства: им принадлежали зеленные, птичные, рыбные, мясные лавки, мучные лабазы и т. п. Правда, имелось 9 еврейских мясных, но они были рассчитаны на евреев же: там продавалось кошерное мясо. Работников-евреев в лавках было немного, всего 26 человек, большинство служило в мясных — всего 16, т. е. по 2 человека в лавке.

Нижнюю ступень петербургского торгового мира составляли разносчики, ходившие со своим товаром по домам; некоторые торговали на рынках. Было их всего 6 тыс. человек, большинство, естественно, русские. Много было также разносчиков-татар (разносная торговля мануфактурным и галантерейным товаром была типично татарской профессией). Для еврейского населения Петербурга торговля в разнос была не очень характерна — ею занимались 62 женщины и 31 мужчина.

После принятия законов 1859 и 1861 гг. — о купцах I гильдии и об окончивших высшие учебные заведения с ученой степенью — в Петербурге появляется немногочисленная группа богатых и образованных евреев.

В 1859 г. выходцем из Витебской губ. Е. Г. Гинцбургом был основан в Петербурге банкирский дом «И. Е. Гинцбург», который вскоре стал одним из главных банковских учреждений России. Известным банкиром стал также А. М. Варшавский, приехавший в Петербург из Полтавской губ. в начале 1860-х годов. Оба они, а также и сын Е. Г. Гинцбурга Горадий много сделали для эмансипации и культуры евреев. Кроме того, они участвовали и в нееврейской культурной и благотворительной деятельности в Петербурге. Е. Г. Гинцбург возглавил основанное в 1863 г. Общество для распространения просвещения между евреями России, которое ставило своей целью привлечение их к общерусской культуре.

Среди интеллигентных профессий первая, к которой были допущены евреи, была профессия врача. Этот вид деятельности считался непристижным у русского дворянства, а других социальных источников для подготовки интеллигенции было недостаточно (недаром так много в России было врачей-немцев). Поэтому было решено допустить евреев в эту профессию. В 1835 г. разрешили принимать в Медико-хирургическую академию воспитанников-евреев на казенный счет. Однако жить и работать после окончания академии евреи могли только в черте оседлости. Опасение выпустить еврея за ее пределы сохранялось и в годы реформ. Именно этим объясняется странная на первый взгляд особенность закона 1861 г.: для получения права «жительства в любом месте» империи медикам был необходим диплом доктора наук, для всех остальных признавались достаточными дипломы магистра или кандидата. Объяснялось это просто: среди евреев было больше имеющих степени в медицине, чем в других науках, а право на жительство старались дать лишь единицам. Вскоре, однако, это постановление было частично пересмотрено. С 1865 г. евреев-врачей стали брать в военно-медицинскую службу, с 1866 г. — в учреждения Министерства народного просвещения с правом жительства в любом месте империи. В результате всех этих постановлений в Петербурге в 1869 г. имелось, согласно переписи, 20 евреев-медиков. Все остальные интеллигентные профессии представлены в переписи в меньшем числе. Так, в группе, объединявшей писателей, журналистов, переводчиков и издателей было всего 5 человек, преподавателей средних и низших учебных заведений — 15, инженеров — только 2. Музыкантов, учителей пения и музыки было 30 человек, но мало кто из них имел высшее образование.

Обращает на себя внимание большое число студентов высших учебных заведений — всего 176 человек. Распределение по учебным заведениям не указано, кроме двух: 8 человек учились в консерватории (она была открыта в 1862 г. и сразу вызвала интерес евреев) и 1 человек в Академии художеств. Известно, что были еврей-студенты также в Технологическом институте, Университете, Военно-хирургической академии.

Расселение по городским районам

В середине XIX в. Петербург представлял собой русский в основном город с дисперсным расселением иноэтнических групп. Однако такое расселение отнюдь не всегда является этнически нейтральным. Некоторые этнические группы концентрировались по преимуществу в определенных районах. Причины этого — земляческие связи в соединении с этническим предпочтением, а также социальный фактор, когда место проживания зависит от занятий и социального статуса.

Расселение евреев в Петербурге в пореформенный период носило четко выраженный этнический характер. Было произведено сравнение индексов концентрации по городским участкам десяти наиболее многочисленных в Петербурге этнических групп (индекс показывает, во сколько раз доля этнической группы в населении участка выше или ниже доли этой группы во всем населении). В Петербурге всего было 38 участков. Ниже приведены для сравнения индексы концентрации этих десяти групп по участкам (показано количество участков, в которых индекс превышает 2.0).

Этнические группы	Количество участков с указанным индексом		
	2.0—3.9	4.0—5.9	6.0—7.9
Евреи	1	—	1
Татары	4	—	1
Французы	2	2	—
Англичане	5	1	—
Финны	4	—	—
Эстонцы	5	—	—
Немцы	4	—	—
Шведы	3	—	—
Латыши	1	—	—
Поляки	1	—	—

Как видим, наиболее этнически обусловленным было расселение евреев и татар, французы и англичане занимали второе место. По-видимому, можно констатировать связь высокой концентрации с конфессиональными отличиями от большинства населения (евреи, татары) и с иностранным подданством (французы, англичане). Эта закономерность сохранялась в Петербурге и в последующие годы.⁵⁶

В 1869 г. в Петербурге имелся один район сосредоточения евреев, центром которого был 4-й участок Спасской части. Здесь жило 26.7 % всех петербургских евреев, доля их в населении участка составляла 7.9 %, что в 8 раз превышало долю евреев во всем населении. Евреи селились также в прилегающих кварталах соседних участков. В одном из них, 4-м участке Московской части, доля евреев в населении также была достаточно высока, в остальных — незначительна. Всего же в этом районе проживало в 1869 г. 65.9 % всех петербургских евреев (4413 человек, подсчитаны жители восьми участков: 2-го и 3-го Казанской части, 3-го и 4-го Спасской, 1-го Коломенской, 1-го и 2-го Нарв-

ской, 4-го Московской). Остальные были более или менее равномерно расселены по городу.

«Еврейский» район Петербурга был расположен в кварталах, прилежащих к Садовой улице между Санным и Никольским рынками. Что же представлял собой этот район?

Охарактеризуем самым общим образом этническую топографию Петербурга пореформенного времени, чтобы понять место «еврейского района» на его карте. В аристократическом административном центре (левый берег Невы от Фонтанки до Мойки) население состояло из родовой и служилой аристократии, крупных чиновников, военных, а также тех, кто был занят их обслуживанием. Люди низших слоев общества в официальном центре столицы жили исключительно в тех случаях, когда по роду своей деятельности были связаны с обслуживанием основного населения. Доля русских здесь составляла 77 %. Состав нерусской части был немецко-польским, особенно много (10 %) было немцев (поляков — 1.7 %). Именно эти национальности преобладали в высших и образованных слоях населения. Культурным и торговым центром столицы был Невский проспект до Фонтанки и Большая Морская улица с прилегающими кварталами. Здесь жили главным образом люди, занятые административной деятельностью, чиновники, представители разных свободных профессий, педагоги, артисты, а также торговцы и многочисленные служащие магазинов и, разумеется, прислуга. Доля русских была немного ниже, чем в административном центре (72—73 %), среди иноэтнической части было много иностранцев, главным образом французов и немцев.

Описанный центр столицы, для которого был характерен средний уровень концентрации нерусского населения, был окружен поясом, где доля нерусских была максимальна. Это — Васильевский остров, средоточие науки и заграничной торговли, а также торгово-ремесленный район, расположенный южнее Невского (2-й и 3-й участки Казанской части). На Васильевском острове доля русских составляла 73 %, очень многочисленны были немцы и финны. Казанская часть была самой этнически смешанной во всем Петербурге. Русские здесь составляли только две трети населения. Из нерусских преобладали немцы (20.5 %) и финны (6.2 %). Здесь было много лавок, торговавших готовой одеждой, и соответствующих мастерских. Они обслуживали не высшие круги общества, как магазины на Невском, а средние слои.

Второй пояс, в котором доля русских была наивысшей, охватывал торгово-ремесленный район вокруг Садовой улицы. Вот здесь-то, на окраине русского по преимуществу торгово-ремесленного района, и находился еврейский уголок Петербурга.

Садовая улица, прорезавшая с севера на юг Спасскую часть, была главной торговой артерией не только этой части, но и всего Петербурга. Самой характерной ее чертой было преобладание привозной торговли над местной и большое число в связи с этим рынков — шесть крупнейших рынков столицы (вся оптовая торговля). Кроме рынков, на Садовой и вокруг нее, на разных улицах и в переулках Спасской части, размещались многочисленные ремесленные мастерские, главным образом следующих отраслей: обработка металлов, кожевенные, обработка

волоконистых веществ, дерева. Многие мастерские работали не на заказ, как в центре, а на продажу — сами и сбывали одежду, утварь, обувь. Большинство ремесленников составляли крестьяне. Часть их вела кочевую жизнь: портные, сапожники, шапочники, меховщики весной уезжали в деревню, а осенью возвращались назад (зимние отходники).

Роль Садовой для простого народа была подобна роли Невского для привилегированного общества. На Садовой всегда было многолюдно. Продаваемый на рынках и с рук товар был рассчитан на покупателей из низших слоев населения, в том числе на рабочих, которые являлись сюда за покупками с самых отдаленных окраин. Здесь было очень много трактиров, харчевен, распивочных, обжорных рядов: в них нуждался сосредоточенный в районе многочисленный бессемейный и бездомный люд. Район этот был, по петербургским представлениям, можно сказать, совсем русский. Ближе к Невскому (2-й участок Спасской части) русских было 87—89 %. Дальше от Невского доля русских была еще выше и со временем росла (в 3-м участке Спасской части русское население составляло в 1869 г. 87 %, в 1890 г. — 91 %). Интересные данные о погубернском составе русского населения этого района имеются в опубликованных материалах переписи 1864 г.: выходцы из Ярославской, Тверской и Костромской губ. составляли здесь 85 % жителей (т. е. почти все русское население).⁵⁷

Далее Сенного рынка начинался район, где в 1869 г. сосредоточивалось две трети петербургских евреев. Это была уже торгово-ремесленная периферия. На Никольском рынке (у Крюкова канала) происходил наем рабочих. Здесь под специально построенными навесами собирались приезжавшие в Петербург в поисках работы крестьяне. Каждую весну приезжали каменщики, печники, землекопы, огородники, плотники, торговцы-разносчики и др. Прилив их начинался с конца февраля и продолжался до конца апреля, а отъезд происходил в сентябре, октябре и в начале ноября. На Ново-Александровском рынке (на пересечении Садовой и Вознесенского проспекта) торговали поддержанными промышленными товарами. Здесь было много мелких мастерских, дешевых лавочек, обслуживавших бедный люд, но не было размаха оптовой и привозной торговли. Лавочки и мастерские принадлежали почти исключительно евреям.

Компактное жительство евреев в Петербурге в то время было обусловлено главным образом сильными этническими, земляческими, родственными и религиозными связями. Здесь поселялись те, кто приехал недавно, — ремесленники, получившие право жительства в столице всего за четыре года до переписи, по которой мы судим о расселении. Они плохо знали русский язык, чувствовали себя в городе чужими. Объединяющими центрами для евреев были синагоги. По данным переписи 1869 г., в этом районе имелись четыре синагоги, одна молельня, школа с приютом и еще одна школа, для девочек; вне его — только две молельни (молельни при воинских частях и в госпитале не учитываем).⁵⁸ В литературе имеются сведения лишь о двух молитвенных домах (причем подчеркивается, что синагогами их называть не разрешали) — о молитвенном доме на Екатерининском канале у Львиного мостика (официально существовал с 1865 г. и о хоральной мо-

лельне на Вознесенском проспекте, первое богослужение в которой состоялось в 1868 г. на Рош-Ашана (Новый год).⁵⁹

Несмотря на нивелирующее влияние большого города, кое-что здесь сохранялось от еврейского быта и в уличной, открытой, жизни, а не только в домашней. В рассказе В. Н. Никитина, посвященном петербургским евреям, говорится, как после молитвы в синагоге «40—50 очень религиозных, преимущественно пожилых евреев пошли восвояси, как в своих местечках, — в талесах».⁶⁰ Правилами 19 августа 1852 г. было установлено: «Употребление талесов и твалимов (тфилин) и ермолок дозволить только при богомолении в синагогах и молитвенных домах, но отнюдь не допускать носить их вне синагог и молитвенных домов».⁶¹ Однако в конце 1860-х годов на выполнение этого правила в таком захолустном районе столицы смотрели сквозь пальцы, тем более что в 1865 г. последовало разъяснение, что правилами о еврейской одежде имелось в виду устранить на улицах и в общественных местах «неприличия» в одежде «со стороны как евреев, так и вообще всех прочих жителей» и что в дальнейшем не встречается необходимости «в принятии каких-либо мер, исключительно относящихся до еврейского населения».

Район, о котором идет речь, оставался центром расселения евреев и в последующее время. В 1890 г. в названных выше 8 участках абсолютная численность евреев была на уровне 1869 г., но теперь это составляло 48 % всех евреев, живших в столице. Именно здесь, в 1-м участке Коломенской части, на Лермонтовском проспекте, в конце XIX в. была построена новая большая синагога, существующая поныне.

В других районах евреи жили рассеянно и в небольшом числе. Очень мало их было в аристократическом центре, в этом смысле изменений с годами не наблюдалось. Так, в Адмиралтейской части и прилегающих к Невскому 1-м участке Казанской и 1-м участке Спасской части (до Фонтанки) в 1869 г. жили 396 евреев (6 % всего их числа), в 1890 г. — 774 человека (4 %). Это объясняется социальными причинами. Среди евреев было очень мало лиц, занимавших высокое общественное положение. Торговые и ремесленные заведения, принадлежавшие евреям, не могли конкурировать с сосредоточенными в этом центральном районе первоклассными магазинами и ателье. На отдаленных окраинах евреи также практически не жили, так как среди них почти не было заводских и фабричных рабочих.

Можно попытаться реконструировать различие социального (вернее — сословного) состава еврейского населения в зависимости от места жительства (цифровых данных об этом не имеется). Как уже говорилось, 66 % петербургских евреев жили в 1869 г. в одном небольшом районе. Здесь селились те, кто недавно приехал, т. е. мешчане, появившиеся в Петербурге после 1865 г. Они составляли 41 % всех петербургских евреев. Остальные 25 %, вероятно, состояли из отставных солдат. Люди, занимавшие более высокое общественное положение, здесь не жили. В других районах Петербурга были расселены купцы, почетные граждане, дворяне (16 %) и часть солдат (13 %), т. е. в этих районах простой народ среди евреев составлял менее половины.

Любопытные результаты для характеристики еврейского расселения в Петербурге дает анализ более поздних материалов. В 1910 г.

в традиционном еврейском районе проживало не более четверти всех петербургских евреев. Но именно здесь оставался наиболее высоким процент считающих родным еврейский язык — по участкам от 63 до 80 %; в остальных районах еврейский язык считали родным от 38 до 52 % евреев. Это значит, что и в начале XX в. вновь приезжающие предпочитали селиться в старом традиционном районе и только спустя некоторое время часть их расселялась по другим районам города.

* *

*

Материалы переписи 1869 г. фиксируют начальный момент формирования в Петербурге многочисленной еврейской колонии. Она состояла в то время в большинстве своем из недавних выходцев из Западного края, недостаточно еще адаптировавшихся в столице, а также из отставных солдат, утративших некоторые основы национальной культуры, но не усвоивших и русскую. Социальный статус евреев в Петербурге был в то время довольно низок, несмотря на то что законом не допускалась иммиграция беднейших слоев: он всецело определялся еще более низким статусом их в черте оседлости. Вместе с тем в Петербурге уже тогда начала формироваться русскоязычная интеллигенция, что обеспечило в дальнейшем условия для возникновения в Петербурге центра русскоязычной еврейской культуры.

¹ Санктпетербург по переписи 10 декабря 1869 г. (далее: Перепись 1869 г.). Спб., 1872. Вып. 1, 2; 1875. Вып. 3.

² Грузенберг С. Еврейское население Петербурга // Восход. 1891. Кн. 1. С. 1—23; Соловейчик М. Петербургские евреи по последней переписи // Там же. 1892. Кн. 5. С. 1—16.

³ Гессен Ю. Санкт-Петербург // ЕЭ. Т. 13. Стб. 936—949.

⁴ Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга: Вторая половина XIX—начало XX века. Л., 1984.

⁵ См. об этом: Юхнева Н. В. Этническая территория и особенности расселения евреев-ашкеназов России в конце XIX в. // Малые и дисперсные этнические группы в Европейской части СССР. М., 1985. С. 56—70.

⁶ Юхнева Н. В. Этнический состав. . . С. 210.

⁷ Петербург был для евреев инонациональным городом, в то время как в Белоруссии и Литве имелись города, где они являлись доминирующей этнической группой. См. об этом: Юхнева Н. В. Материалы к этническому районированию городского населения Европейской России // Этнические группы в городах европейской части СССР: Формирование, расселение, динамика культуры. М., 1987. С. 112—126.

⁸ Юхнева Н. В. О роли многонациональных городов Центральной и Восточной Европы в интеграционных этнических процессах (XVIII—XIX вв.) // У истоков формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе: Общественно-культурное развитие и генезис национального самосознания. М., 1984. С. 17—28.

⁹ Об этом см.: Юхнева Н. В.: 1) Роль Петербурга в национальном развитии латышей и эстонцев // Проблемы этнической истории балтов. Рига, 1985. С. 159—163; 2) Роль Петербурга в национально-культурных движениях народов России // ЭПЛ. Вып. 1. Л., 1987. С. 3—11.

¹⁰ О «Гамелиде» петербургского периода см.: Вартанов Ю. П. Некоторые данные о быте петербургских евреев в 70-е годы XIX в. на страницах газеты «Гамелид» // ЭПЛ. Л., 1987. Вып. 1. С. 30—37.

¹¹ Гордон А. О. К истории поселения евреев в Петербурге // Восход, 1881. Т. 2. С. 35—41.

¹² ПСЗ. Т. 28. № 21547.

¹³ С. Л. [Липшиц С.]. К истории евреев в Петербурге в царствование императора Александра I // Еврейский ежегодник на 1901—1902 год. Спб., 1901. С. 339—340.

¹⁴ Гессен Ю. Санкт-Петербург. Стб. 941.

- ¹⁵ См. там же.
- ¹⁶ ВПСЗ. Т. 2, № 1329, 1330.
- ¹⁷ Там же, № 1115.
- ¹⁸ Там же. Т. 13. Отд. 1, № 10886.
- ¹⁹ Из записок сенатора К. Н. Лебедева. 1838 // Русский архив. 1910. Кн. 7. С. 387.
- ²⁰ Гессен Ю. Санкт-Петербург. Стб. 943.
- ²¹ Карнович Е. Санктпетербург в статистическом отношении. Спб., 1860. С. 50.
- ²² ВПСЗ. Т. 11, отд. 1, № 42264. С. 693—694.
- ²³ Там же. С. 694—695.
- ²⁴ Там же. С. 695.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Гессен Ю. Попытка эмансипации евреев в России // Пережитое: Сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России. Спб., [1910]. Т. 1. С. 158—159, 161.
- ²⁷ ВПСЗ. Т. 11, отд. 1, № 42264. С. 696.
- ²⁸ Гессен Ю. Александр II, русский император // ЕЭ. Т. 1. Стб. 814 (по рукописным материалам).
- ²⁹ Там же. Стб. 814—815.
- ³⁰ ВПСЗ. Т. 2, № 1329.
- ³¹ Там же. Т. 30, № 29681; т. 31, № 30877, 30888.
- ³² Там же. Т. 30, № 29850.
- ³³ Там же. Т. 21, № 30493.
- ³⁴ Там же. Т. 31, № 30847.
- ³⁵ К столетию Комитета министров: 1802—1902. Исторический обзор деятельности Комитета министров. Спб., 1902. Т. 3, ч. 1. С. 332.
- ³⁶ ВПСЗ. Т. 34, № 34248.
- ³⁷ Там же. Т. 35, № 34459.
- ³⁸ Там же. Т. 36, отд. 2, № 37684.
- ³⁹ Гессен Ю. Александр II, русский император. Стб. 817.
- ⁴⁰ ВПСЗ. Т. 35, № 36339.
- ⁴¹ Там же. Т. 42, № 44745.
- ⁴² ВПСЗ. Т. 40, № 42264.
- ⁴³ Карнович Е. Санктпетербург. . . С. 50.
- ⁴⁴ Гессен Ю. Санкт-Петербург. Стб. 945.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Днепровский С. К истории еврейской общины в Петербурге // Недельная хроника Восхода. 1893. № 35. С. 934.
- ⁴⁹ Перепись 1869 г. Вып. 1, отд. 2. С. 25, табл. 1.
- ⁵⁰ Никитин Н. Век прожить — не поле перейти. . . (Из записок отставного солдата) // ЕБ. Спб., 1874. Т. 4. С. 194.
- ⁵¹ Там же. С. 194—213.
- ⁵² Перепись 1869 г. Вып. 1, отд. 1. С. 1.
- ⁵³ Перепись 1869 г. (как и другие) не дает численности ремесленников. Способ получения приведенной цифры см.: Южнева Н. В. Этнический состав. . . С. 56—57. С. 56—57.
- ⁵⁴ Никитин В. Н. Искатель счастья // ЕБ. 1875. Т. 5. С. 100.
- ⁵⁵ ВПСЗ. Т. 45, № 48175.
- ⁵⁶ См. анализ на 1890 и 1910 гг. в кн.: Южнева Н. В. Этнический состав. . . С. 114—115.
- ⁵⁷ Санктпетербург: Исследования по истории, топографии и статистике столицы. Спб., 1868. Т. 3. Табл. на с. 20—34.
- ⁵⁸ Перепись 1869 г. Вып. 2. Перечень церквей, учебных заведений, богаделен, тюрем, казарм. С. 129—147.
- ⁵⁹ Днепровский С. К истории. . . С. 934—936.
- ⁶⁰ Никитин В. Н. Искатель счастья. С. 96.
- ⁶¹ Гессен Ю. Одежда // ЕЭ. Т. 12. Стб. 48—49.



А. В. ВЫСКОЧКОВ

ОБ ЭТНИЧЕСКОМ СОСТАВЕ
СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
СЕВЕРО-ЗАПАДА РОССИИ
(вторая половина XVIII—XIX в.)

Северо-западный регион России издавна был зоной контакта славянских и прибалтийско-финских племен.¹ Русское население оставалось на территории, отошедшей к Швеции после Столбовского договора 1617 г.² Возвращение России в результате Северной войны берегов Балтики и основание Петербурга привели к заселению Ингерманландии русскими крестьянами-переселенцами из внутренних губерний.

По данным переписи 1732 г., обработанным С. М. Троицким, в Копорском, Шлиссельбургском и Ямбургском уездах (сведения по Петербургскому уезду не сохранились) русских «переведенцев» было около 17 % всего крестьянского населения, «старожилов русских, которых деды и отцы в Ингерманландии жили до шведского владения» — 9,6 %. В целом русское крестьянское население еще значительно уступало ингерманландским финнам (в источнике — «чухонцы» и «латыши»), которых было 37,6 %, но русских было уже больше, чем ижор (24 %).³

К середине XVIII в. заселение края в основном было завершено. Вероятно, этому способствовал и указ Сената от 12 января 1748 г., который во изменение указа 1712 г. разрешал помещикам закреплять за собой в собственность земли, предназначавшиеся ранее для поселенцев, с единственным условием эти земли действительно «русскими крестьянами населить, чтоб чрез то могла Ингерманландия российскими крестьянами размножиться». Примерно к этому времени (1747 г.) относится, в частности, распоряжение П. Б. Шереметева о переселении в Губаницкую мызу его ярославских крестьян.⁵

Из наиболее значительных русских селений в окрестностях Петербурга можно назвать ямщицкие слободы — Московскую, Смоленскую, Вологодскую, Тосно, принадлежащие дворцовому (удельному) ведомству села Стрельну, Красное, Пулково, слободу Рыбацкую (позже Александровской мануфактуры), подчиненную Адмиралтейству слободу Охту, помещичьи селения — Большую и Малую Суздальские слободы (Парголово), Шувалово, Левашово, Мурино, населенные государственными крестьянами деревни Купчино, Волкову (частично).

Итоги заселения края были отражены на карте созданной в 1749 г. Межевой канцелярии.⁶ Окладные книги, относящиеся ко второй половине XVIII в., свидетельствуют о достаточно стабильной численности сельского населения. Так, с 1783 по 1789 г. помещики перевели в Петербургскую губ. 1228 крестьян (без дворовых — 507), а выбыло за пределы губернии за этот же период 1184 (без дворовых — 639).⁷

К этому времени установились в основном и границы трех губерний Северо-Запада России — Новгородской, Псковской и Петербургской. Наиболее значительные изменения губернских границ были в 1744, 1772, 1775—1776, 1781, 1784, 1796, 1801 гг., причем границы 1801 г. в основном совпадали с границами 1781 г.⁸ Они сохранились до 1917 г., если не считать незначительных изменений, в частности включение с 1812 по 1864 г. Сестрорецкого завода с окрестностями в состав Выборгской губ.⁹

Общая площадь, занятая тремя губерниями Северо-Запада России, составляла в конце XIX в. 220 316 км².¹⁰ На этой территории проживало по переписи 1897 г. 4 601 372 человека, из них в сельской местности — 3 021 551 человек.¹¹ Крестьян в сельской местности (не считая проживающих в городах) было 2 820 742 человека.¹² В предшествующий период доля крестьян среди сельского населения была еще выше.

При изучении демографических и этнических процессов необходимо иметь в виду, что территория современных Ленинградской, Новгородской и Псковской обл. не совпадает с территорией бывших губерний и несколько уменьшилась (всего 196 500 км²). Ленинградская обл. стала больше Петербургской губ. на 36 % (соответственно 85 900 и 53 768 км²), Псковская — на 12,5 % (55 300 и 44 209 км²), а Новгородская обл. стала в два раза меньше Новгородской губ. (55 300 и 122 339 км²). В состав Ленинградской обл. включены Карельский перешеек севернее Белоострова, территория бывшего Лодейнопольского уезда Олонецкой губ. восточнее р. Оять и небольшие южные участки севернее р. Свирь бывших Петрозаводского и Олонецкого уездов. Из состава Новгородской губ. в Ленинградскую обл. вошла территория Тихвинского уезда, а Гдовский уезд и южная часть (примерно 1/5) Лужского уезда к югу от Черемнецкого озера ныне находятся в составе Псковской обл. Восточная часть Новгородской губ. (бывшие Кирилловский, Белозерский, большая часть Устюжно-Железопольского и Череповецкого уездов) вошла в состав Вологодской обл. К Псковской обл. в 1920 г. отошла северная часть бывшей Полоцкой губ.: Невельский, Себежский и первоначально — Велижский уезды (г. Велиж ныне в Смоленской обл.). В то же время территория бывшего Холмского уезда Псковской губ. ныне находится в составе Новгородской обл., а Торопецкого уезда — Калининской. Изменения административных границ имеют значение прежде всего при изучении карел, вепсов, эстонцев-сету (статистика относится к различным административно-территориальным единицам).

В этническом отношении наиболее однородным было население Псковской и Новгородской губ. В первой, кроме русских, в небольшом количестве проживали эстонцы-сету и латыши, а во второй — карелы и вепсы. В Петербургской губ., точнее, на той ее территории, которая

входила ранее в состав «ингерманландских уездов», кроме русских старожилов и русских переселенцев, бок о бок с ними жили различные прибалтийско-финские народы с различной исторической судьбой: водь, ижора, ингерманландские финны (эвреймейсет, савакот), эстонцы, а также, вероятно, небольшое число карел, вепсов и этнической группы финнов в низовьях р. Луги.

Особую этносоциальную группу составляли немцы-колонисты, селившиеся в Петербургской губ. с 1765 по 1819 г. В основном это были протестанты, в небольшом числе — католики (из Пфальца).¹³ В Новгородской губ. их колонии появились в 1822—1836 гг.¹⁴ В 1897 г. среди уездного населения Петербургской губ. немцев было 8088 человек, в Новгородской — 3518, в Псковской — 2055.¹⁵ Вплоть до начала XX в. колонисты сохраняли свою национальную обособленность.¹⁶

В пореформенный период среди сельского населения Северо-Запада России резко выросла численность латышей и поляков. В отличие от поляков проникновение латышей (так же как и эстонцев) относится к более раннему времени. В начале 60-х годов XVIII в. «латыши веры греческого исповедания» фиксируются источниками в Изборском, Вышегородском и Островском уездах (в первом — вместе с «чухнами», т. е. эстонцами).¹⁷ В 1897 г. среди сельского населения их было 10 120, из них 90 % — православные. В основном они жили в Псковском и Островском уездах. В Новгородской губ., по данным переписи 1897 г., латышей было 6153 (они занимали четвертое место после русских, карел и вепсов), в Петербургской — 3130. Поляков в 1897 г. в Петербургской губ. было записано 3169, в Псковской — 1947, в Новгородской — 1817 человек. В Псковской губ. среди сельского населения проживало 2687 евреев. Представителей других национальностей было не более нескольких сот человек в каждой губернии.

На территории бывшей Ингерманландии в результате контактов русское население уже в середине XVIII в. более четко этнически идентифицирует разные финноязычные народы, что нашло отражение и в официальных документах. Православные ижоры и водь противопоставляются ингерманландским финнам лютеранского вероисповедания — «чухонцам», или «маймистам». Постепенно исчезает неопределенное название всего прибалтийско-финского населения — «латыши».

В топографических описаниях, записках путешественников, географических лексиконах, трудах Вольного экономического общества и других источниках конца XVIII в. говорится о чуди, чудье, ижоре (инграх), чухнах, чухонцах (маймистах). Одним из первых дал краткие, иногда наивные, характеристики финнам, ижорам и эстонцам автор первого этнографического труда о народах России Иоганн Готтлиб Георги.¹⁸ Значительную часть описания Петербургской губ. (1788—1790 гг.) известный журналист и историк Федор Осипович Туманский посвятил характеристике финноязычных народов, их языку и быту.¹⁹

В середине XIX в. академик П. И. Кеппен на основании сведений, полученных от петербургского гражданского губернатора и дополненных некоторыми местными земскими исправниками, впервые опубликовал данные о численности водь, ижоры и немцев. Им же была обобщена информация об ингерманландских финнах, полученная от 20 про-

**Этнический состав сельского населения Северо-Запада России в середине XIX в.
(1848—1850 гг.). Реконструкция ***

Население	Новгородская губ.		Псковская губ.		С.-Петербургская губ.		Всего	
	численность	%	численность	%	численность	%	численность	%
Водь					5148	1.3	5148	0.3
Ингерманландские финны	31	0.0			72323	17.7	72354	4.0
Карелы	27076	3.4					27076	1.5
«Карелы-лютеране»					3660	0.9	3660	0.2
Ижора					17800	4.3	17800	1.0
Эстонцы			8000	1.3	2522	0.6	10522	0.6
Вепсы	7067	0.9					7067	0.3
Немцы	1000	0.1	557	0.1	11890	2.9	13447	0.8
Русские	752259	95.5	588041	98.6	295389	72.3	1635689	91.1
Итого (обоих полов)	787433	100.0 %	596598	100.0	408732	100.0	1792763	100.0

* Источники: *Келпс П. И.* 1) Об инородческом... населении... С. 187; 2) Об этнографической карте... С. 38—39; *Кабузан В. М.* Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. М., 1971. С. 155. Перерасчет данных IX (1850 г.) ревизии с учетом женщин сделан исходя из соотношения на 100 мужчин 102 женщины, характерного для XIX в.

тестантских пасторов. Эти сведения были проверены П. И. Кеппеном во время поездки по губернии в августе 1848 г. и нашли отражение в «Этнографической карте С.-Петербургской губернии» (1-е изд. — 1849 г.) и ряде публикаций.²⁰ Данные о корелах, вепсах и эстонцах в других губерниях содержатся в главном труде П. Кеппена в области этнографии — «Этнографической карте Европейской России», впервые изданной Академией наук в 1851 г.²¹ Отчасти могут быть использованы и более поздние этнографические карты.²² Сведения П. И. Кеппена не могут быть полностью сопоставимы с данными IX ревизии (1850 г.), зафиксировавшей податные сословия. Однако — по крайней мере в отношении сельского населения они дают реальную возможность для реконструкции его этнического состава (табл. 1). Для второй половины XIX в. представляют интерес различные статистические издания,²³ но наиболее точные сведения содержатся в опубликованных данных первой всеобщей переписи населения России 28 января 1897 г., как в общем Своде, так и в отдельных выпусках по губерниям.²⁴

Водь. Древнейшее население края, давшее название Водской пятине, впервые было описано нарвским пастором Трефуртом в сборнике, изданном в Риге в 1783 г. Как отмечал профессор Цеплин, Трефурт, «не входя в этнографические подробности и не зная по-фински, смотрел на них с той же точки зрения, как все их соседи, и назвал чухонцами или чудью, не взирая на то что побережные крестьяне финского племени зовут себя вотландцами».²⁵

Более подробно описал водь Ф. Туманский, уточнив, что «все окрестные крестьяне, которых словоупотребление должны быть нам правилом к суждению, между чюдью и чухонцами делают различие. . . Чюдь они называют чюдью, а эстонца чухною».²⁶ Аналогично в описании Петербургской губ. 80-х годов XVIII в. в Нарвском уезде отмечаются «ижоры, чудь и чухны».²⁷ Об этом же свидетельствует А. Шеррен в 1830-е годы,²⁸ П. И. Кеппен в 1840-е годы²⁹ и составители списка населенных мест в 1862 г.³⁰ В 1882 г. земские статистики, производившие подворную перепись, также отмечали, что «народ и теперь называет водь чюдью».³¹ Таким образом, источники не подтверждают мнение А. И. Попова, считавшего, что термин «чудь» в разговорной народной речи не применялся по отношению к води, а только к вепсам (заволоцкой чуди) и эстам.³²

Ф. Туманский, знакомый как с литературой, так и с местным населением, приводит правильное самоназвание води — «вадделазет» — и связывает ее с летописной чюдью.³³ По его сведениям, водь проживала в «не многом количестве в уездах Ямбургском и Ораниенбаумском, особливо около озера Бабина и главное их седалище в деревнях Котлы или Каттила и Бабине с окрестными».³⁴ Как самые крупные водские деревни они названы Д. Успенским в 1845 г.³⁵ В описании Петербургской губ. конца XVIII в. «чудь» (с характерными для нее этническими признаками) отмечается в этом же районе, входившем тогда в Нарвский уезд.³⁶ В опубликованной в 1849 г. этнографической карте Петербургской губ. (впервые представлена в Академию наук в ноябре 1846 г.) П. Кеппен зафиксировал проживание води в районе Лужской губы, к югу от Копорья, а также отдельными очагами от Ямбурга до Красной Горки на Финском заливе. Несколько раньше И. Д. Дмитриев упоминал об 11 водских селениях между Лугой, Новыми Сумами и Нарвой.³⁷ По уточненным данным П. И. Кеппена, в 1848 г. води было в Ораниенбаумском уезде 1475 и в Ямбургском 3673, а всего 5148 человек (2487 мужчин и 2661 женщина).³⁸ Он же приводит список 32 водских селений.³⁹ По нашим подсчетам, водь составляла около 1,3 % крестьянского населения губернии (табл. 1).

К сожалению, в опубликованных материалах переписи 1897 г. информация о води отсутствует. В 1920 г. води было около 1000 человек.⁴⁰ По подсчетам Я. Я. Ленсу в 1927 г., число води, помнящих свой язык, «несколько» превышало 500 человек.⁴¹ По данным А. И. Попова, к началу 1970-х годов оставалось несколько десятков человек, знающих водский язык (все старше 60—70 лет).⁴² В настоящее время продолжается археологическое и этнографическое изучение води. Этнографическая экспедиция Объединения музеев Ленинградской обл. в 1987 г. выяснила, что на территории Кингисеппского р-на проживают несколько десятков человек этой национальности.⁴³

И ж о р а. Более многочисленными были другие древние жители края — ижора, по имени которой получила название Ижорская земля в XIII—XV вв., позднее — Ингерманландия.

В узком значении, как отмечал И. П. Шаскольский, «Ижорская земля охватывала только юго-восточный угол южного побережья Фин-

ского залива, от устья Невы до устья реки Стрелки (на территории современного г. Стрельна), далее на запад шло побережье Водской земли». ⁴⁴ Следует отметить, что в XVIII—XIX вв. ижоры жили во всех уездах Петербургской губ., кроме Гдовского и Новолодожского, но больше всего их было в Ямбургском и Ораниенбаумском уездах. Находились они и западнее Стрельны.

В связи с тем что ижора давно связала свою судьбу с русским народом (и так же, как вода, давно приняла православие), даже у образованной части русского общества существовало устойчивое представление о ее славянском происхождении. Уже Ф. Туманский подверг критике эту точку зрения и подчеркнул, что «ижоры, или ижорцы, или еще ингры, суть отродие финнов». ⁴⁵ Как известно, по языку и культуре ижоры ближе всего к карелам. В этом плане интересно свидетельство Ф. Туманского, что финское население района Ямбурга и нижнего течения р. Луги «ижорянам дает название карьялазит, то же, что карелам». ⁴⁶

В устье р. Луги ижоры граничили с водой и дальше отдельными очагами, чересполосно с финнами и русскими, населяли побережье Финского залива до Ораниенбаума. Вплоть до последнего времени сохранялся ижорский язык на Сойкинском полуострове, в некоторых деревнях на р. Коваши, в низовьях р. Луги, в деревнях Орлы, Кейкино, Краколы и на Курголовском полуострове у д. Липово. ⁴⁷

П. Кеппеном было установлено ижорское население в северо-восточной части Лужского уезда (они подчинялись Ораниенбаумскому дворцовому управлению). ⁴⁸ Вероятно, ижоры, а не карелы, имеются в виду и в более раннем источнике — «топографическом» описании Лужского уезда конца XVIII в., где сказано, что «в Егорьевской выставке экономического ведомства крестьян 162 души имеют особое наречие языка карельского». ⁴⁹ Оредежский диалект ижорского языка считался наиболее близким к карельскому. Территориально этот район (верховья р. Оредеж) привязывается к русско-шведскому пограничью после Столбовского договора 1617 г., что, видимо, отражает процесс переселения ижоры в пределы Русского государства. В то же время археологические данные позволяют отнести «начальный этап формирования зоны носителей оредежского диалекта к эпохе, предшествующей 1500 г.». ⁵⁰ Принадлежность к удельным и государственным крестьянам препятствовала заключению браков с окрестными русскими помещичьими крестьянами. Только после реформы 1861 г. ижорское население верховьев Оредежи стало быстро смешиваться с русским. В 1876 г. здесь было ижор 2176, а к середине 1950-х годов ижорский язык помнили лишь старики. ⁵¹ На этнографической карте Петербургской губ. селения ижоры были показаны также к северу от Невы, в южной части Карельского перешейка (пять очагов). Этот район входил в зону расселения ижоры и в предшествующий период. ⁵² Здесь в 1834 г. (или в 1833 г.), в д. Мискула Лемболовской волости Петербургского уезда, родилась известная сказательница Ларин Параске, памятник которой был установлен в Хельсинки в 1911 г. ⁵³ В соседнем Шлиссельбургском уезде ижорские селения были в Колтушской и Рябовской волостях, а также и на левом берегу Невы (в частности, село Ижора на пути из

Петербурга в Новгород). П. Кеппен отметил также ижору и в Южно-Кексгольмском округе Великого княжества Финляндского (689 человек в 16 деревнях).⁵⁴ Наличие 8 карельских дворов в с. Матокса в конце XVIII в. отметил путешественник Н. Озерецковский.⁵⁵

К концу XIX—началу XX в. ижорский диалект, распространенный на Карельском перешейке, видимо, исчез. А. Лаанест выделяет четыре ижорских диалекта, которые были изучены им в живой разговорной форме в конце 50-х—первой половине 60-х годов нашего века: сойкин-ский, хэваский, оредежский (верхнелужский) и нижнелужский. Оредежский диалект к этому времени уже вышел из употребления. А. Лаанест отметил близость ижорского языка к эвремейсет и карельскому, считая, что все они развились из древнекарельского языка, так же как и более отличный от них савакотский диалект финского языка.⁵⁶ В «топографическом описании» Петербургской губ. отмечается, что «многие из маймистов и ижор знают на финском языке читать книги, но письма у них не употребляют, ко обучению же грамоте детей своих рачительны столько, сколько, напротив того, русские крестьяне к тому не склонны».⁵⁷ Указанное обстоятельство противоречит бытательскому представлению горожан-петербуржцев о «неграмотном» чухонце.

По данным П. Кеппена, в 1848 г. в Петербургской губ. насчитывалось 17 800 ижор (8549 мужчин и 9251 женщина). Они проживали в 222 селениях и встречались еще в 18 селениях, как правило, финских. Больше всего их было в Ямбургском (7493) и Ораниенбаумском (6393) уездах.⁵⁸ Их удельный вес, по нашим подсчетам, составлял более 4 % крестьянского населения (табл. 1). В середине 1860-х годов в Петергофском уезде (до 29 XI 1849 г. — Ораниенбаумский) их было около 8 тыс.⁵⁹ Перепись 1897 г. зафиксировала в Петербургской губ. 13 721 человека (6565 мужчин и 7156 женщин), еще 4 человека (мужчины) — в Новгородской губ. В 1897 г. ижоры составляли около 2 % сельского населения (табл. 2). По переписи 1920 г., ижор, проживающих в основном в Кингисеппском р-не, было 10 595 (разговорный язык ижорский, письменный — русский и отчасти финский),⁶⁰ по переписи 1959 г. — 1100 человек,⁶¹ 1979 г. — около 700 человек.⁶²

Ингерманландские финны. В 30-е годы XIX в. академик А. Шегрен выделил две основные группы ингерманландских финнов — эвремейсет (эурямейсет) и савакот. Они появились в Ингерманландии во время шведской колонизации края (главным образом после Столбовского договора 1617 г.) и получили название по приходу Эуряпяя на Карельском перешейке, в районе Выборга, и области Саво в Финляндии. А. Шегрен высказал мнение, что это переселенческое движение могло начаться еще после Ореховедского договора 1323 г., когда западная часть Карельского перешейка отошла к Швеции.⁶³ В любом случае до XVII в. оно не могло быть значительным.

По свидетельству П. И. Кеппена, которое вполне подтверждается другими источниками, русское население края называло ингерманландских финнов (и савакот, и эвремейсет) чухонцами (или маймистами, что значит «человек земли», «туземец»).⁶⁴ «Странно, — замечал

Этнический состав населения Северо-Запада России

Население губерний	Все население	Русские		Финны *		Карелы		Ижора	
		численность	%	численность	%	численность	%	численность	%
Новгородская									
городское	85470	80341	94.00	71	0.08	73	0.08	0	0.00
сельское	1281552	1243458	97.04	574	0.04	9907	0.77	4	0.00
всего	1367022	1323799	96.84	645	0.05	9980	0.73	4	0.00
Псковская									
городское	72598	61130	84.20	162	0.22	6	0.00	0	0.00
сельское	1049719	1001877	95.55	3483	0.33	31	0.00	0	0.00
всего	1122317	1063007	94.71	3645	0.32	37	0.00	0	0.00
Петербургская									
городское	1421753	1217560	85.65	23407	1.65	725	0.05	29	0.01
сельское	690280	512004	74.17	107006	15.50	110	0.02	13692	1.98
всего	2112033	1729564	81.89	130413	6.17	835	0.04	13721	0.64
Итого									
городское	1579821	1359031	86.04	23640	1.44	804	0.05	29	0.00
сельское	3021551	2757339	90.92	111063	3.67	10048	0.33	13696	0.46
всего	4601372	4116370	89.46	134703	2.67	10852	0.23	13725	0.30

Примечание. В графу «Финны» в соответствии с источником включены савакот, эвремейсы и иодь.
Источник: см. выше, примеч. 11 и 26.

П. Кеппен, — что жители нашей столицы о разнородности маймистов, обитающих, так сказать, тотчас за городскими заставами, знают почти не более, как о разных родах эскимосов: сиглемютах, квихпаках и пр.».⁶⁵

В целом упоминаний, а иногда и довольно подробных описаний ингерманландских финнов («чухонцев», «маймистов») в географической литературе довольно много (Х. Ф. Вебер, Н. Я. Озерецковский, И. Г. Георги и др.). Имеются сведения об их занятиях рыболовством,⁶⁶ животноводством,⁶⁷ есть описания жилищ и быта.⁶⁸

Пробудившийся интерес к народам России нашел отражение и в выпуске целой серии фарфоровых фигурок на императорском фарфоровом заводе. Среди 9 фигур, изображавших представителей финно-угорских народов, была фигурка «маймистихи», выполненная по рисунку И. Г. Георги.⁶⁹ Позднее русский читатель мог вспомнить «приют убогого чухонца» в «Медном всаднике» А. С. Пушкина. Фольклор финно-угорского населения Петербургской губ. изучали Элиас Леннрот и Э. Европеус.

П. И. Кеппен относил ингерманландских финнов вместе с ижорой к «отраслям карелов».⁷⁰ Это мнение опиралось на свидетельства этнической истории. Исторически граничащая с емью в Средней Финляндии область Саво была западнокарельской областью, хотя основные земли карел (до XVII в.) находились на Карельском перешейке.⁷¹ Можно отметить и общие корни савакотского диалекта финского и карельского языков. Вероятно, эти обстоятельства и послужили основанием для обозначения на «Этнографической карте Европейской Рос-

по переписи 1897 г. (данные о родном языке)

Вепсы («чудь»)		Эстонцы		Все прибалтийско-финское население		Немцы		Другие	
численность	%	численность	%	численность	%	численность	%	численность	%
3	0.00	97	0.11	244	0.28	670	0.78	4215	4.93
9154	0.71	3015	0.23	22654	1.76	3518	0.27	11922	0.93
9157	0.66	3112	0.23	22898	1.67	4188	0.31	16137	1.18
2	0.00	891	1.23	1061	1.46	1830	2.52	8577	11.81
0	0.00	24567	2.34	28081	2.67	2055	0.19	17706	1.59
2	0.00	25458	2.27	29142	2.59	3885	0.35	26283	2.34
14	0.01	24545	1.72	48710	3.43	55369	3.89	100114	7.04
289	0.04	39581	5.73	160678	23.28	8088	1.17	9510	1.37
303	0.01	64116	3.03	209388	9.89	63457	3.00	109624	5.19
19	0.00	25523	1.61	50015	3.11	57869	3.63	112906	7.15
9443	0.33	67163	2.21	211413	7.00	13.661	0.45	39138	1.23
9462	0.23	92686	2.01	261428	5.68	71530	1.53	152044	3.30

сии» П. Кеппена (1851 г.) значительной части Финляндии как карельской территории.

Советские лингвисты, отмечая принципиальную возможность первоначальной общности эвремейского, савакотского и ижорского языков с «древнекарельским», все же подчеркивают, что первые два являются финскими диалектами, так как оставшиеся в Финляндии эвремейсет и савакот были суоминизированы и стали составной частью финского-суоми народа. Сами представители этих народов чаще всего называли себя в XX в. финнами.⁷²

Во второй половине XVIII—первой половине XIX в. ингерманландские финны проживали во всех уездах Петербургской губ., за исключением Гдовского, Лужского и Новолодожского.⁷³

Эвремейсет занимали чересполосно с ижорой побережье Финского залива между Стрельной и Сойкинским полуостровом, территорию к юго-востоку от Гатчины, Карельский перешеек, включая побережье Ладожского озера, местности, прилегающие к Выборгской губ., а также южнее Токсова. Савакот были распространены на большей территории южнее эвремейсет — в районе Павловска, Гатчины и далее по направлению к р. Луге, побережью Финского залива между Наровой и Лугой. Кроме того, они занимали на Карельском перешейке район Мурина и южнее, доходя до Невы напротив порогов. В южной части Шлис-сельбургского уезда они жили на границе с Новгородской губ. и в д. Марково.⁷⁴

Следует отметить, что финнов низовьев р. Луги и Курголового полуострова П. Кеппен не выделил в особую этническую группу,

а причислил к эвреймейсет. Честь открытия этой группы, говорящей на особом нижнелужском диалекте, А. Лаанест приписывал В. Поркке, который в 1885 г. выпустил работу об ижорских диалектах. На самом деле это было сделано за сто лет до того Ф. Туманским, посвятившим этой народности, которую он назвал «ямы», специальный раздел. Соседняя водь, по его свидетельству, считала их старожилами края и называла «рандалазит». ⁷⁵ Ф. Туманский отмечал, что они представляют собой «середину между чудьми и ижерами». Численность их «больше, нежели чюддей, однако же невелико, и главнейшие обиталища в селах Орле и Извозе». Он отмечал также, что они «охотно соглашаются зваться ижерами: но в том противоречит им их наречие, образ жизни, нравы, обычаи». ⁷⁶ Ф. Туманский считал, что их «следует отличать от другой еми», которую он в соответствии с распространенной тогда ошибочной теорией А. И. Шегрена помещал далеко на восток, за Ладожским озером. Советские археологи и лингвисты локализуют емь (ямь) в Центральной Финляндии, где она вместе с сумью, проживавшей в Юго-Западной Финляндии, стала одним из компонентов финнов-суоми. ⁷⁷

А. И. Попов объясняет происхождение названия г. Ямы (будущего Ямбурга, затем Кингисеппа), основанного в 1384 г. («город камен на Луге, на Яме»), от тюркско-монгольского «яма» (почтовая станция), подчеркивая, что к финскому племени ямь или емь это название не имеет отношения. ⁷⁸ В качестве аналогий он приводит названия Ям-Ижора, Ям-Бронницы и др., где приставка «ям» более позднего происхождения. Сам характер летописного сообщения напоминает аналогичное «в Чюди». Обращает на себя внимание и топонимика с корнем «ям» недалеко от истоков р. Наровы, у Чудского озера, — Ямья, на р. Желче — Ямм и т. д. Расположенная в этом регионе д. Ям (бывшего Вирского уезда Эстляндской губ.), в 60 км от Нарвы, на р. Старой Нарове у Чудского озера, вообще находилась на острове и не имела сухопутной связи с внешним миром. ⁷⁹ Вопрос о «ямах» остается открытым. А. Лаанест считал, что «судя по языку, их (финнов низовьев р. Луги. — Л. В.) первоначальную прародину следует искать где-то западнее Карельского перешейка». ⁸⁰ Другие исследователи считают, что в междуречье Луги и Наровы было смешанное водско-ижорское население. Процесс взаимопроникновения культур отчасти прослеживается с XV в. ⁸¹

Еще в первой половине XVIII в. значительная часть ингерманландских финнов (так же как ижоры и русских «старожилов» края) стала помещичьими крестьянами или пополнила ряды дворцовых (с 1797 удельных) крестьян, подчиняющихся или непосредственно императорской фамилии, или дворцовым и другим управлениям. Так, в ведомстве царскосельского дворца было 33 «чухонских деревни». ⁸² В 1796 г., на пятый день царствования Павла I, к вновь образованному г. Гатчине было приписано 3037 душ финских крестьян мужского пола. ⁸³ Финские крестьяне в районе Токсова подчинялись коменданту Петропавловской крепости («комендантские»).

Среди государственных крестьян ингерманландских финнов было немного. По данным X ревизии (1858 г.), в составе государственных

крестьян Петербургской губ. было 1404 души мужского пола финских крестьян,⁸⁴ т. е. около 3 тыс. душ обоего пола. Кроме того, они были и среди ямщиков. В 1796 г. к русской слободе Тосна было приписано 8 финских селений, так называемая «Маймистская половина», — всего 1093 человека обоего пола,⁸⁵ примерно столько же их оставалось и в 1858 г. Государственными крестьянами были финны-лютеране некоторых подстоличных деревень — Осельков, Тентелеевой, Емсельяновки, Волинкиной и др. В д. Волковой было немного ижор (в 1848 г. — 27 из примерно 100 жителей).⁸⁶

Наиболее значительным (и численно, и по удельному весу) было финское население Шлиссельбургского уезда: в 1897 г. (здесь и далее — без городских жителей) — 21 364 (43 % сельского населения). В Петербургском уезде финнов, проживающих в сельской местности (т. е. ингерманландских), было 17 760 (33,5 %), в Петергофском — соответственно 14 419, или 27 %, и, кроме того, в последнем было 6673 ижор (10 %). В Ямбургском уезде ингерманландские финны составляли 19 % уездного населения (11 516).⁸⁷ В предшествующий период доля финского населения была несколько выше. Так, в 1860-е годы на финнов приходилось около 34 % населения в Петергофском уезде.⁸⁸ Отчасти информацию этнического характера содержат и данные о соотношении церквей и кирх. В конце XVIII в. в Шлиссельбургском уезде кирх было больше, чем православных церквей.⁸⁹

К сожалению, перепись 1897 г. (опубликованные данные во всяком случае) не зафиксировала отдельно савакот и эвремейсет. Всего же к финнам было отнесено 130 413 человек, в том числе в уездах — 107 006, что составляло 15,5 % сельского населения (табл. 2).⁹⁰ По приблизительным подсчетам, основанным на данных П. И. Кеппена (1848 г.) и IX ревизии (1850 г.), ингерманландские финны (всего 72 323 человека — 42 979 савакот и 29 344 эвремейсет) составляли около 18 % крестьянского населения Петербургской губ. Еще 31 эвремейсет был отмечен П. И. Кеппеном в Новгородской губ.⁹¹ По переписи 1920 г., ингерманландских финнов было 120 388 человек.⁹²

Карелы. Довольно часто в источниках встречаются указания о пребывании на территории Петербургской губ. карел — выходцев из Финляндии, которых П. И. Кеппен называет карелами-протестантами, или «каряками». По его данным, в 1848 г. их было 3660 человек обоего пола, которые в основном работали в хозяйстве ингерманландских финнов.⁹³

Уже составитель русско-карельских учебников, карел по национальности Е. Тихонов, отмечал ошибку П. И. Кеппена, который не только часть Финляндии, но и весь Карельский перешеек отнес к карельской территории. В действительности же карелы в этом регионе в XVIII—XIX вв. проживали только в восточной части Выборгской губ., тяготея к Ладожскому озеру.⁹⁴ Существование этой особой этно-конфессиональной группы, вероятно, отражало определенный этап постепенной суоминизации тех карел, которые остались под властью шведов в XVII в. Тогда же проводилось насильственное обращение карельско-ижорского православного населения в лютеранство. Как отмечал

И. Г. Георги, хотя ижоры «внешне веру сию исповедовали, но как о правоте оной не были совершенно удостоверены, то вскоре (после изгнания шведов. — Л. В.) обратились многие к греко-русской церкви».⁹⁵ В XIX в. подавляющая масса ижор и все карелы были православными.

Были и зоны финско-карельских этнических и конфессиональных контактов. Во время путешествия 1785 г. в районе Сердоболя (Сортавалы) Н. Я. Озерецковский зафиксировал наличие финнов-лютеран и «кареляков» — православных (1240 прихожан), для которых служба велась в «русской же церкви», в 2 верстах от города, на «финском» языке.⁹⁶ В с. Матокса, находящемся в 26 верстах от впадения р. Влоги в Ладожское озеро (70 верст по ладожскому берегу от Шлиссельбурга) путешественник отметил при «русской церкви» священника, который хорошо знает «чухонский» язык (там же 8 дворов ижор).⁹⁷ Православные финны были в каком-то количестве и в районе Лемболова (в 20-е годы XX в. в с. Троцемяки была православная церковь, а рядом с Лемболовым — кирха).⁹⁸

Ф. Туманский, отмечая наличие карел в Петербургском и Шлиссельбургском уездах, подчеркивал, что они «исповедания лютеранского».⁹⁹ Перепись 1897 г. среди населения Шлиссельбургского уезда зафиксировала 16 карел, а С.-Петербургского — 36 (по всей губернии без проживающих в городах — 110).¹⁰⁰ В фондах Музея антропологии и этнографии АН СССР имеются небольшие коллекции по карелам Карельского перешейка.¹⁰¹ В основном же карелы появлялись в Петербургской губ. среди крестьян-отходников из других губерний. Так, К. Д. Ушинский во время поездки по Волхову в Новолодожском уезде (1852 г.) сообщает о карелках, привезенных на работу (месить глину и делать кирпичи) из Тверской губ. Это племя, отмечает он, «почти не утратило своей национальности».¹⁰² Основная масса карел, проживавшая ранее на Карельском перешейке, после Столбовского договора 1617 г. начала переселяться в пределы Русского государства. С 30-х годов XVII в. переселение приняло массовый характер. Так, поселения карел оказались в Новгородской, Тверской (Бежецкий, Новоторжский, Тверской уезды) и даже Ярославской губ. (Угличский, Ярославский уезды).¹⁰³ На этнографической карте Европейской России П. Кеппена густо населенными карелами показаны Тихвинский уезд, р. Мста и ее притоки, окрестности городов Боровичи, Валдая и далее к югу, уже в Тверской губ., территории под Вышним Волочком, Бежецком, севернее Торжка и Твери. По данным П. И. Кеппена, из 171 693 карел (включая 3660 «каряков» Петербургской губ.) в Тверской губ. проживало 84 638.¹⁰⁴

На севере, в Архангельской губ. (Карельское Беломорье), было 11 228 карел, в Олонецкой — 43 810, в Ярославской (в основном Угличский уезд) — 1283, в Новгородской — 27 086. Таким образом, на территории Новгородской губ. проживало 15.8 % всех карел (без «каряков» — 16.1 %). По отношению ко всему крестьянскому населению губернии они составляли 3.4 %. Здесь сформировался особый тихвинский говор карельского языка.¹⁰⁵ В новгородской семинарии ставился вопрос об изучении священниками карельского языка. Сле-

дует отметить, что уже во второй половине XIX в. в Новгородской губ. значительная часть карел «успела так обрусеть, что свободно объясняется по-русски, приняла многие обычаи и весь почти строй жизни русской». ¹⁰⁶ По переписи 1897 г., всего через 50 лет после данных П. Кепена, новгородских карел стало почти в три раза меньше (хотя общая численность карел по стране выросла до 208 101), ¹⁰⁷ всего 9908 человек обоего пола, ¹⁰⁸ что составляло 4,8 % всех карел страны, а удельный вес их в составе сельского населения Новгородской губ. снизился до 0,77 %. Больше всего карел было в Валдайском (5791) и Боровичском (1076) уездах.

Эстонцы. Ф. Туманский отмечал, что коренным населением эстонцы были в небольшой части Нарвского уезда (позднее Ямбургского), ¹⁰⁹ а в других уездах «суть переселенцы из Ревельского наместничества». ¹¹⁰ Эстонцы (в источнике «чухны») фиксируются также в Нарвском уезде «Топографическим описанием» Петербургской губ. ¹¹¹

На этнографических картах XIX в. эстонцы показаны в Ямбургском уезде южнее г. Нарвы (д. Иола, или Юалы, на берегу р. Наровы), а в основном в Гдовском уезде — между озерами Пейпус (Чудским) и Псковским в Воронцовском обществе Казуринской волости (Луг Чухны, Ершово, Казаковицы, Чудские Заходы, Власова Грива и др.) и по границе с Псковской губ. в Елешневском обществе Середкинской волости (Гверздон, Гридина, Сержа и др.). ¹¹² Стихийное заселение эстонцами Гдовщины, так же как и территории соседней Псковской губ., было значительным еще в XVII—начале XVIII в. Позже, в годы Северной войны, была основана д. Луукюла (Луг, Луг Чухны, Чухонский Луг), позже — Ершово, Чудские Заходы, Яновы Заходы, Грива. ¹¹³ Этот процесс продолжался и после присоединения Эстляндии и Лифляндии к России. По представлению прибалтийского (немецкого) дворянства, в Сенате неоднократно рассматривался вопрос о возвращении беглых крестьян. Но уже в 1744 г. была принята специальная инструкция, предписывавшая крестьян из Прибалтики, которые «восприяли в России веру греческого вероисповедания, таковых с женами их и детьми из России в Лифляндию не возвращать и оставлять их в тех местах, где они ныне в России жительство имеют». ¹¹⁴ Этот указ способствовал переходу беглых эстонцев в православие. В значительной части они оседали на обширных землях Печорского монастыря и после секуляризации вошли в состав экономических крестьян, затем слившихся с государственными крестьянами. ¹¹⁵

К 1761 г. относятся данные о проживании эстонцев (в источнике — «чухон») на территории Изборского уезда (тогда Псковской провинции Новгородской губ.). ¹¹⁶ Наиболее компактно эстонцы заселили окрестности городов Печеры (ныне Печоры) и Изборска по границе с Эстляндией (между г. Печоры и оз. Псковским по течению р. Ижмы).

Большая часть эстонцев Гдовского уезда Петербургской губ. и Печорского уезда Псковской (территория этих уездов в настоящее время находится в составе Псковской обл.) относилась к этнографической группе эстонцев-сету (ээстласет), так называемым «полуверцам». Сету приняли православие, но сохранили свой язык. ¹¹⁷

По данным П. И. Кеппена, из 633 496 эстонцев России в Петербургской губ. проживало 7736 (из них 2522 вне городов — Нарвы, Петербурга и др., в том числе 652 лютеранина и 1870 православных). Лютеран (Воронцовское общество) можно отнести к собственно эстонцам, а православных (Елешневское) — к эстонцам-сету. Почти все они были государственными крестьянами (в 1858 г. — 1290 душ мужского пола или около 2,5 тыс. обоего пола). В Псковской губ. проживало около 8 тыс. эстонцев.¹¹⁸

Во второй половине XIX в. переселенческое движение усилилось, особенно в Петербургскую губ., где численность эстонцев увеличилась в 15 раз (39 581), а доля в сельском населении возросла до 5,7 %. В Псковской губ. их численность увеличилась в 3 раза и составила 24 567, или 2,34 % сельского населения. В Новгородской губ. их было чуть больше 3 тыс. (0,23 %).

В е п с ы. К числу коренных народов восточной части северо-западного региона относились вепсы, восходящие, по-видимому, еще к летописной веси. Окрестное население называло их «чудью» и «чухарями». По некоторым данным, вепсы Лодейнопольского уезда и сами себя называли «чухарями».¹¹⁹ В научных кругах о вепсах стало известно после поездки к ним А. И. Шегрена в 1824 г. Их язык близок к южным диалектам карельского языка.¹²⁰

Вепсы занимали обширный район Межозерья (Ладога—Онега—Белое озеро), тяготея к Вепской возвышенности. В XIX в. территория, занятая вепсами, входила в состав Лодейнопольского и Петрозаводского уездов Олонецкой губ., а также Тихвинского и Белозерского уездов Новгородской губ. Граница между Лодейнопольским и Белозерским уездами разделяла почти поровну их этническую территорию. От западного побережья Онежского озера поселения вепсов, протягиваясь к юго-востоку, достигали верхнего и среднего течения р. Оять, служившей границей между Лодейнопольским уездом Олонецкой и Новолодожским уездом Петербургской губ. Небольшое число вепских деревень могло находиться и в Новолодожском уезде, где переписью 1897 г. было зафиксировано 289 вепсов («чудский язык»).

Южнее вепсы встречались отдельными очагами. Самая южная из показанных П. И. Кеппеном вепских деревень находилась на широте Тихвина, где-то на полпути между Тихвином и Белым озером. В другом направлении, на восток, вепские поселения протягивались в сторону Белого озера (название которого является «калькой» с вепского языка), не доходя до него тогда около 25 км.¹²¹

По данным П. Кеппена, в 1848 г. в Олонецкой губ. было 8550, а в Новгородской — 7067 вепсов (45 % от их общего числа).¹²² В 1897 г. в Новгородской губ. проживало 9157 вепсов, т. е. около 35,5 % всех вепсов. Их удельный вес в составе сельского населения снизился с 0,9 до 0,7 %. В Тихвинском уезде было 7136, а в Белозерском — 2011 вепсов. Вепские деревни сохранились в самых глухих местах, население сильно обрусело. По свидетельству современников, народ к северу от Новгорода — типа «более финского»: с приплюснутым носом, рыжеватыми волосами.¹²³

Данные второй половины XIX в. о прибалтийско-финском населении несколько разнятся, отражая различную степень точности в сборе первичной информации. Так, по П. И. Кеппену, в 1848 г. прибалтийско-финские народы составляли около 25 % уездного населения — 143 627 человек. По данным официальной статистики 1862 г., численность этих же народов была 100 250, или около 20 % населения губернии, причем их доля в Петергофском уезде была определена в 57.5 %, в Шлиссельбургском — 47.2 %, в Ямбургском — 39 %, Царскосельском — 24.8 %, Петербургском — 21.2 %.¹²⁴ В 1897 г. численность прибалтийско-финского населения (по заявлениям о родном языке) определена в 160 678 человек, что составляло 23.3 % всех жителей в уездах. В Псковской губ. его доля в 1897 г. составила 2.7 % среди сельского населения, в Новгородской — 1.8 %. В целом по трем губерниям прибалтийско-финские народы составляли от 8 % (1848 г.) до 7 % (1897 г.) сельского населения, русские — 90—91 %. Численность и удельный вес других народов были незначительны.

Этнический состав населения Северо-Запада России в XVIII—XIX вв. оказывал определенное влияние на хозяйство и быт региона, что необходимо учитывать в исторических и историко-этнографических исследованиях.

¹ Седов В. В. 1) Этнический состав населения северо-западных земель Великого Новгорода (IX—XIV вв.) // Сов. археология. 1953. Т. 18. С. 190—230; 2) Этнический состав населения Новгородской земли // Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 74—80; Лебедев Г. С. Археологические памятники Ленинградской области. Л., 1977.

² Саверкина И. В. Русское население Ижорской земли в первой половине XVII в. // История крестьянства Северо-Запада России в XVII—XIX веках: Межвузовский сборник. Л., 1983. С. 47—55.

³ Троицкий С. М. О некоторых источниках по истории землевладения в Ингерманландии в первой половине XVIII в. // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 118—119.

⁴ ПСЗ. 1-е собр. Т. 12. № 9471.

⁵ Прокофьева А. С. Петербургские владения Шереметевых в XVIII в. // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1987. С. 125.

⁶ Александров Б. В. Описание рукописных карт XVIII в., хранящихся в отделе рукописной книги // Труды Архива АН СССР. 1946. Вып. 6. С. 303.

⁷ Подсчеты произведены на основании: ЦГИА СССР, ф. 558, оп. 2, д. 205, л. 92—101.

⁸ Подробнее см.: Ден В. Э. Население России по пятой ревизии. М., 1902. Т. 1; Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М., 1913. Т. 1.

⁹ ПСЗ. 1-е собр. Т. 32. № 25097.

¹⁰ Подсчитано по данным: Стрельбицкий И. Исчисление поверхности Российской империи. Спб., 1889. С. 4.

¹¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных Первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января. Спб., 1905. Т. 1. С. 20, 56 (далее: Общий свод по империи. ...).

Численность сельского населения подсчитана как разность между всем наличным населением и населением городов.

¹² Общий свод по империи. ... Т. 1. Табл. 8. С. 165.

¹³ Кеппен П. И. Об инородческом, преимущественно немецком населении С.-Петербургской губернии // ЖМВД. 1850. Ч. 32. Кн. 10. С. 181—209; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Санкт-Петербургская губерния / Сост. Жуковский. Спб., 1831. Т. 4. Ч. 1. С. 15—16; О принятом колониями Санктпетер-

бургской губернии новом распоряжении их пахотной земли // Санктпетербургский журнал. 1805. № 10. С. 79—89; История и статистика колоний иностранных поселенцев в России // ЖМНП. 1854. Ч. 53 (№ 10—12). Отд. 2. С. 27—29; Швецов М. Столетний юбилей Среднерогатской колонии // Петербургский листок. 1866. № 123. См. также: ЦГИА СССР, ф. 1589, оп. 2, д. 171, 184, 198, 272, 279, 281, 291, 326, 336, 348, 470, 486, 510, 549, 567, 586—589; ф. 398, оп. 18, д. 6223; ЛГИА, ф. 192, оп. 1, д. 51, 109, 184; ф. 253, оп. 1, д. 80; оп. 81, д. 1084, 1343, 1414, 2149, 2177; ф. 266, оп. 1. д. 2; ф. 1900, оп. 3, д. 10.

¹⁴ Клаус А. Наши колонии: Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб., 1869. Вып. 1. С. 22.

¹⁵ Ссылки на материалы переписи 1897 г. см. ниже.

¹⁶ Столпянский П. Вверх по Неве от Санкт-Питер-Бурха до Шлюшина. Пб., 1922. С. 26.

¹⁷ Бакмейстер Л. Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. СПб., 1774. Т. 1, ч. 4. С. 346, 350, 352.

¹⁸ Георги И. Г. Описание обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежда и прочих достопамятностей. СПб., 1776. Ч. 1. С. 14—25.

¹⁹ Туманский Ф. Опыт повествования о деяниях, положении, состоянии и разделении Санкт-Петербургской губернии... 1789—1790 гг. (ОРИК ГПБ. Эрмитажное собрание; далее: Эрм. собр.), № 558. В этнографической своей части этот труд с комментариями опубликован эстонской исследовательницей Э. Эпик: *Opik E. Vadjalastest ja isuritest XVIII-saj lopul: Etnograafilisi materiale Fjodor Tumanski Peturburi kubermangu kirjelduses*. Tallinn, 1970. Lk. 47—119. (См.: Эрм. собр., № 558, л. 22—92, 161—162 об.).

²⁰ Кеппен П. И. Об инородческом... населении... С. 181—209; 2) Водь и Водская пятина // ЖМНП. 1851. Ч. 70. № 5. Отд. 2. С. 41—67; № 6. Отд. 2. С. 100—146; 3) Селения, обитаемые ижорами в Санкт-Петербургской губернии // Учен. зап. имп. Акад. наук по I и III отделениям. 1853. Т. 2, вып. 3. С. 412—422.

²¹ Кеппен П. И. Об этнографической карте Европейской России. 2-е изд. СПб., 1853. Подробнее см.: Кабузан В. М. Источники для составления карт этнического состава населения России XVIII—первой половины XIX в. // Вопр. географии. 1970. Т. 83. С. 126—133; Яцунский В. К. Петр Иванович Кеппен (1793—1894) // Отечественные экономико-географы XVIII—XX вв. М., 1957. С. 167—173.

²² Риттих А. Ф. Этнографическая карта Европейской России. СПб., 1875; Этнографическая карта южной части Северо-Западной области // Л., 1927. Приложение. (Тр. КИПС; № 12).

²³ Списки населенных мест Российской империи. Вып. 37. Санкт-Петербургская губерния. Список населенных мест по сведениям 1862 г. СПб., 1864; Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. СПб., 1885. Вып. 10; Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии (далее: МСНХ). СПб., 1882—1896. Вып. 1—8.

²⁴ Общий свод по империи... СПб., 1905. Т. 2. Табл. 13. С. 90—95; Первая всеобщая перепись Российской империи 1897 г. Т. 37. С.-Петербургская губерния. СПб., 1903. Табл. 13. С. 88—89; Т. 26. Новгородская губерния. Тетр. 2. СПб., 1903. Табл. 13. С. 66—69; Т. 34. Псковская губерния. Тетр. 2. СПб., 1904. Табл. 13. С. 48—51. Данные переписи в отношении С.-Петербурга, в том числе и о миграционных потоках окрестного населения в столицу, были проанализированы в кн.: Юхнева Н. В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. С. 26—29, 169 и др.

²⁵ Цит. по: Цетриус А. А. Нечто о вотландцах // Северный архив. 1822. Ч. 1, № 2. С. 235.

²⁶ Эрм. собр., № 558, л. 25 об.

²⁷ ЦГВИА СССР, ВУА, № 18999, л. 85 об.

²⁸ *Sjögren A. I. Über die finnische Bevölkerung des St.-Petersburgischen Gouvernements...* Spb., 1833. S. 4.

²⁹ Кеппен П. И. Водь и Водская пятина. С. 43.

³⁰ Списки населенных мест... Текст. С. 42.

³¹ МСНХ. Крестьянское хозяйство Ямбургского уезда. СПб., 1885. Вып. 3. Текст. С. 31.

³² Попов А. И. Названия народов СССР: Введение в этнонимистику. Л., 1973. С. 69.

- ³³ Эрм. собр., № 558, л. 25 об.
- ³⁴ Там же. Речь идет о Сойкинском приходе. Сойкинская дача, по сведениям 1747 г., принадлежала А. А. Фондер-Флитовой (АГИА, ф. 262, оп. 46, д. 15).
- ³⁵ Успенский Д. Ингры, ваты, ягрямя, саволаксы // Финский вестник. 1845. Т. 2. Отд. 4. С. 8.
- ³⁶ ЦГВИА СССР, ВУА, № 18999, л. 85 об.
- ³⁷ Дмитриев И. Д. Журнал от Москвы до С.-Петербурга и обратно... М., 1839.
- ³⁸ С. 556. Названия 9 деревень см.: Цетриус Л. А. Нечто о вотландцах. С. 237. Подробнее см.: Списки населенных мест... Текст. С. 42.
- ³⁹ Кеппен П. Об инородческом... населении... С. 187. См. также: МСНХ. Спб., 1885. Вып. 3. Текст. С. 29—31.
- ⁴⁰ Кеппен П. Хронологический указатель материалов, относящихся к истории инородцев Европейской России. Спб., 1861. С. 118—120.
- ⁴¹ Список народностей Союза Советских Социалистических Республик / Под ред. И. И. Зарубина. Л., 1927. С. 23.
- ⁴² Ленсу Я. Я. Материалы по говорам води // Запднофинский сборник. Л., 1930. С. 201. (Тр. КИПС; № 16).
- ⁴³ Попов А. И. Названия народов СССР. С. 90.
- ⁴⁴ Сергеев А. Находка в Волговицах // Ленинградский рабочий. 1987. № 37. 11 сент. В XIX в. деревня называлась Валховицы. См.: МСНХ. Вып. 3. С. 29.
- ⁴⁵ Шаскольский И. П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987. С. 52.
- ⁴⁶ Эрм. собр., № 558, л. 26.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Лаанест А. Ижорские диалекты: Лингвостатистическое исследование. Таллин, 1966. С. 16.
- ⁴⁹ Кеппен П. Об этнографической карте... С. 24.
- ⁵⁰ ЦГВИА СССР, ВУА, № 18999, л. 95 об.; см. также: Списки населенных мест... Текст. С. 43.
- ⁵¹ Рябинин Е. А. Средневековая ижора (итоги и перспективы исследования) // Финно-угры и славяне: Проблемы историко-культурных контактов. Сыктывкар, 1986. С. 33.
- ⁵² Шлыгина Н. В., Конька У. Водь, ижора и финны Ленинградской области // Народы Европейской части СССР. М., 1964. Ч. 2. С. 313; Шлыгина Н. В. Роль художественных занятий в процессе ассимиляции водско-ижорского населения в конце XIX—начале XX века // СЭ. 1965. № 4. С. 55—65.
- ⁵³ Рябинин Е. Средневековая ижора. С. 28.
- ⁵⁴ Федоров И. Т. Расселение ижоры в XIX—XX веках // СЭ. 1983. № 5. С. 99; Мутанен Н. Народная книга Ларин Параске // Альманах библиофила. М., 1985. Вып. 19. С. 184—192. Об ижорцах Петербургского уезда в 1882 г. см.: МСНХ. Спб., 1887. Вып. 5. Ч. 2. Текст. С. 23—24.
- ⁵⁵ Кеппен П. И. Селения, обитаемые ижорами... С. 422.
- ⁵⁶ Озерцовский Н. Путешествия по озерам Ладожскому и Онежскому... Спб., 1792. С. 23—24.
- ⁵⁷ Лаанест А. Ижорские диалекты. С. 16.
- ⁵⁸ ЦГВИА СССР, ВУА, № 18999, л. 58 об. Обучение грамоте у ингерманландских финнов (протестантов) было связано во многом с обрядом конфирмации.
- ⁵⁹ Кеппен П. Селения, обитаемые ижорами... С. 417, 419. См. также: Списки населенных мест... Текст. С. 44.
- ⁶⁰ Семенов П. П. Географо-статистический словарь Российской империи. Спб., 1873. Т. 4. С. 84.
- ⁶¹ Список народностей Союза Советских Социалистических Республик. С. 22.
- ⁶² Лаанест А. Ижорские диалекты. С. 14.
- ⁶³ Брук С. Население мира: Этнодемографический справочник. 2-е изд. М., 1986. С. 144.
- ⁶⁴ Sjögren A. I. Über die finnische Bevölkerung... S. 24. См. также: Дубровина Э. М. Из истории финского населения Ленинградской области // Вестн. ЛГУ. 1962. № 20. Сер. ист., яз. и лит. Вып. 4. С. 116—120.
- ⁶⁵ Кеппен П. Об инородческом... населении... С. 185.
- ⁶⁶ Кеппен П. Об этнографической карте... С. 23.
- ⁶⁷ ЦГВИА СССР, ВУА, № 18999, л. 43.

- ⁶⁷ Там же. Л. 52 сб.; *Георги И. Г.* Описание... народов... С. 16.
- ⁶⁸ [Вебер Х. Ф.] Описание Санкт-Петербурга и Кроншлота в 1710-м и 1711-м годах. Спб., 1860. С. 6, 49—54; *Георги И. Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга... Спб., 1794. С. 666.
- ⁶⁹ *Егорова-Котлубай М.* Финские народности в фарфоровых фигурках Историко-бытового отдела Государственного Русского музея // Финно-угроведение. Л., 1931. Вып. 1. С. 17—38.
- ⁷⁰ *Кеппен П.* Об инородческом... населении... С. 185.
- ⁷¹ *Шаскольский И. П.* Борьба Руси... С. 11.
- ⁷² *Лаанест А.* Ижорские диалекты. С. 16.
- ⁷³ ЦГВИА СССР, ВУА, № 18999, л. 23 об., 31—31 об., 52, 58—59; *Кеппен П. И.* Об инородческом... населении... С. 187.
- ⁷⁴ Этнографическая карта С.-Петербургской губернии. [Б.м., б.г.]. Списки финских селений см. также: *Лаанест А.* Ижорские диалекты. С. 7; *Галахова Л. Я.* Чередование ступеней согласных в основе слова в финских говорах Ленинградской области // Вopr. финно-угорской филологии. Л., 1984. Вып. 4. С. 114; Списки населенных мест... Текст. С. 41.
- ⁷⁵ Эрм. собр., № 558, л. 26.
- ⁷⁶ Там же, л. 27 об.—28, 33.
- ⁷⁷ *Бубрих Д. В.* Не достаточно ли емских теорий? // Изв. Карело-Финского филиала АН СССР. 1950. № 1. С. 80—92; *Шаскольский И. П.* О емской теории Шегрена и его последователей // Там же. С. 93—102.
- ⁷⁸ *Попов А. И.* 1) Названия народов СССР. С. 87—88; 2) Следы времен минувших. Л., 1981. С. 82—83.
- ⁷⁹ Архив ЛОИИ СССР, ф. 36, оп. 1, д. 482, л. 27.
- ⁸⁰ *Лаанест А.* Ижорские диалекты. С. 13.
- ⁸¹ *Рябинин Е. А.* Средневековая ижора. С. 33.
- ⁸² История уделов за столетие их существования. Т. 2. Гл. 2. С. 67.
- ⁸³ ЦГИА СССР, ф. 558, оп. 2, д. 208, л. 50 об.; *Георги И. Г.* Описание... Санкт-Петербурга... С. 706. По VII (1815 г.) ревизии их было 1395 душ мужского пола. См.: *Озерцовский Н.* Путешествие на озеро Селигер. Спб., 1817. С. 9, 25.
- ⁸⁴ Этнический и религиозный состав государственной деревни в 1858 г. См.: Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства государственных имуществ. Спб., 1861. Вып. 3. С. 182—185.
- ⁸⁵ ЦГИА СССР, ф. 573, оп. 4, д. 5772, л. 195—195 об.
- ⁸⁶ *Кеппен П.* Селения, обитаемые ижорами... С. 413.
- ⁸⁷ Исходные данные для подсчетов см.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 37. С.-Петербургская губ. С. 91—95 (табл. 12).
- ⁸⁸ Списки населенных мест... Вып. 37. Текст. С. 44; *Семенов П. П.* Географо-статистический словарь... С. 84. Данные о лютеранах по всем селениям в 1882 г. (по Петергофскому уезду в 1881 г.) см.: МСНХ. Вып. 1—3, 5, 7.
- ⁸⁹ ЦГВИА СССР, ВУА, № 18999, л. 50 об. Данные 1862 г. см.: Списки населенных мест... Текст. С. 40.
- ⁹⁰ В дальнейшем ссылки на табл. 1, 2 (данные 1848 и 1897 гг.) не оговариваются.
- ⁹¹ *Кеппен П. И.* Об инородческом... населении... С. 187.
- ⁹² Список народностей Союза Советских Социалистических Республик... С. 22.
- ⁹³ *Кеппен П.* Водь и Водская пяттина... С. 187; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 4, ч. 1. С. 211.
- ⁹⁴ *Тихонов Е.* Замечания на этнографическую карту России академика П. Кеппена // Изв. РГО. 1866. Т. 2. Отд. 2. С. 57—64.
- ⁹⁵ *Георги И. Г.* Описание... народов... С. 24.
- ⁹⁶ *Озерцовский Н. Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому... С. 83. Речь идет о Кексгольмском округе Выборгской губ., образованной в 1744 г.; ПСЗ. 1-е собр. Т. 12, № 8856. Об этой церкви см.: Историко-статистический очерк православной церкви в Финляндии // Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Спб., 1875. Вып. 4. С. 140.
- ⁹⁷ *Озерцовский Н. Я.* Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому... С. 23—24.
- ⁹⁸ *Некрасова В. А.* Путеводитель по северным окрестностям Ленинграда. Л., 1927. С. 65.
- ⁹⁹ Эрм. собр., № 558, л. 27—27 об.

- ¹⁰⁰ Первая всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 37. С.-Петербургская губерния. С. 92—93.
- ¹⁰¹ Станюкович Т. В. Коллекции музея антропологии и этнографии по народам Европы и европейской части СССР // Из культурного наследия народов России. Л., 1972. С. 25.
- ¹⁰² Ушинский К. Д. Поездка за Волхов // Ушинский К. Д. Сочинения. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 308.
- ¹⁰³ Летописная корела занимала Северо-Западное Приладожье, Юго-Восточную Финляндию (районы Саво и Лаппеенранта) и Северную Приботнию. Отдельные группы могли жить в Хяме и на Ижорском плато. См.: Кочкуркина С. И. Древняя Корела. Л., 1982. С. 75; 2) Корела и Русь. Л., 1986. С. 134—135.
- ¹⁰⁴ Кеппен П. И. Об этнографической карте. . . С. 29.
- ¹⁰⁵ Рягоев В. Д. Образцы карельской речи (тихвинский говор собственно карельского языка). Л., 1980.
- ¹⁰⁶ Богословский Н. Общий очерк образа жизни и характера жителей Новгородской губернии // Новгородский сборник. Новгород, 1865. Вып. 1. С. 1.
- ¹⁰⁷ По переписи 1979 г. карел в СССР было 138 тыс., в 1983 г. — около 135 тыс. (см.: Брук С. И. Население мира. С. 142, 144).
- ¹⁰⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 26. Тетр. 2. С. 68—69.
- ¹⁰⁹ Нарвским уезд назывался с 1780 по 1797 г., когда был образован Ямбургский уезд без г. Нарвы, но уже 1 января 1802 г. Нарва была снова включена в состав Ямбургского уезда заштатным городом.
- ¹¹⁰ Эрм. собр., № 558, л. 31.
- ¹¹¹ ЦГВИА СССР, ВУА, № 18999, л. 85 об.
- ¹¹² См. также: ЦГИА СССР, ф. 381, оп. 47, д. 181; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 4. Ч. 1. С. 210.
- ¹¹³ Маамия В. Эстонские поселенцы в СССР (1917—1940 гг.). Таллин, 1976. С. 19—20.
- ¹¹⁴ ПСЗ. 1-е собр. Т. 12, № 9023, пункт 2. С. 205—206.
- ¹¹⁵ Подробнее см.: Филиппов А. Н. Тяга прибалтийских крестьян в Великороссию в I половине XVIII века // Сб. статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 649—662; Норман Э. Тематика эстонских пословиц // КСИЭ. 1950. № 12. С. 92; Народы европейской части СССР. М., 1964. Т. 2. С. 20.
- ¹¹⁶ Бакмейстер Л. Топографические известия. . . С. 346.
- ¹¹⁷ Подробнее см.: Рихтер Е. В. Итоги этнографической работы среди сел Псковской области летом 1952 г. // Материалы Балтийской этнографо-антропологической экспедиции (1952 г.). М., 1954. С. 183—193. (Тр. ИЭ. НС; Т. 23).
- ¹¹⁸ Кеппен П. 1) Водь и Водская пяттина. . . С. 50; 2) Об этнографической карте. . . С. 38.
- ¹¹⁹ Малиновская Э. П. Из материалов по этнографии вепсов // Западнофинский сборник. С. 167.
- ¹²⁰ Пименов В. В. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М., 1965. С. 14—15, 18.
- ¹²¹ Этнографические карты П. Кеппена (1851) и А. Ф. Риттиха (1875) позволяют дополнить схему В. В. Пименова (Вепсы. С. 179, рис. 11).
- ¹²² Кеппен П. Об этнографической карте. . . С. 105.
- ¹²³ Богословский Н. Общий очерк. . . С. 2.
- ¹²⁴ Списки населения мест. . . Текст. С. 44.



Т. А. ШРАДЕР

ПРАВОВАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ НЕМЕЦКИХ КОЛОНИСТОВ В ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОРЕФОРМЕННОЕ ВРЕМЯ

Национальная политика русского правительства в пореформенной России — большая и еще мало раскрытая тема в истории русского государства XIX в. Поэтому рассматриваемый мною вопрос о поселянах-собственников (бывших немецких колонистах) представляется лишь незначительной частью этой проблемы. Тем не менее он важен для поэтапного раскрытия жизни многонациональной России во второй половине XIX в. В России в XVII—XIX вв. проживало большое число выходцев из Германии, принадлежавших к различным сословиям. Значительной частью немецкого населения были крестьяне, поселившиеся на землях России в конце XVIII в.

Вопрос о немецких колонистах нельзя рассматривать в отрыве от общей политики царского правительства по крестьянскому и национальному вопросам. Но эта тема требует серьезного анализа большого документального материала. Цель же данного исследования — рассмотреть вопрос о российских подданных немецкого происхождения, проживавших в Петербургской губ.; период исследования в основном охватывает вторую половину XIX и начало XX в.

В статье использованы фонды ЦГИА СССР и ЛГИА (в общей сложности 14 фондов), материалы ПСЗ, русская и немецкая литература, газеты, в которых рассматривается вопрос о немецких колонистах. Необходимо указать на книгу Ф. Шиллера, опубликованную в 1927 г. в Покровске издательством Автономной ССР Немцев Поволжья. Книга выпущена тиражом в 1000 экз. и представляет собой справочник литературы о немецких колонистах на немецком и русском языках, выпущенной до 1927 г.

После издания Екатериной II в 1762 г. Манифеста «О позволении иностранцам выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу» и в 1763 г. — «Манифеста о дозволении всем иностранцам, в Россию выезжающим, поселяться, в которых губерниях они пожелают, и дарованных им прав», в Россию начали переселяться жители различных областей Германии. Основными причинами массового переселения немецких

крестьян можно считать малоземелье на родине, высокие подати и налоги, воинскую повинность, притеснения со стороны местных властей, войны, голод, в ряде случаев гонения за веру. В соответствии с манифестом Екатерины II переселенцы в России получали казенные земли бесплатно, значительные привилегии, в том числе свободу от воинской повинности, освобождение от высоких податей, сохранение уклада жизни и свободу вероисповедания. В России немецким переселенцам предоставлялись пустующие плодородные земли в Тобольской, Астраханской, Оренбургской, Белгородской и других губерниях при условии принятия ими русского подданства.

С середины XIX в. была начата разработка закона об отмене крепостного права и параллельно с этим пересматривался закон о немецких колонистах. Правительство признало необходимым пересмотреть Устав о колонистах, и в 1850 г. при Министерстве государственных имуществ была создана особая комиссия. Работала эта комиссия с перерывами. Только в 1867 г. была образована дополнительно еще одна комиссия, в состав которой входили члены Министерства государственных имуществ, Министерства юстиции и Министерства внутренних дел. Эта комиссия выработала ряд документов, в частности «Положение об общественном устройстве колонистов», «Правила о преобразовании общественного у них управления и передаче в ведение общих российских учреждений», «Положение о поземельном устройстве поселян». Комиссия закончила работу в июле 1870 г., а в июне 1871 г. Государственный совет принял «Правила об устройстве поселян собственников, водворенных на казенных землях в губерниях».² В соответствии со статьей 13 «Правил» иностранные поселяне-собственники в шестимесячный срок передавались в ведение общих губернских, уездных и местных по крестьянским делам учреждений.³ Затем представители Министерства государственных имуществ в трехлетний срок выдавали бывшим колонистам акты на предоставленные им в надел земли, которые назывались владенными записями.⁴ Полученными землями поселяне могли распоряжаться по своему усмотрению — сдавать в аренду или продавать. Наследование земель определялось также колонистами, и, как правило, немцы пользовались майоратным правом наследования. Поселяне должны были выплачивать государственные подати, а также нести как земские, так и другие денежные и натуральные повинности. Кроме того, они облагались сбором на содержание местных по крестьянским делам учреждений и общественными сборами на содержание особых колонистских управлений, училищ и духовенства.

Вводя новое законодательство специально для немецких колонистов, правительство стремилось уравнивать права немецких поселенцев с правами русских крестьян. В дореформенной России немецкие крестьяне благодаря своим привилегиям очень быстро стали обладателями значительных капиталов. Русские же крестьяне в пореформенной России делали первые шаги по пути капиталистических отношений.

«Правила» 1871 г. касались всех немецких поселян-собственников. В статье рассматривается, как эти «Правила» претворялись в жизнь в немецких колониях Петербургской губ. во второй половине XIX в.

Первыми переселенцами в Петербургскую губ. в 1766 г. были крестьяне из Гессена, Вюртембурга, Бранденбурга.⁵ Всего под Петербургом разместилось 110 семей, которые основали 3 колонии. 60 семей поселились на правом берегу Невы, напротив Рыбной слободы (в настоящее время Рыбацкое), заняв земли площадью в 2100 десятин.⁶ а самая большая колония Петербургской губ. получила название Ново-Саратовская. Вторая по величине колония состояла из 28 семей, располагалась она в верхнем течении р. Ижоры и получила название Ижорская, или Колпинская. Следующая по величине состояла из 22 семей, находилась в 12 верстах от города на пути в Царское Село и называлась Средняя Рогатка.⁷

Колонисты в Петербургской губ., как и во всей России, освобождались от податей, а в тех местах, где сосредоточивалось большое количество семей, освобождались от налогов в течение 30 лет. Поселенцам выдавалась из государственной казны ссуда на строительство дома, покупку скота и инвентаря с выплатой в течение 10 лет без процентов равными частями. Немецкие колонисты находились в ведении Канцелярии Опекунства иностранных колонистов. В период царствования Павла I при Сенате была создана Экспедиция государственного хозяйства, опекунства иностранных и сельского домоводства, в задачу которой входила, в частности, опека иностранцев, поселившихся в империи. В XIX в. немецкие колонисты входили в ведомство Министерства государственных имуществ. Во время правления Александра I условия жизни колонистов мало изменились. Вновь прибывшие в Россию семьи получили в районе Ораниенбаума 2000 десятин, а также значительные площади в поселке Извара и под Ямбургом. Но из-за сложности занятия хлебопашеством в последних двух районах несколько семей переехало в 1811 г. под Павловск и в район Стрельны на постоянное жительство, 11 семей получили земли около почтовой станции Кипень, а в 1812 г. между Ораниенбаумом и Петергофом 4 немецкие семьи создали Ораниенбаумскую колонию. Значительное число семей из Извары и из-под Ямбурга переехало в южные районы России. После окончания Отечественной войны 1812 г. отмечался большой поток немецких переселенцев из Германии в южные губернии России, под Петербургом же количество переселенцев было незначительным. В 1817 г. была создана небольшая колония около Павловского парка под названием Этюп. Около Царского Села ткач Кемпер обосновал небольшую колонию под названием Фриденвальская, жители которой ткали шелковые ленты для царского двора.⁸

Итак, к 20-м годам XIX в. в Петербургской губ. образовалось 10 колоний немецких крестьян. Жили они по единым правилам, которые были приняты в 1803 г. под названием «Инструкция для внутреннего распорядка и управление в Санкт-Петербургских колониях».⁹ В ней очень четко регламентировался порядок и жизненный уклад в колониях. В то время у немецких крестьян был высокий уровень земледелия: использовали трехпольную систему обработки земли, переходили к 6—7-польной, выращивали озимые и яровые хлеба, картофель, знали основы ветеринарии. В зимний период все

жители колоний занимались рукоделием и ремеслом. Немцы вели обособленный от русского населения образ жизни, между собой говорили исключительно на немецком языке.

К середине XIX в., по данным 9-й ревизии 1856 г., число колонистов-домохозяев в Петербургской губ. составляло 1744 (6 % всех немцев-колонистов России, которых насчитывалось в то время 28 тыс.).¹⁰ В Петербургской губ. немцы составляли меньшинство по сравнению с крестьянами других национальностей. Так, например, согласно статистическим данным 1866 г. по Петергофскому уезду, в 372 деревнях проживало 18 100 душ мужского пола, в 6 немецких колониях того же уезда насчитывалось их 387.¹¹ На долю немецких колонистов в Петербургской губ. приходилось около 0,2 % пахотных земель, ибо в 1893 г. из общей площади 3 644 649 десятин обработанных земель немецкие колонисты владели 7115 десятинами.¹²

Благоприятные природные условия, льготы, которые русское правительство предоставляло переселенцам из Германии, трудолюбие и хорошая организация сельскохозяйственных работ способствовали экономическому процветанию колоний. Подрастало новое поколение, и, конечно, земель, на которых обосновались предки, стало недостаточно. Младшие сыновья не могли наследовать землю отца и были вынуждены основывать новые колонии. Колонисты были уже настолько состоятельны, что имели возможность покупать земли в окрестностях Петербурга. В основном это были выходцы из старых колоний — Ново-Саратовской и Средней Рогатки. Так, в 30-е годы XIX в. они купили у графа Воронцова более 100 десятин земли в районе между с. Муриным и Лесным и создали колонию Гражданка. В 1834 г. около Петергофа основана колония Александровская из 8 домов. В 50—60-е годы число дочерних колоний росло быстро: Приютино (1856), Янино (1863), Каменка (1865), Фарфоровая (1865), Новое Парголово (1868), Маленькая колония рядом со старой Средней Рогаткой (1872), Ново-Александровская (1872), Веселая колония около суконной фабрики Торнтон (1880), в Мурина (1889), Широкие места (1895), Волково около Каменки (1892 или 1900).¹³

Подтверждением расселения сыновей колонистов может служить завещание Адама Штро (Ново-Саратовская колония) от 12 сентября 1874 г., в котором он отдает распоряжения в отношении каждого наследника. У Адама Штро было 4 сына, 2 незамужние дочери и несколько замужних дочерей, которых он в завещание не включил, так как уже дал им приданое. Старший сын Федор, больной человек, должен был жить у одного из братьев, получая 1 рубль в месяц, готовое платье и питание. Яков получил 15 десятин 937 кв. сажен земли, купленной в 1856 г. старшим братом в Уткиной Заводи. Андрей получал надел в Ново-Саратовской колонии под № 30 со всеми строениями и службами, Карл — землю площадью 14 десятин со всем имуществом в с. Александровском, приобретенную Адамом Штро у графини фон дер Шуленбург в 1863 г.¹⁴

Немецкие крестьяне, купив землю в другом уезде, пытались закрепить за собой право владения землей в старой колонии. В конце 60-х годов к Ново-Саратовской колонии было приписано 748 душ,

реально же там проживало 552 человека, остальные распределялись следующим образом: 68 колонистов имели свои усадьбы в Санкт-Петербургском уезде, 98 — в Шлиссельбургском, 12 — около Фарфоровского завода, 18 — около Парголова. В 1874 г. началась переписка между группой немецких колонистов, имевших владения в других уездах, но причисленных к Ново-Саратовской колонии, с рядом правительственных учреждений: с Санкт-Петербургским по крестьянским делам присутствием, с Министерством внутренних дел, с Главным комитетом по устройству сельского состояния. Эта группа (Христиан Вализер, Себастьян Рейх, Якоб Роб) требовала оставить за ней право на владение землей в Ново-Саратовской колонии. Переписка продолжалась 5 лет. Правительственные инстанции отказали в их просьбе.

Примером взаимоотношений немецких колонистов с соседними крестьянами из Рыбной слободы может служить тяжба, длившаяся с 1860 по 1869 г. Суть дела состояла в том, что в 1769 г. при поселении 60 семей немецких крестьян на правом берегу Невы, на так называемой Выборгской стороне, напротив Рыбной слободы, им было отдано несколько более 2100 десятин, включая прибрежную полосу, которая ранее принадлежала крестьянам Рыбной слободы. Взамен русские крестьяне получили в вечное пользование 12 рыбных тонь, 7 из которых примыкали к берегу немецкой колонии.¹⁵ До 1859 г. немецкие колонисты беспрепятственно проходили по этим тоням, перевозили на барках удобрения из Петербурга и останавливались у специально построенных спусков на высоком берегу Невы для поднятия их на берег. С 1859 г. крестьяне Рыбной слободы начали активно пользоваться тонями и за плату давали возможность стоять проходившим по Неве плотам с лесом, что вызывало недовольство колонистов, так как плоты мешали подходу к берегу. Колонисты подали иск в суд с требованием запретить остановку плотов. Крестьяне Рыбной слободы подали встречный иск, в котором обвиняли колонистов в том, что при перевозке удобрения распространялось зловоние и загрязнялись принадлежавшие им тони, где гибла рыба. В результате долгой тяжбы Санкт-Петербургской губернской чертежной был составлен чертеж берегового пространства с показаниями тонь русских крестьян, а немецким крестьянам было предписано перенести спуски к тем участкам принадлежащего им берега, где не было тонь.¹⁶

Пользуясь правом распоряжаться данной им землей по своему усмотрению, крестьяне Ново-Саратовской колонии вплоть до 1896 г. сдавали в аренду участок размером 25 десятин владельце соседнего кирпичного завода г-же Стукёй. В последний год аренды на сельском сходе колонии (90 поселян) было решено продать владельце этот участок по 1050 руб. за десятину, т. е. за 26 250 руб. Земля была плохого качества, поэтому цена считалась выгодной, а вырученные деньги было решено внести в Губернское казначейство в уплату выкупных платежей за землю. Но поскольку по закону от 14 декабря 1893 г. продажная цена за десятину не должна была превышать 300 руб., в Санкт-Петербургском присутствии по административному делению было решено передать дело на рассмотрение Министерства внутренних дел. По распоряжению министерства было установлено,

что колонисты должны были выплатить за 20-летний срок 143 723 р. 20 к., а на 1896 г. было выплачено лишь 130 185 р. 49 к., и решение министерства было положительным, но только с условием, чтобы полученная сумма была выплачена в счет долга. Получив такой ответ, на сходе поселян в 1897 г. было решено, что выгоднее было сдавать владельце кирпичного завода в аренду по 145 руб. за десятину сроком на 24 года, а по истечении этого срока использовать эту землю под выгон скота.¹⁷

Немецкие колонисты, накопив значительное состояние, могли, согласно указам от ноября 1863 г. и февраля 1877 г., выкупать земли, полученные ранее от государства. Выкуп проходил по согласованию с Удельным ведомством и по утверждению министра императорского двора.¹⁸ Цена на землю, расположенную от Петербурга ближе 25 верст, была 50 руб. серебром за десятину, на расстоянии более 25 верст — 41 рубль серебром.¹⁹

В 1867 г. крестьяне из Ново-Саратовской колонии Севастьян Бич, Яков Штро, Петр Шефер и Андрей Штро выкупили свои наделы размером 17 десятин по 879 руб. за участок.²⁰

В пореформенной России русское крестьянство стало составлять конкуренцию немецким крестьянам, вывозя продукты земледелия на обширный рынок российской столицы. Подтверждением этого является прошение, с которым 50 поселян Верхне- и Нижне-Ижорской колоний Царскосельского уезда в 1882 г. обратились на имя министра внутренних дел. Они решили выкупить в личную собственность земли этой колонии. Удельное ведомство установило цену в размере 52 735 р. 30 к. за десятину с выплатой в течение 30 лет с 5 % годовых. Но эта сумма, как указывали колонисты в послании, ссылаясь на тяжелое экономическое состояние семей, была для них высокой. И далее они писали, что после открытия железной дороги между Петербургом и Царским Селом «бывшие ямщики обратились к земледелию и обрабатывают поля. Где прежде были пустоши, где прежде сбывались только наши земледельческие продукты и куда исключительно шло все удобрение из Павловска и Царского Села, там ныне все изменилось к нашей невыгоде».²¹

Немецким поселянам предоставлялись большие свободы выбора сословного состояния. В Законах о состояниях IX тома Свода законов по официальному изданию 1876 г. поселяне в течение десяти лет могли записываться в другие состояния (сословия), оставаясь по желанию в прежнем сословии, при условии, что будут нести по обоим состояниям все повинности и окладные сборы.²² Подтверждением этому может служить факт перехода поселян Ново-Саратовской колонии Эйкстеров в колпинское мещанство. На сельском сходе при участии волостного заслушали письменное заявление Ивана Иванова и Ивана Христианова Эйкстеров, которые (первый — с женой и детьми, второй — с матерью) просили выдать им увольнительное свидетельство. Оба просителя имели по «владенной» записи подворья и продавали их со всем земельным наделом поселянину той же колонии Якову Яковлеву Керну в вечное пользование за 4 тысячи серебром.²³

По «Правилам» 1871 г. немецкие поселяне имели право до 1881 г. выезжать из России без уплаты в русскую казну части нажитого им капитала. Это право было продлено до 1888 г.

И, наконец, о привилегии немецких колонистов в отношении воинской повинности, которую они получили со времен поселения на российских землях. В «Правилах» 1871 г. указано, что в течение 10 лет это положение сохраняется в силе до издания общего закона о воинской повинности. А уже в Законах о состоянии 1876 г., в разделе «Особые правила о сельских обывателях», в примечании к § 750, читаем, что если кто из поселян пожелает выехать из России, то должен заявить о своем намерении до 1 сентября того года, в котором подлежит призыву в армию. Если же это намерение не осуществлено и не объявлено об этом в Присутствии о воинской повинности, то поселянин привлекается к набору в солдаты как уклонившийся и подвергается повинности без жребия.²⁴ Вероятно, это примечание внесено во избежание злоупотреблений при рекрутском наборе среди поселян призывного возраста.

Итак, можно сказать, что русское правительство, уравнивая в правах немецких колонистов с крестьянами других национальностей пореформенной России, в целом не ущемляло их политического и экономического положения, давало им возможность постепенно привыкнуть к новым порядкам. Но несмотря на то, что права крестьян Петербургской губ. были уравнены, в статистических данных по уездам немецкие колонисты выделялись в особую группу (в связи с их отличным от русских крестьян экономическим положением, специфическим укладом жизни, а также тем, что немецкие крестьяне, как правило, в общении использовали немецкий язык). Так, например, в ведомостях от 1904—1905 гг. о населении Шлиссельбургского уезда указано, что крестьян там — 46 009, колонистов — 525 душ; в Ямбургском уезде крестьян — 84 028, колонистов — 1205 душ;²⁵ в Парголовской волости в 1904—1905 гг. проживало из сельских сословий крестьян — 4236, колонистов — 387 душ;²⁶ в Муринской волости крестьян — 2102, колонистов — 385 душ.²⁷

Исследования правового положения немецких поселян-колонистов Петербургской губ. помогают понять процесс вrastания этой немногочисленной этнической группы в многонациональное Российское государство.

¹ Schiller F. P. Literatur zur Geschichte und Volkskunde der deutschen Kolonien in der Sowjetunion für die Jahre 1764—1926. Pokrowsk, 1927.

² Историческое обозрение пятидесятилетней деятельности Министерства государственных имуществ: 1837—1887. СПб., 1887. Ч. 2. С. 130.

³ Там же. С. 131.

⁴ ЦГИА СССР, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 38, л. 137 об., 139.

⁵ Stumpp K. Sonder Druck aus dem Heimbuch der Deutschen aus Russland. Stuttgart, 1966. S. IV.

⁶ Armbrurger E. Geschichte der Behörden-organisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966. S. 274.

⁷ Ibid. P. 273.

⁸ Ibid. P. 279.

⁹ ПСЗ. 1830. Т. XXVII. № 20798.

- ¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 911, оп. 1, ед. хр. 3, л. 133.
- ¹¹ Санкт-Петербургские ведомости. 1866. № 14. 14 янв. С. 2.
- ¹² Велицын А. А. Немцы в России. Спб., 1893. С. 55.
- ¹³ *Armburger E.* Geschichte der Behörden-organisation Russlands von Peter dem Grossen bis 1917. Leiden, 1966. S. 273.
- ¹⁴ ЛГИА, ф. 190, оп. 4, ед. хр. 484, л. 3—4.
- ¹⁵ Там же, ф. 262, оп. 3, ед. хр. 102, л. 24.
- ¹⁶ Там же, л. 60—64.
- ¹⁷ Там же, ф. 258, оп. 4, ед. хр. 271, л. 1—19.
- ¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1261, оп. 66, ед. хр. 19, 1879 г., л. 1.
- ¹⁹ Там же, л. 2.
- ²⁰ ЛГИА, ф. 190, оп. 4, ед. хр. 484, л. 2.
- ²¹ ЦГИА СССР, ф. 1291, оп. 66, ед. хр. 19, 1879 г., л. 5.
- ²² Законы о состояниях IX Свода законов по официальному изданию 1876 г. и продолжениями 1890, 1891 и 1893 гг. / Сост. А. Скоров, А. М. Полонский. Спб., 1895. С. 266.
- ²³ ЛГИА, ф. 258, оп. 3, ед. хр. 222, л. 188, 299.
- ²⁴ Законы о состояниях. . . С. 266.
- ²⁵ ЛГИА, ф. 260, оп. 1, ед. хр. 222, л. 188, 299.
- ²⁶ Там же, ф. 976, оп. 1, ед. хр. 10, л. 9, об.—10.
- ²⁷ Там же, л. 41 об.—42.



Н. В. УШАКОВ

**ЖИЛИЩЕ РУССКИХ КРЕСТЬЯН
ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ
конца XIX—начала XX в.**

Цель настоящей статьи — дать характеристику жилища русского населения Петербургской губ. в конце XIX—начале XX в. и на основании данных о жилище определить, к какой этнографической группе — западно- или севернорусской — относятся русские этой губернии.

Территория Петербургской губ.—Ленинградской обл. плохо изучена с этнографической точки зрения. Если ряду финноязычных народов этой территории — води, ижоре, вепсам, в меньшей степени финнам — уделялось внимание в рамках финноугроведения, то по карелам и эстонцам практически нет работ.¹ И совершенно неизученным остается основное население губернии — русские, так как специальной этнографической литературы нет, разрозненные и фрагментарные этнографические сведения содержатся в дореволюционной местной периодической печати и введение в научный оборот этих материалов является темой ряда специальных работ.

Жилище русских этого региона также практически не изучено.² Источником работы являются собственные полевые материалы автора, собранные в результате планомерного полевого обследования жилищ русского и финноязычного населения Ленинградской обл. в 1980—1985 гг.³ Помещенные ниже фотографии выполнены автором в эти же годы.

Прежде всего необходимо оговорить территориальные рамки работы. Они определены административными границами Петербургской губ.—Ленинградской обл., так как в силу неизученности русского населения этой территории здесь невозможно выделить для исследования локальную группу русских, имеющих определенные отличительные черты от других групп русского населения. Такое определение является в значительной мере условным, но в данном случае оно наиболее приемлемо. В дальнейшем по мере изучения русских этой территории можно будет либо выделить те или иные их этнографические группы, либо соотнести их с другими группами русского населения.

Административные границы как Петербургской губ., так и Ленинградской обл. неоднократно менялись (с 1708 г. по настоящее время).⁴ Здесь территориальными границами исследования приняты границы Петербургской губ. конца XIX—начала XX в., установленные в 1781 г. и практически без изменений просуществовавшие до 1922 г., т. е. около 150 лет. Эти границы совпадают с хронологическими рамками изучения традиционной культуры — конец XIX—начало XX в. Для наглядности выбранных здесь территориальных рамок работы административные границы и деление Петербургской губ. 1781—1922 гг. привязываются к современным административным границам Ленинградской обл. (Ниже Петербургская губ. и Ленинградская обл. принимаются в границах административных делений именно этих периодов).

Территория Ленинградской обл. значительно больше территории Петербургской губ. в восточном и северо-западном направлениях и несколько меньше в юго-западном. Ниже дано приблизительное соотношение 17 районов Ленинградской обл. и 8 уездов Петербургской губ. (см. также рис. 1).

Ленинградская обл.

*Ближние (центральные) районы,
примыкающие к Ленинграду*

1. Ломоносовский район
2. Гатчинский и Тосненский районы
4. Всеволожский район

*Западные, юго-западный и
южный районы*

- 5, 6. Волосовский и Кингисеппский районы
7. Сланцевский район
8. Лужский район

Восточные районы

9. Кировский район
10. Волховский район

*Дальние восточные и северо-западные
районы Ленинградской обл.,
не входившие в границы
Петербургской губ.*

- 11, 12. Лодейнопольский и Подпорожский районы
- 13, 14, 15. Киришский, Тихвинский и Бокситогорский районы
- 16, 17. Приозерский и Выборгский районы

Петербургская губ.

*Ближние (центральные) уезды,
примыкающие к С.-Петербургу*

1. Петергофский уезд
2. Царскосельский уезд
3. Петербургский уезд

*Западный, юго-западный и
южный уезды*

4. Ямбургский уезд
5. Гдовский уезд⁵
6. Лужский уезд

Восточные уезды

7. Шлиссельбургский уезд
8. Новолодожский уезд

*Уезды соседних губерний на востоке и
северо-западе*

1. Лодейнопольский уезд Олонецкой губ.
2. Тихвинский уезд Новгородской губ.
3. Выборгская губ. Великого княжества Финляндского

Вследствие разницы в территориях Ленинградская обл. и Петербургская губ. различаются и по этническому составу. В Ленинградской обл., помимо русских, проживают водь, ижора, финны Ленинградской обл. (старое название «ингерманландские финны»), эстонцы, вепсы, карелы (локальная группа карел: старое название — «тихвинские карелы»). В Петербургской губ., кроме русских, проживали только

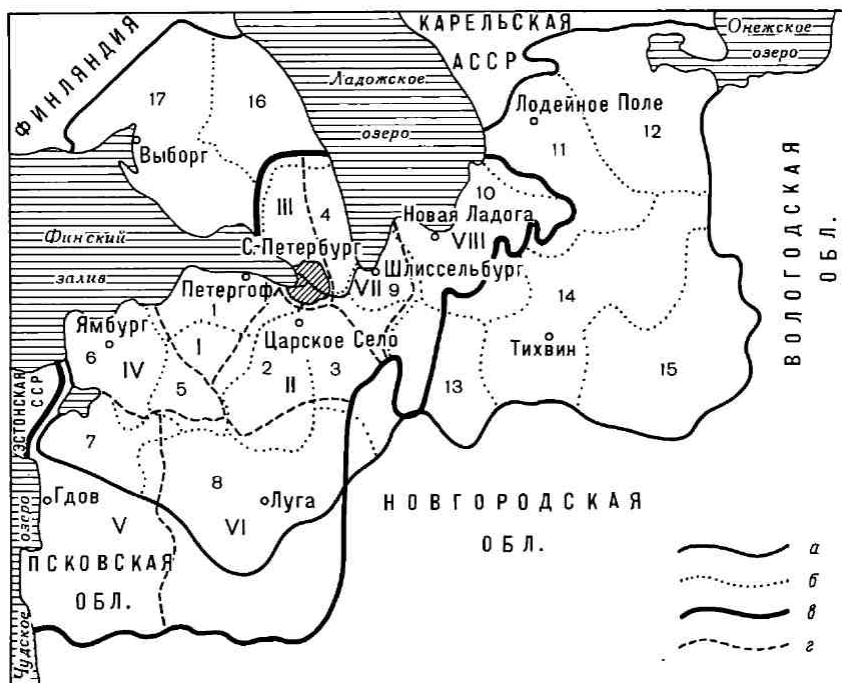


Рис. 1. Соотношение границ и административных делений Петербургской губернии и Ленинградской области.

а — границы Ленинградской обл.; б — границы районов Ленинградской обл.; в — границы С.-Петербургской губ.; г — границы уездов Петербургской губ.

Районы: 1 — Ломоносовский; 2 — Гатчинский; 3 — Тосненский; 4 — Всеволожский; 5 — Волосовский; 6 — Кингисеппский; 7 — Сланцевский; 8 — Лужский; 9 — Кировский; 10 — Волховский; 11 — Лодейнополюский; 12 — Подпорожский; 13 — Киришский; 14 — Тихвинский; 15 — Бокситогорский; 16 — Приозерский; 17 — Выборгский.

Уезды: I — Петергофский; II — Царскоесельский; III — Петербургский; IV — Ямбургский; V — Гдовский; VI — Лужский; VII — Шлиссельбургский; VIII — Новолодожский.

вось, ижора, ингерманландские финны, эстонцы. Вепсы и тихвинские карелы жили на территории Лодейнополюского уезда Олонекской губ. и Тихвинского уезда Новгородской губ. Современное население Карельского перешейка (Приозерский и Выборгский районы Ленинградской обл.) — русские, но раньше там в основном проживали финны-суоми (именно финны-суоми, а не ингерманландские финны), так как до революции это была Выборгская губ. Великого княжества Финляндского.⁶

Путем исключения хорошо известных по литературе зон расселения финноязычных народов Петербургской губ.⁷ можно определить границы расселения русского населения этой территории, т. е. ограничить территориальные рамки работы границами расселения русских в Петербургской губ. Существующие этнические карты П. Кеппена и Д. А. Золотарева, а также собственные полевые материалы автора подтверж-

дают в общих чертах такое определение границ расселения здесь русских.

Водь, ижора, ингерманландские финны проживали на территории Петербургской губ. компактными локальными группами в своих исторически сложившихся зонах расселения: водь — в западной части Ямбургского уезда, ижора — в северных частях Ямбургского и Петергофского уездов (южное побережье Финского залива) и в южной части Царскосельского уезда (по р. Оредеж), ингерманландские финны — в ближних от Петербурга частях Ямбургского, Петергофского, Царскосельского и Шлиссельбургского уездов, в Петербургском уезде, а также в самой западной части Ямбургского уезда (на побережье Кургаловского полуострова). Эстонцы в отличие от других финноязычных народов этой территории, не имели своих исторически сложившихся зон расселения и проживали отдельными небольшими поселениями и хуторами в западных уездах Петербургской губ. (расселение их в силу его значительной дисперсности можно не учитывать). Русские жили во всех уездах Петербургской губ., но плотность русского населения в разных уездах была различной. Можно выделить зону почти сплошного русского населения: Гдовский, Лужский уезды, южная часть Ямбургского уезда, дальние от Петербурга части Петербургского, части Петергофского, Царскосельского, Шлиссельбургского уездов и Новолодожский уезд. В других частях Петербургской губ., т. е. в зонах расселения води, ижоры, ингерманландских финнов, русские жили отдельными деревнями чересполосно с финноязычным населением.

В силу сложности этнического состава данной территории необходимо кратко коснуться истории формирования населения этих мест. Русские и финноязычные народы — давнее население этой территории. Между археологами ведутся споры о времени появления здесь славянского населения — VI—VIII или VIII—IX вв. н. э.⁸ В дальнейшем эта территория составляла Водскую пятину средневекового Новгорода. Водь — самое древнее население этих мест: в I тыс. н. э. она отделилась от северо-эстонских племен. Ижора, представляющая собой часть корелы, появляется здесь на рубеже I и II тыс. н. э. В XVII в., когда территория была под властью Швеции (отсюда старое название этой земли — Ингерманландия), сюда переселились две группы финнов из Финляндии — эвремейсет и савакот, которые и сформировали население, впоследствии названное ингерманландскими финнами.⁹ Только эстонцы появились здесь поздно — в конце XIX—начале XX в. (именно в это время происходили значительные переселения эстонских крестьян на территорию России).¹⁰

Цель настоящей работы — по данным о жилище определить, к какой группе — западнорусской или севернорусской — относятся русские Петербургской губ. Для этого необходимо: 1) наметить основные аспекты рассмотрения жилища; 2) определить на основании этого рассмотрения его типы и особенности и проследить их территориальное распространение в Петербургской губ.; 3) определить существовавшие на территории губернии комплексы жилища и соотнести последние с комплексами русского жилища, рассмотренными в историко-этногра-

фическом атласе «Русские»,¹¹ т. е. выяснить, к какому комплексу русского жилища относятся жилища русских Петербургской губ. — к западнорусскому или севернорусскому.

Аспекты рассмотрения жилища следующие (они определены на основе историко-этнографического атласа «Русские» и скорректированы применительно к данной территории): 1) высотный показатель дома (высота подклета); 2) планировочное решение дома (соотношение срубов в доме, т. е. типы дома по планировке); 3) внутренняя планировка дома (положение печи и ее устья в избе); 4) высотный показатель двора (т. е. этажность двора); 5) связь дома и двора; 6) степень открытости двора; 7) состав помещений двора и иногда — его частей (зависит от степени открытости двора); 8) ориентировка дома и двора по отношению к улице (необходимо рассматривать только вместе, ибо дом и двор конструктивно неразрывны); 9) части усадьбы и постройки на ней и вне ее (зависит от типа двора); 10) материал и строительная конструкция дома, двора и ограды усадьбы: фундамент, стены, пол, двери, окна, потолок, крыша, ее конструкция и форма, покрытие крыши, ограда усадьбы, постройки на усадьбе и вне ее; 11) отопительная система дома.

Высотный показатель дома. Бытовали дома на среднем и низком подклете. В первом случае дома рубились на четвертом-пятом венце (высота подклета около метра), во втором случае — на втором-третьем венце (высота подклета меньше полуметра). Дома с низким и средним подклетами были распространены почти по всей губернии, за исключением Новолодожского уезда, где бытовали дома только на среднем подклете.

Планировочное решение дома. Здесь бытовали следующие четыре типа жилого дома по планировке (рис. 2, 6, 7, 8): 1) двухчастное жилище — изба—сени; 2) трехчастная связь — изба—сени—клеть, изба—сени—2-я изба (или дом на две избы), изба—сени—горница; 3) дом-пятистенок с продольной пятой стеной — изба, 2-я изба—сени (т. е. изба-двойня); собственно пятистенок с продольной пятой стеной — изба, горница—сени; 4) дом-пятистенок с поперечной пятой стеной — комната—кухня—сени, т. е. чистая половина—грязная половина—сени. Двухчастное жилище (1-й тип) — изба—сени — бытовало по всей территории губернии, но было редким, уже уходящим в прошлое типом (рис. 2). Трехчастное жилище (2-й тип), или дом на две избы — изба—сени—изба, бытовало в Ямбургском и в меньшей сте-

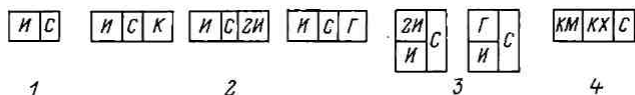


Рис. 2. Типы дома по планировке.

и — изба; с — сени; к — клеть; 2и — 2-я изба; г — горница; км — комната; кх — кухня.

1 — двухчастный дом (изба—сени); 2 — дом с трехчастной связью (изба—сени—клеть; изба—сени—2-я изба; изба—сени—горница); 3 — дом-пятистенок с продольной пятой стеной (изба, 2-я изба—сени; изба, горница—сени); 4 — дом-пятистенок с поперечной пятой стеной — комната—кухня—сени.

пени в Лужском уезде. Разновидность изба—сени—горница встречалась реже; изба—сени—клеть практически уже не встречалась (последняя была архаичной). Дом-пятистенки с продольной пятой стеной (3-й тип) чаще бывал в разновидности изба, горница—сени, чем изба, 2-я изба—сени (изба-двойня). Этот тип бывал в Гдовском и Новолодожском уездах. Дом-пятистенки с поперечной пятой стеной (4-й тип) — комната—кухня—сени — бывал повсеместно и, за исключением Ямбургского, Гдовского и Новолодожского уездов, был преобладающим. В последних уездах он вытеснял дома с трехчастной связью и пятистенки с продольной пятой стеной.

Внутренняя планировка дома (рис. 3). Бывала в основном западнорусская внутренняя планировка дома, т. е. печь располагалась в ближнем от входа углу и была повернута устьем к боковым окнам. Только в Новолодожском уезде совместно с западнорусской бывала и севернорусская внутренняя планировка дома: печь располагалась в ближнем от входа углу и была повернута устьем к передним окнам.

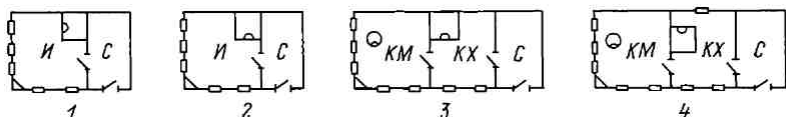


Рис. 3. Типы внутренней планировки дома.

1 — севернорусская планировка; 2 — западнорусская планировка; 3, 4 — внутренняя планировка пятистенки с поперечной пятой стеной.

Необходимо отметить, что типы внутренней планировки дома можно определить только в домах, где есть собственно изба, т. е. в двухчастном жилище (1-м типе) изба—сени; трехчастной связи (2-м типе) изба—сени—клеть, изба—сени—2-я изба, изба—сени—горница; в домах-пятистенках с продольной пятой стеной (3-м типе) — изба, 2-я изба—сени; изба—горница—сени. В пятистенке с поперечной пятой стеной (4-м типе — комната—кухня—сени) старый тип внутренней планировки определить невозможно, ибо печь стоит в кухне у пятой стены и смотрит устьем либо в боковую стену, либо в дверь или стоит посередине пятой стены и смотрит устьем либо в ближайшую боковую стену, либо в дверь.

Высотный показатель двора. Были распространены главным образом одноэтажные дворы. Только в Новолодожском уезде не было одноэтажных дворов и бывали полудвухэтажные дворы: второй этаж представлял собой получердачное помещение и являлся сеновалом (рис. 10).

Связь дома и двора (рис. 4, 9). В Ямбургском уезде бывала двухрядная связь дома и двора (двор стоял сбоку дома под отдельной крышей). Здесь, правда реже, бывала и П-образная связь дома и двора (двор Г-образной формы был пристроен сбоку дома, так что между домом и двором был небольшой открытый дворик). В Лужском уезде, правда довольно редко, встречалась Т-образная связь дома и

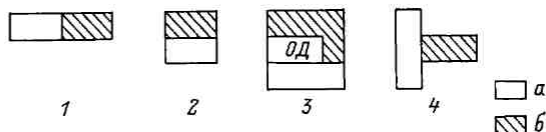


Рис. 4. Типы связи дома и двора.

а — дом; б — двор; од — открытый двор.

1 — однорядная связь; 2 — двухрядная связь;
 3 — П-образная связь; 4 — Т-образная связь.

двора (двор пристроен к длинной стороне дома, поперек его). В остальных уездах была распространена однорядная связь дома и двора (двор пристраивался сзади дома). В Ямбургском и Лужском уездах последняя связь дома и двора бытовала наряду с двухрядной, П-образной и Т-образной связью дома и двора.

Степень открытости двора. Дворы в основном были крытые. Только в Ямбургском уезде встречались полуоткрытые дворы — это П-образная связь дома и двора (рис. 4).

Состав помещений двора (и его частей). Во всех уездах губернии состав помещений двора был следующим: собственно крытый двор, хлев и небольшой сеновал на чердаке двора для повседневного кормления скота. В Ямбургском уезде, кроме того, были следующие помещения и части двора: крытая часть двора, хлев, небольшой сеновал над хлевом. Это связано с П-образной связью дома и двора, или полуоткрытым двором. В Новолодожском уезде, где бытовали полудвухэтажные дворы, состав помещений двора был иным: на первом этаже двора располагался собственно крытый двор и хлев, на втором получердачном этаже располагался вместительный сеновал с основными запасами сена. В остальных уездах, где были распространены одноэтажные дворы, как крытые, так и полуоткрытые, бытовали отдельно стоящие сенные сараи с основными запасами сена, расположенные либо на усадьбе дома, либо вне ее.

Ориентировка дома и двора по отношению к улице. При однорядной связи дома и двора дом был повернут к улице короткой стороной, изредка длинной стороной. При двухрядной связи и П-образной связи дома и двора (Ямбургский уезд) дом повернут к улице только короткой стороной. При Т-образной связи дома и двора (Лужский уезд) дом повернут к улице только длинной стороной.

Части усадьбы, постройки на ней и вне ее (рис. 5). Почти повсеместно усадьба состояла из следующих частей: открытой части усадьбы, расположенной сбоку от дома и крытого двора, и огорода позади дома и двора. Только в полуоткрытых дворах П-образной связи дома и двора, встречающейся в Ямбургском уезде, не было открытой части усадьбы, так как эти функции выполняла открытая часть двора в полуоткрытом дворе. Постройки на усадьбе — амбар, баня, сенной сарай; постройки вне усадьбы — рига с гумном, колодезь. Иногда баня стояла вне усадьбы, если дерзвня была расположена вблизи реки или озера, тогда все бани стояли около воды. В ряде случаев сенной сарай ставили вне усадьбы на покосе. В редких случаях рига с гумном и колодезь были

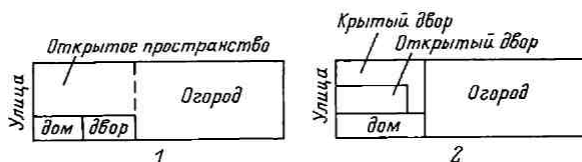


Рис. 5. Типы усадьбы.

- 1 — усадьба с открытым пространством, выполняющим функции открытого двора (двор на усадьбе крытый);
 2 — усадьба с открытым внутренним двором (двор на усадьбе — полуоткрытый).

на усадьбе. Рига с гумном, как правило, принадлежала нескольким хозяйствам, а колодец — целому концу деревни, в связи с этим последние редко располагались на усадьбах. На усадьбе или вне ее находился погреб: это зависело от удобной для его использования сухой почвы. Погреба вообще были распространены довольно редко, так как почти под каждым домом имелся небольшой подвал — картофельная яма. Такой состав построек на усадьбе и вне ее был распространен во всей губернии, исключая Новоладожский уезд. В этом уезде не строили отдельно стоящих сенных сараев, так как дворы здесь, в отличие от всей остальной части Петербургской губ., были полудвухэтажные и основные запасы сена хранились на сеновале, находящемся на втором этаже двора и представляющем собой получердачное помещение.

Материал и строительная конструкция дома, двора и ограды усадьбы: фундамент, стены, пол, двери, окна, потолок, крыша, ее конструкция и форма, покрытие крыши, ограда усадьбы, постройки на усадьбе и вне ее. Дома строились из бревен, очень редко из кирпича; фундамента под домами не было: клали камни под углы дома, иногда по периметру. Только в Ямбургском, Гдовском и Лужском уездах встречались фундаменты под домами из двух рядов больших круглых камней, скрепленных мелкими камнями и гашеной известью (рис. 11). Бревна стен рубились в угол с выпуском, реже в лапу без выпусков, прокладывались мхом или паклей. Снаружи стены домов не обшивались и внутри обоями не оклеивались. Полы делались на балках, врубленных в стены и иногда подкрепленных еще столбами, настилались чаще одинарные, реже двойные, не красились. Двери были широкие, с высокими порогами. Окна были в основном двойные, без форточек. Потолки делались на балках (матицах), которые располагались как вдоль, так и поперек дома, не красились, утеплялись глиной, песком, мхом, мякиной. Крыши самцовой конструкции встречались только в Новоладожском уезде, повсеместно были распространены крыши стропильной конструкции. Крыши почти везде двускатные, только в Гдовском уезде были распространены крыши со скатами на их торцовых концах. Крыли крыши в Ямбургском и Гдовском уездах соломой в снопиках, позже дранкой, в остальных уездах — соломой в рассыпку под жердь, позже дранкой, в Новоладожском уезде чаще дранкой, реже соломой в рассыпку под жердь.



Рис. 6. Дом двухчастный (изба—сени) с низким подклетом. Связь дома и двора однорядная. Конец XIX—начало XX в. Д. Корпово Пустомержского сельсовета Кингисеппского р-на (Ямбургский у.). Фото автора. 1982. Неготека МАЭ, И-2080-47.



Рис. 7. Дом с трехчастной связью (изба—сени—2-я изба). Конец XIX—начало XX в. Д. Корпово Пустомержского сельсовета Кингисеппского р-на (Ямбургский у.). Фото автора. 1982. Неготека МАЭ, И-2080-45.



Рис. 8. Дом-пятистенник с продольной пятой стеной (изба, горница—сени). Конец XIX—начало XX в. Д. Овсищи Поречского сельсовета Сланцевского р-на (Гдовский у.). Фото автора. 1982. Неготека МАЭ, И-2080-628.



Рис. 9. Дом с трехчастной связью (изба—сени—2-я изба). Т-образная связь дома и двора (на фотографии не видна). Конец XIX—начало XX в. Д. Ям-Тесово Ям-Тесовского сельсовета Лужского р-на (Лужский у.). Фото автора. 1982. Неготека МАЭ, И-2080-984.



Рис. 10. Дом на среднем подклете с полудвухэтажным двором (однорядная связь дома и двора). Конец XIX—начало XX в. Д. Лавния Киселевского сельсовета Волховского р-на (Новоладожский у.). Фото автора. 1981. Неготека МАЭ, И-2069-50.



Рис. 11. Каменный фундамент под домом. Конец XIX—начало XX в. Д. Овсищи Поречского сельсовета Сланцевского района (Гдовский у.). Фото автора. 1982. Неготека МАЭ, И-2080-617.



Рис. 12. Каменный двор. Конец XIX—начало XX в. Д. Рель Рельского сельсовета Лужского р-на (Лужский у.). Фото автора. 1982. Неготека МАЭ, И-2080-801.

Стены дворов чаще всего делались из бревен, иногда сам крытый двор — из досок, хлев же обязательно из бревен. Это было распространено повсеместно; только в Ямбургском, Гдовском и Лужском районах встречались дворы, построенные из двух рядов больших камней, скрепленных мелкими камнями и гашеной известью (рис. 12). Хлев внутри такого двора делался из бревен (иначе бы замерз скот зимой). В остальных частях постройки дворы не отличались от домов, только во дворе не было пола и потолка, в хлеву был грубый пол и окна волоковые. Ограды усадьбы были везде одинаковые: либо косая изгородь из жердей, либо ограда из толстых горизонтальных жердей, укрепленных на вертикальных столбах. Основные части таких построек, как баня, амбар, рига с гумном, сенной сарай, были такие же, как в доме и дворе. Иногда сарай для сена делался из досок. Территориальных различий в этом не обнаруживается.

Отопительная система дома. Основной печью была русская печь, стоявшая в избах и в кухнях пятистенков с поперечной пятой стеной; горницы и комнаты в таких пятистенках отапливались либо лежанками, либо круглыми печками, обитыми железным листом. Сами избы, помимо русской печи, иногда подтапливались маленькими квадратными печурками. Территориальных различий в отопительной системе дома не обнаруживается. Бани отапливались черными печками-каменками.

На основании определяющих признаков (низкий и средний подклет под домом, западнорусская внутренняя планировка, одноэтажный двор, однорядная, двухрядная или П-образная связь дома и двора, стропильная конструкция крыши и ее покрытие соломой в снопиках или соломой

в рассыпку под жердь) 1-й комплекс жилища, распространенный у русских почти во всей Петербургской губ., можно отнести к западнорусскому. 2-й комплекс жилища, бытовавший у русских Новолодожского уезда Петербургской губ., на основании его определяющих признаков (средний подклет под домом, сочетание западнорусской и севернорусской внутренней планировки, полудвухэтажный двор — внизу двор и хлев, наверху получердачный сеновал, сочетание стропильной и самцовой конструкций крыши, покрытие ее в основном дранкой, реже — соломой в рассыпку под жердь) можно характеризовать как промежуточный между западнорусским и севернорусским комплексами.¹² Локальными особенностями жилища русских Петербургской губ. можно считать бытовавшие каменные фундаменты и дворы в западных уездах.

На этом основании можно сделать вывод, что русские Петербургской губ. по данным жилища конца XIX—начала XX в. относятся в основном к западнорусской группе.

¹ Литература по финноязычным народам этого региона довольно обширна, и ее характеристика требует специальной работы. Приводим лишь основные издания, содержащие библиографию по этому вопросу: Финноугорский сборник. Л., 1928. (Тр. КИПС; № 15); Западнофинский сборник. Л., 1930. (Тр. КИПС; № 16); *Дубровина З. М.* Из истории финского населения Ленинградской области // Вестник ЛГУ. Сер. ист., яз., лит. 1962. № 20, вып. 4. С. 111—120; Народы европейской части СССР. М., 1964. Т. 2. С. 845—846; *Пименов В. В.* Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965; *Никольская (Тароева) Р. Ф.* К истории изучения этнографии карел и вепсов // Этнография Карелии. Петрозаводск, 1976. С. 5—44. Об эстонцах Ленинградской обл. немного говорится в исторической монографии: *Маамия В.* Эстонские поселенцы в СССР (1917—1940 гг.). Таллин, 1976. С. 22—23. По карелам Ленинградской обл. есть одна диалектологическая работа: *Рягов В. Д.* Образцы Карельской речи: Тихвинский говор собственно карельского диалекта. Л., 1980.

² Этнографические работы по жилищу этого региона посвящены жилищу финноязычных народов: *Егоров В. В.* Эвреймы Лесколоского сельсовета // ЛОИКФУН. Исследования и материалы по финно-угроведению. Л., 1928. Т. 1. С. 40—43; *Егорова-Котлубай М. А.* Развернутый план эвреймской избы // Тр. краеведческой комиссии ЛОИКФУН. Л., 1928. Вып. 2. С. 11—16; *Габе Р. М.* Материалы по народному зодчеству западных финнов Ленинградского округа // Западнофинский сборник. . . С. 107—162; *Андреева Л. В.* Крестьянское жилище Ленинградской области (предварительные выводы) // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР. Л., 1977. С. 169—176 (в последней работе характеризуются в целом жилища Ленинградской обл. с точки зрения архитектуры и не рассматривается вопрос об этнической принадлежности этих жилищ); *Егоева Э. И.* Поселения и жилища вепсов конца XIX—начала XX вв. // Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977. С. 125—139; *Строгальщикова (Егоева) Э. М.* Традиционное жилище Межозерья. Л., 1986.

³ Собраны данные по традиционному и современному жилищу русских всех 17 районов Ленинградской обл., всех финноязычных народов этой территории, их диалектных и крупных локальных групп. Обследовано свыше 60 деревень. Характер собранных материалов следующий: сведения информаторов, подсчеты распространения типов жилищ в деревнях, планы жилищ с размерами и схематичные планы жилищ, многочисленные фотоматериалы по жилищу. См.: *Ушаков Н. В.* Материалы 4 экспедиций и 6 командировок в Ленинградскую область в 1980—1985 гг. (Архив ИЭ АН СССР, ЛЧ, к. 1, оп. 2, № 1197—1204, 1233—1237, 1410, 1412—1413, 1455—1456, 1459—1460 — всего 1255 листов полевых записей, включая иллюстративный материал); неготека МАЭ (при ИЭ АН СССР, ЛЧ, кол. И-1996, И-2069, И-2080 — всего около 4000 кадров).

⁴ Атлас Ленинградской области. М., 1967. С. 74, 75, 82.

⁵ Юго-западная половина Гдовского уезда С.-Петербургской губ. входит сейчас вместе с г. Гдовом в Гдовский р-н Псковской обл.

⁶ В настоящей работе не учитываются дисперсно расселенные другие этнические группы и не рассматриваются поселения немецких колонистов под Петербургом.

⁷ О расселении финноязычных народов С.-Петербургской губ. см.: *Körren P.* Ethnographische Karte des St.-Petersburgischen Gouvernements. S. Pb., 1849; *Золотарев Д. А.* Этнический состав северо-западной области и Карельской АССР. Л., 1927. (Тр. КИПС; № 12), этнографическая карта южной части северо-западной области; *Лаанест А.* Ижорские диалекты: Лингвогеографическое исследование. Таллин, 1966. Т. 1. С. 5—6; Основы финно-угорского языкознания (прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки). М., 1975. С. 5; *Федоров И. Т.* Расселение ижоры в XIX—XX вв. // СЭ. 1983. № 5. С. 97—104.

⁸ *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 46—66, 158—185; *Лебедев Г. С.* О времени появления славян на Северо-Западе // Северная Русь и ее соседи в эпоху средневековья. Л., 1982. С. 29—39.

⁹ *Аристэ П. А.* Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития // Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956. С. 5—27; Народы европейской части СССР. Т. 2. С. 310—328.

¹⁰ *Маамяги В.* Эстонские поселенцы в СССР... С. 22—23.

¹¹ Историко-этнографический атлас «Русские». М., 1967. Т. 1; 1972. Т. 2.

¹² Историко-этнографический атлас... С. 152—154.

———— * ————



А. М. КОНЕЧНЫЙ

Н. П. АНЦИФЕРОВ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПЕТЕРБУРГА

В 1989 г. исполняется сто лет со дня рождения Николая Павловича Анциферова — одного из основоположников петербургского градоведения.

Н. П. Анциферов родился 13 июля 1889 г. в городе Умани, на Украине. Свое детство он провел в Крыму, в Никитском саду, которым заведовал его отец — известный педагог-естественник. После смерти отца (1897) он живет в Киеве, учится в знаменитой 1-й гимназии.

В 1908 г. Анциферов переезжает с матерью в Петербург, где в 1909 г. оканчивает Введенскую гимназию¹ и поступает на историко-филологический факультет университета. В Петербурге, вспоминает Анциферов, «я задумался о тех формах культурной работы, которые свяжут меня с рабочими».² И студент-первокурсник читает курс по русской истории в рабочем университете при Обуховском заводе. По инициативе А. А. Гизетти и Н. П. Анциферова в 1910 г. при Эрмитаже создается кружок, одной из главных целей которого была подготовка руководителей экскурсий для рабочих. «В наш кружок вошли несколько учеников И. М. Гревса: А. П. Смирнов, М. А. Георгиевский, Г. Э. Петри, А. В. Шмидт, А. Э. Серебряков, А. В. Тищенко. Я привлек Т. Н. Оберучеву, В. П. Красовскую, В. В. Табунщикову и земляка Л. Е. Чикаленко. Из девушек у нас работала еще Е. О. Флеккель и несколько бестужевок: Т. С. Стахевич, В. М. Михайлова, М. М. Левис, Л. Ф. Завалишина. Позднее примкнул к нам Ф. А. Фьелstrup и еще позднее — антрополог Г. А. Бонч-Осмоловский... Из нашей среды в Петербурге вышли те руководители, которые образовали ядро экскурсионистов в Петрограде».³ Эрмитажный кружок стал родоначальником экскурсионного дела в Петербурге.

После успешного окончания университета в 1915 г. Анциферов остается при кафедре всеобщей истории, где находится до 1919 г.⁴ О круге научных интересов Анциферова-студента дает представление характеристика, составленная его руководителем профессором И. М. Гревсом:

Николай Павлович Анциферов давно известен мне как талантливый, одушевленный и упорно работающий над наукою юноша. Он участвовал целый ряд лет в руководимых мною семинариях по средневековой истории, больше всего интересуясь вопросами духовной и, в частности, религиозной культуры. Он работал с последовательным усердием и всегда с успехом над изучением поздней Римской империи и ее образованности, специально изучив сочинения Блаженного Августина, сосредоточиваясь на нескольких основных вопросах религиозной и церковной истории эпохи и обнаруживая серьезные способности и развивающееся умение в разработке всех трудных частных проблем. Следя за другими семинариями, предлагавшимися мною из отдела позднего средневековья, Анциферов не менее успешно занимался и здесь раннею историею францисканцев, общественным строем Флоренции и вообще итальянским городом в XII и XIII вв. Представленное им зачетное сочинение об аскетизме Франциска Ассизского является удачным опытом историко-психологического анализа. Анциферов во многих отношениях уже сложился для того, чтобы приступить к самостоятельной научной работе. Для укрепления его в знаниях и методологических навыках необходимо дать ему возможность воспользоваться и дальше теми средствами, какие дают университетские учреждения.

Я горячо ходатайствую перед факультетом об оставлении Анциферова на два года для дальнейшего усовершенствования в науке и приготовления к профессорскому званию.

Петроград, 7 ноября 1915 г. Профессор *Ив. Гревс*.⁵

Однако Анциферов отказался от научной карьеры, видя свое предназначение в просветительной деятельности. Под руководством И. М. Гревса в послеоктябрьские годы он занимается пропагандой культурного наследия города среди широких масс и постановкой гуманитарного образования учащейся молодежи. В 1918 г. создается Экскурсионная секция при Музейном отделе,⁶ а в 1921 г. начинается своя деятельность Петроградский научно-исследовательский экскурсионный институт⁷ (закрыт в 1924 г.) и общество «Старый Петербург»⁸ (ликвидировано в 1938 г.), занимавшееся изучением, популяризацией и охраной города. Анциферов активно сотрудничает во всех этих учреждениях. Он руководит семинариями по изучению Петербурга, Павловска и Детского Села, выступает с докладами и лекциями, разрабатывает и водит экскурсии по городу и пригородам, сотрудничает в журналах «Педагогическая мысль» (1918—1924) и «Экскурсионное дело» (1921—1923). В 1927 г. Анциферов избирается членом Центрального бюро краеведения. Необходимо упомянуть и о преподавательской деятельности Анциферова: в школе при бывшем Тенишевском училище (1918—1925), где он вел и гуманитарный кружок, в колонии для беспризорных в Славянке (1919—1920), в Институте истории искусств (с 1925 г.).

Петербург является главным героем большинства монографий и статей Анциферова. Из семинариев И. М. Гревса и их совместной поездки в Италию (летом 1911 г.) Анциферов вынес не только идею «полного исторического изучения города как высшей формы концентрации культурной жизни и живого собирательного организма»,⁹ но и приверженность к экскурсионному методу «наглядного показа истории» (термин И. М. Гревса). К изложению материала в экскурсионной форме Анциферов часто прибегает в своих исследованиях Петербурга. Будучи противником механистического изучения города как набора достопримечательностей, Анциферов рассматривал его как «целостный культурно-исторический организм», отмечая при этом, что «при разработке плана экскурсий требуется не только основательное знание истории и топографии города, но и хороший опыт переживания его целостного образа».¹⁰ Иначе говоря, город или определенный памятник должны быть не только источником познания, но и эстетического впечатления и нравственного переживания. Разработки Анциферова по организации и методике проведения экскурсий, к которым не столь уж часто обращаются музейные работники, не потеряли актуальности и в наше время.

В 1921 г. в издательстве «Картонный домик» вышел сборник «Об Александре Блоке», где наряду со статьями видных литературоведов (Б. Эйхенбаума, Ю. Тынянова, В. Жирмунского) было помещено исследование Анциферова «Непостижимый город: (Петербург в поэзии А. Блока)». «Александр Блок, подобно Пушкину, был поэтом Петербурга, — писал Анциферов. — Оба они в значительной мере созданы городом Петра и вместе с тем оба создали, каждый по-своему, образ Северной столицы. Без знакомства с ними мы многого не поймем в Петербурге, но без познания места его в их творчестве, без раскрытия образа нашего города в их поэзии многое останется неясным в их художественном наследии. Образ города имеет свою судьбу. Каждая эпоха порождает свое особое восприятие; смена эпох создает постоянно меняющийся — текучий образ города и вместе единый в чем-то основном, составляющем его сущность, как органического целого».¹¹ Здесь Анциферов впервые сформулировал два аспекта темы «писатель и город»: выявление образа города в творчестве писателя или поэта и анализ отображения урбанистической среды в художественном тексте (от города к литературному памятнику). Эта статья положила начало изучению отраженного в художественном творчестве облика Петербурга.

Работа Анциферова о Блоке стала фрагментом его монографии «Душа Петербурга», изданной в 1922 г. издательством «Брокгауз—Ефрон». Эта книга имеет авторскую датировку: сентябрь 1919 г. В Славянке (под Павловском), занятой Юденичем осенью 1919 г., вспоминает Анциферов, «я смотрел в сторону любимого города, стараясь понять, что означало зарево, что оно сулило Петрограду! Ведь решалась его судьба. Я стал писать об этом городе, о его трагической судьбе. И назвал его городом „трагического империализма“, как А. Ахматова „Город славы и беды“».¹² Это было время, когда я работал над книгой, которую позднее решился назвать „Душа Петербурга“».¹³ Личные потрясения Анциферова (смерть детей летом 1919 г.), тяжелые

испытания, выпавшие на долю любимого города, поиски пути духовного возрождения и нравственного спасения — все это породило особую эмоциональную напряженность книги. «Душа Петербурга» — вершина творческого наследия Анциферова — конденсирует в себе темы почти всех «петербургских» работ исследователя. Анциферов впервые предпринял глобальную попытку осмыслить город как синтез материально-духовных ценностей, постичь «душу» Петербурга, под которой он понимал «исторически проявляющееся единство всех сторон его жизни (сил природы, быта населения, его роста и характера его архитектурного пейзажа, его участие в общей жизни страны, духовное бытие его граждан)».¹⁴

Вслед за «Душой Петербурга» появляются еще две монографии: «Петербург Достоевского» (1923) и «Быль и миф Петербурга» (1924).¹⁵ Все эти книги Анциферов рассматривал как единый и целостный текст. «Петербургская» тема была для него не только предметом научного исследования, но и содержанием жизни.

В 1944 г. Анциферов успешно защитил в Институте мировой литературы диссертацию «Проблемы урбанизма в русской художественной литературе: (Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций)», в которой писал: «Еще в 1919 году я приступил к работе над образами Петербурга, преломленными в творчестве наших классиков... Это были суровые годы, когда город — „Петра творенье“ — переживал время своего destructio перед новым расцветом. В своей книге „Душа Петербурга“ я пытался дать в первой ее части, „Genius loci“, свое понимание трагической сущности этого города с всечеловеческой душой. Во второй части — „Образы Петербурга“ — я сделал опыт раскрытия „судьбы“ города по его отражениям в творчестве художников слова, понимая под судьбой историческое воплощение конкретной индивидуальности, т. е. диалектический путь его раскрытия во времени. Мой обзор начинался с анализа высказываний Ломоносова и заканчивался образами, созданными ранним Маяковским. Через год мною был выпущен „Петербург Достоевского“, в котором я развил одну из глав моего первого труда, предпослав ему методологическое введение и развернув тему во второй части труда, уже в экскурсионном плане. В 1924 году была выпущена тем же издательством моя книжка „Быль и миф Петербурга“, в которой я сопоставлял отображение города в „Медном всаднике“ Пушкина с реальной обстановкой происхождения Северной столицы. Основная идея труда: миф, созданный нашим поэтом, не искажение исторической действительности, а ее истолкование и сублимация, — переключение в символические образы глубоких исторических процессов. Оба эти труда, в сущности, представляют развитие проблем, вытекающих из идей „Души Петербурга“».¹⁶

Сохранился корпус писем Н. П. Анциферова к его ученику и другу Г. А. Штерну,¹⁷ из которых видно, что, находясь во время войны в Москве, Николай Павлович жил в постоянной тревоге за судьбу Ленинграда: «очень исстрадался за ленинградцев» (7.01.42); «готовим выставку „Литературные места, захваченные фашистами“». Среди них наше бесконечно любимое Детское Село» (02.43) и т. п. «Сейчас я весь

поглощен радостными событиями под Ленинградом, — писал Андиферов Штерну 1 февраля 1944 г. — Но судьба наших памятников Петергофа, города Пушкина, Павловска и других потрясает». И Андиферов начинает работу над книгой «Пригороды Ленинграда: Города Пушкин, Павловск, Петродворец» (издана в 1946 г.), которая, как сообщает он Штерну, будет «дополнение к „Душе Петербурга“». ¹⁸

Значительный интерес представляют и неопубликованные работы Андиферова: «Проблемы изучения „Медного всадника“» (с авторской пометой: «СПБ 1923—Москва 1950»), «Некрасовские места в Петербурге» ¹⁹ и др.

К 1920-м годам относится целый ряд работ Андиферова по градостроению и краеведению (см. прилагаемую библиографию). Так, в 1925 г. он выпускает монографию «Пути изучения города как социального организма: Опыт комплексного подхода», представляющую собой развернутую программу синтетического изучения города. Совместно с женой Андиферов подготовил трилогию под общим названием «Книга о городе» (Л., 1926—1927). В этом исследовании жизнь разных городов (от их возникновения до наших дней) проиллюстрирована на примерах из русской и мировой литератур. «Отрывки, включенные в эту книжку, — сообщают авторы в предисловии, — характеризуют типические стороны жизни города вне рамок стран и народов». ²⁰ Т. Н. и Н. П. Андиферовы через призму художественных текстов пытаются выявить типологические особенности городского жилища, транспорта, быта и других сфер жизни городского организма. Андиферов впервые предложил метод монтажа художественных текстов для типологической характеристики города.

Идеологическое наступление на интеллигенцию в середине 1920-х годов привело к разгрому исторического краеведения на рубеже 1930-х годов. ²¹

Волна репрессий захватила и Николая Павловича. В 1925 г. он был арестован, но вскоре освобожден; дважды Андиферов находился в лагерях: в 1929—1933 гг. (Соловки, Кемь, Беломоро-Балтийский канал) и в 1937—1939 гг. (Уссури). ²²

С 1934 г. и до конца жизни (скончался Андиферов в 1958 г.) Николай Павлович постоянно живет в Москве, работает в Государственном Литературном музее (с 1936 по 1956 г.).

Потеряв семью, Андиферов все свои чувства перенес на любимый город. Он часто приезжает в Ленинград, навещает могилы родных и друзей, в белые ночи водит москвичей по городу, бродит по паркам Пушкина, сидит перед Медным всадником.

«Петербург — это русские Афины, — записывает он свои ощущения от первой встречи с городом, еще до того как поселился в нем. — Стольный город русской духовной культуры». ²³ И для нас «душа» Петербурга навсегда связана с именем Николая Павловича Андиферова.

**Библиография работ Н. П. Анциферова по Петербургу,
градоведению и краеведению**

1921

1. Непостижимый город: (Петербург в поэзии А. Блока) // Об Александре Блоке : Сб. статей. Пб., 1921. С. 285—325.
2. О литературных экскурсиях // Педагогическое дело. 1921. № 1/2. С. 7—12.
3. О литературных экскурсиях // Школьные экскурсии, их значение и организация: Сб. научно-педагогических статей / Под общ. ред. Б. Е. Райкова. 2-е изд. Пб., 1921. С. 374—381.
4. Петербург Достоевского: (Опыт литературной экскурсии) // Экскурсионное дело. 1921. № 2/3. С. 49—68.

1922

5. Душа Петербурга. Пб., 1922. 226 с. с ил.

1923

6. О методах и типах историко-культурных экскурсий. Пг., 1923. 39 с.; То же // Современная школа. Пг., 1923. С. 129—155.
7. Петербург Достоевского / Рис. М. В. Добужинского. Пб., 1923. 106 с.
8. Литературные экскурсии: (Медный Всадник) // Вопросы экскурсионного дела по данным Петроградской экскурсионной конференции 10—12 марта 1923 г. / Под общ. ред. проф. Б. Е. Райкова. Пг., 1923. С. 27—32.
9. Литературные экскурсии // Ангерт Д. Н., Райков Б. Е. Экскурсионный метод в просветительной работе: По материалам Петроградской экскурсионной конференции 10—12 марта 1923 г. М.; Пг., 1923. С. 38—44.

1924

10. Быль и миф Петербурга. Пг., 1924. 84 с.
11. Город как объект экскурсий для внешкольников // Внешкольные экскурсии. М., 1924. С. 50—73.

1925

12. Пути изучения города как социального организма : Опыт комплексного подхода. Л., 1925. 148 с. с ил.
13. Наша улица: (Опыт подхода к изучению города) // Экскурсии в современность. Л., 1925. С. 5—51.
14. Экскурсии по экономическому и социальному быту городов: (Обследование рынка) // Экскурсии в культуру : Методический сборник / Под ред. проф. И. М. Гревса. М., 1925. С. 35—55.

1926

15. Город как выразитель сменяющихся культур: Картины и характеристики. Л., 1926. 224 с. с ил.
(На обл.: Книга о городе [1]. Перед загл. авт.: Н. и Т. Анциферовы).
 16. Пути изучения города как социального организма: Опыт комплексного подхода. 2-е изд. Л., 1926. 150 с. с ил., план.
 17. Современные города. Л., 1926. 228 с. с ил.
(На обл.: Книга о городе [2]. Перед загл. авт.: Н. и Т. Анциферовы).
 18. Теория и практика литературных экскурсий. Л., [1926]. 109 с.
 19. Теория и практика экскурсий по обществоведению. Л., 1926. 214 с.
- Приложение: Район морского порта (эпоха торгового капитализма) : Экскурсия по Васильевскому острову (Стрелка и Тучкова набережная). С. 156—211.

20. Главная улица города // На путях краеведения. М., 1926. С. 99—106.
 21. Город как объект экскурсионного изучения // Краеведение. 1926. № 2. С. 167—181.
 22. Культурные гнезда // Известия Центрального бюро краеведения. 1926. № 7. С. 223—226.
 23. Улица рынков (Садовая, ныне 3-го Июля в Ленинграде): Краеведческий материал для экскурсий по социальному и экономическому быту // По очагам культуры: Новые темы для экскурсий по городу. Методический сборник / Под ред. проф. И. М. Гревса. Л., 1926. С. 57—108.

1927

24. Детское Село. М.; Л., 1927. 96 с. с ил., планом. (Совместно с О. Рындиной).
 25. Жизнь города. Л., 1927. 299 с.
 (На обл.: Книга о городе [3]. Перед загл. авт.: Н. и Т. Анциферовы).
 26. Окрестности Ленинграда: Путеводитель / Под ред. Б. Брюллова и М. Сергеева. М.; Л., 1927. 384 с. с ил., карта и план.
 27. Беллетристы-краеведы: (Вопрос о связи краеведения с художественной литературой) // Краеведение. 1927. № 1. С. 31—46.
 28. Краеведение как историко-культурное явление // Известия Центрального бюро краеведения. 1927. № 3. С. 83—86.
 29. Краеведческие экскурсии // Известия Центрального бюро краеведения. 1927. № 4. С. 115—118.
 30. Типовая экскурсия по городу // Известия Центрального бюро краеведения. 1927. № 7 (сентябрь). С. 234—237.

1928

31. Краеведный путь в исторической науке: (историко-культурные ландшафты) // Краеведение. 1928. № 6. С. 321—338.

1929

32. Как изучать свой город: В плане школьной работы. М.; Л., 1929. 118 с.
 33. Пушкин в Царском Селе: (Литературная прогулка по Детскому Селу). Л., 1929. 55 с. с план., карт.
 34. Литература по городоведению // Краеведение. 1929. № 7. С. 409—421.

1940

35. Лермонтовские места в окрестностях Ленинграда // По лермонтовским местам. М., 1940. С. 102—110.

1946

36. Пригороды Ленинграда: Города Пушкин, Павловск, Петродворец. М., 1946. 112 с. с ил.

1949

37. Пушкинские места Ленинграда // Вокруг света. 1949. № 5. С. 35—40.

1950

38. Петербург Пушкина. М., 1950. 64 с. с ил.
 39. Пушкин в Царском Селе. М., 1950. 80 с. с ил.

1954

40. Москва и Петербург в жизни и творчестве Гоголя: (Материалы для литературных экскурсий) // Гоголь в школе: Сб. статей. М., 1954. 653—704.

- ¹ ЛГИА, ф. 303, оп. 2, д. 1865, л. 25 об.; д. 1875, л. 9 об.
- ² *Анциферов Н. П.* Путь моей жизни: Воспоминания (ОРИРК ГПБ, ф. 27 — архив в обработке, л. 386, 403).
- ³ *Анциферов Н. П.* Дневники: Петербургский университет (там же, л. 79, 83).
- ⁴ ЛГИА, ф. 14, оп. 1, д. 11096, л. 3—19.
- ⁵ Там же, л. 1.
- ⁶ Экскурсионное дело. 1921. № 2/3. С. 206—207.
- ⁷ *Гревс И. М.* Петроградский Экскурсионный институт: (его природа и задачи) // Экскурсионный вестник. 1922. Вып. 1. С. 2—3; см. также: Ленинградский гос. архив литературы и искусства, ф. 53, архив Петроградского Экскурсионного института.
- ⁸ См.: *Конечный А. М.* Общество «Старый Петербург — Новый Ленинград». 1921—1938 // Музей Т. М., 1987.
- ⁹ *Гревс И. М.* Дальние гуманитарные экскурсии и их воспитательно-образовательный смысл // Экскурсионное дело. 1922. № 4—6. С. 4—5; см. также: *Каганович Б. С.* И. М. Гревс — историк средневековой городской культуры // Городская культура: Средневековье и начало Нового времени. Л., 1986.
- ¹⁰ *Анциферов Н. П.* О методах и типах историко-культурных экскурсий. Пг., 1923. С. 23.
- ¹¹ Об Александре Блоке. Пб., 1921. С. 285.
- ¹² Из стихотворения А. А. Ахматовой «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» (1915).
- ¹³ *Анциферов Н. П.* 1919-й год (ОРИРК ГПБ, ф. 27, л. 7).
- ¹⁴ *Анциферов Н. П.* Душа Петербурга. Пб., 1922. С. 48.
- ¹⁵ Подробнее см. наш (совместно с К. А. Кумпан) комментарий к факсимильному переизданию этих трех монографий, которое готовит издательство «Книга».
- ¹⁶ ОРИРК ГПБ, ф. 27, т. 1, л. 15—16. См. также: *Анциферов Н. П.* Теория и практика литературных экскурсий. Л., [1926]. С. 102—103.
- ¹⁷ Собрание А. Г. Штерна. Выражаю глубокую признательность сыну Георгия Александровича Штерна Алексею Георгиевичу за любезно предоставленную возможность ознакомиться с его домашним архивом.
- ¹⁸ Из письма от 11 сентября 1944 г. (Собрание А. Г. Штерна).
- ¹⁹ См.: *Враская О. Б.* Архивные материалы И. М. Гревса и Н. П. Анциферова по изучению города // Археографический ежегодник за 1981 год. М., 1982.
- ²⁰ *Анциферовы Н. и Т.* Жизнь города. Л., 1927. С. 3.
- ²¹ См.: Советское краеведение. 1930. № 6. С. 5; Против вредительства в краеведческой литературе. Иваново, 1931.
- ²² См. воспоминания Н. П. Анциферова: «Воскресение»; «СЛОН: (Соловецкие лагеря особого назначения)»; «Шахтинское дело научной интеллигенции»; «Медвежья гора»; «1937-й год: Тюрьмы (Бутырки и Таганка)» (ОРИРК ГПБ, ф. 27; собрание А. Г. Штерна).
- ²³ *Анциферов Н. П.* Путь моей жизни (ОРИРК ГПБ, ф. 27, л. 362—363).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПР	— Архив внешней политики России. М.
ВИ	— Вопросы истории. М.
ВПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание
ВУА	— Военный ученый архив (в составе ЦГВИА СССР)
ГПБ	— Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л.
ЕБ	— Еврейская библиотека. Непериодические сборники. Спб.
ЕЭ	— Еврейская энциклопедия. В 16 томах. Спб.
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения. Спб.
ЖС	— Живая старина. Спб.
КСИЭ	— Краткое содержание трудов Института этнографии АН СССР
ЛГАЛИ	— Ленинградский государственный архив литературы и искусства
ЛГИА	— Ленинградский государственный исторический архив
ЛОИИ СССР	— Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР
ЛОИКФУН	— Ленинградское общество исследователей культуры финно-угорских народов
ОРИРК ГПБ	— Отдел рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л.
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей. Л.
РГО	— Российское географическое общество
СП	— Старый Петербург : Историко-этнографические исследования. Л., 1982.
СПч	— Северная пчела. Спб.
СЭ	— Советская этнография. М.
Тр. КИПС	— Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран
ЦГВИА СССР	— Центральный государственный военно-исторический архив СССР
ЦГИА СССР	— Центральный государственный исторический архив СССР
ЧОИДР	— Чтения Общества истории и древностей российских
ЭПЛ	— Этнография Петербурга—Ленинграда : Материалы ежегодных научных чтений. Л.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Семенова Л. Н. Снабжение хлебом Петербурга в XVIII в. (правительственная политика)	5
Конечный А. М. Петербургские народные гулянья на масленой и пасхальной неделях	21
Беспятых Ю. Н., Сухачев Н. А. Петербургский быт в Россике XVIII в.	53
Мыльников А. С. Выходцы из славянских земель в Петербурге (XVIII—начало XIX в.)	69
Юхнёва Н. В. Евреи Петербурга в период реформ 1860-х годов: социально-демографическая характеристика	81
Высочков Л. В. Об этническом составе сельского населения Северо-Запада России (вторая половина XVIII—XIX в.)	113
Шрадер Т. А. Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время	132
Ушаков Н. В. Жилище русских крестьян Петербургской губернии конца XIX—начала XX в.	140
Конечный А. М. Н. П. Анциферов — исследователь Петербурга ..	154
Список сокращений	162

ПЕТЕРБУРГ И ГУБЕРНИЯ
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Утверждено к печати
Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР

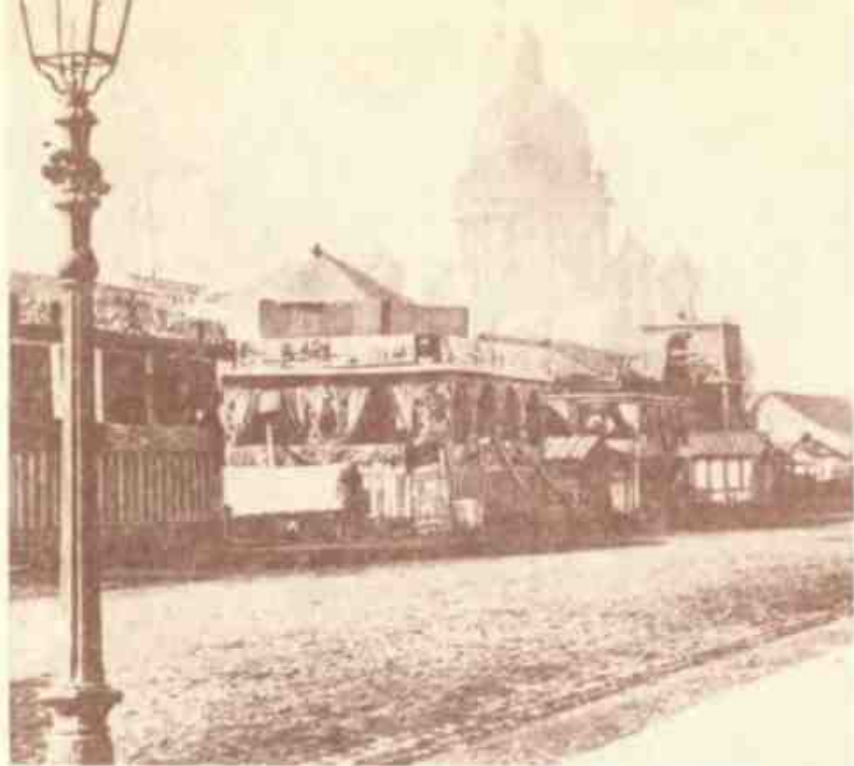
Редактор издательства *И. П. Палкина*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *И. Н. Исаков*
Корректоры *А. Х. Салтанаева* и *Г. И. Суворова*

ИБ № 44249

Сдано в набор 18.05.89. Подписано к печати 5.10.89. М-37571. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага
офсетная № 1. Фотоабор. Гарнитура академическая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10.25+
+0.75 вкл. Усл. кр.-от. 11.48. Уч.-изд. л. 14.0. Тираж 6200. Тип. зак. № 1593. Цена 1 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография
издательства «Наука».
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.



ПЕТЕРБУРГ И ГУБЕРНИЯ

ИСТОРИКО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ



„НАУКА“
Ленинградское
отделение

В сборнике продолжается публикация работ по этнографии Петербурга, начатая в книге „Старый Петербург: историко-этнографические исследования“ (Л., 1982). Включены также материалы, относящиеся к Петербургской губернии. Исследуются народные гулянья, снабжение населения хлебом, крестьянское жилище и другие темы. Большое внимание уделяется этнической проблематике (выходцам из славянских земель, евреям, немцам, финноязычным народам в Петербурге и губернии).

В 1989 году исполняется 100 лет со дня рождения известного исследователя Петербурга Н. П. Андиферова. В сборнике помещена статья о нем и библиография его трудов.

